

Анатолий Абрашкин

ЯБЛОКО НЬЮТОНА

Избранные статьи

Нижний Новгород, 2018

От автора

Статьи, собранные в этой книге, обладают одним общим свойством. Идеи, составляющие их суть, не принимаются академическим сообществом. Вернее, так, оно еще их не восприняло и предпочитает хранить молчание. Но я отчего-то уверен, что все они найдут отклик и вольются в общее дело понимания природы и человеческой истории.

Анатолий Абрашкин
Доктор физико-математических наук,
член Союза писателей России,
1 августа 2018 года

О КВАНТОВОЙ ПРИРОДЕ ЗАКОНА ВСЕМИРНОГО ТЯГОТЕНИЯ

Нелинейный мир, 2018. Т. 16. №1. С. 12-16.

Предложена модель первичного вакуума, состоящего из частиц с планковскими масштабами длины, времени жизни и массы, которые названы эфиронами. Квантовое гравитационное поле отождествляется с возбужденным состоянием эфиронного бозе-конденсата. Гравитон определяется как квазичастица волнового поля свободных эфиронов. В рамках квантово-полевого подхода дано объяснение формулы закона всемирного тяготения.

1. Введение

Закон всемирного тяготения был сформулирован Ньютоном в аналитическом виде, выражающим силу взаимодействия двух точечных масс [1]. Почти сразу же вслед за этим швейцарский математик Фабио, а потом и француз Лесажа предложили механическую модель гравитации, в основе которой лежало предположение о существовании мельчайших материальных корпускул, пронизывающих все природные тела. Но уже современники ученых (и в их числе Ньютон), осознавая наивность и несостоятельность данной теории, отвергали ее. Впоследствии модель Фабио-Лесажа подверглась сокрушительной критике со стороны Максвелла. Фейнман в своих знаменитых лекциях упоминает её, как пример наивной и несостоятельной теории [2]. Никаких других объяснений механизма гравитации до сих пор не приводилось.

В настоящей работе предложен квантовый механизм действия гравитации. Гравитационное поле (или гравитационный вакуум) отождествляется с возбужденным состоянием первичного вакуума, представляющим бозе-конденсат из виртуальных частиц с планковскими масштабами массы, длины и времени жизни. Эти частицы названы эфиринами. Волнам в ансамбле свободных эфиронов соответствуют квазичастицы, которые переносят импульс, но не переносят массы. Утверждается, что это и есть безмассовые гравитоны Стандартной модели элементарных частиц. Возникновение Ньютонической силы гравитационного взаимодействия между двумя массами объясняется как результат обмена гравитонами.

2. Модель физического пространства и эфирины

Будем отождествлять состояние начальной Вселенной с вакуумом, обладающим нулевой плотностью. Примем, что он заполняет пустое, беспредельное пространство и состоит из виртуальных частиц одного типа. Положим, что они обладают планковской массой

$$m_{pl} = \sqrt{\hbar/G} \approx 2,2 \cdot 10^{-5} e, \quad (2.1)$$

размером, равным планковской длине

$$l_{pl} = \sqrt{\hbar/c^3} \approx 1,6 \cdot 10^{-33} \text{ см}, \quad (2.2)$$

и живут временной отрезок, совпадающий с планковским масштабом времени

$$t_{pl} = \sqrt{\hbar/c^5} \approx 5,4 \cdot 10^{-44} \text{ с}, \quad (2.3)$$

в этих соотношениях \hbar - постоянная Планка, c - скорость света, а G - гравитационная постоянная. Введенные частицы являются элементами первичной виртуальной (“эфирной”) среды, из которой впоследствии образовался материальный мир. Будем называть их эфиронами [3, 4].

История планковских величин изложена в работах [5-7]. Ученые разных стран в разное время независимо приходили к выводу, что планковские величины обозначают границу применимости общей теории относительности и квантовой физики. В настоящее время подавляющее большинство физиков разделяет мнение, что планковская длина и планковское время определяют минимальные масштабы длины и времени, которые можно измерить экспериментально. Они являются предельными: и пространственные, и временные масштабы не могут быть меньше данных значений. Но в таком случае эфирон является принципиально ненаблюдаемой частицей. Он рождается на короткое время и практически тут же умирает. Никакой прибор не в состоянии зафиксировать эту частицу. Пространство, заполненное эфиронами, будем называть физическим пространством. В отличие от абсолютного пустого пространства, рассматриваемого в классической физике, оно содержит в себе ненаблюдаемый эфиронный континуум.

Для планковской массы радиус Шварцшильда в два раза превышает планковскую длину, поэтому эфирон является виртуальной черной дырой. Его внутренняя структура принципиально недоступна исследованию. Вследствие крошечного времени жизни, он не успевает создать внешнее гравитационное поле.

Помимо массы, эфирону можно приписать еще и скорость. Поскольку $l_{pl}/t_{pl} = c$, то эфирон движется со скоростью света. Специальная теория относительности запрещает стабильной частице, имеющей конечную массу покоя, двигаться со световой скоростью. Но эфирон – виртуальная частица. Планковские масштабы длины и времени выступают в качестве элементарных интервалов длины и времени, существующих в природе. Они обозначают границы установленным закономерностям природы и экспериментальным возможностям человека. Внутри этих границ теряют силу выводы специальной теории относительности. Поэтому движение ненаблюдаемого, “бесструктурного”, массивного эфирона со скоростью света в течение элементарного временного отрезка на протяжении элементарной длины ничему не противоречит.

Возможность существования частиц с планковской массой обсуждалась ранее в теоретической физике. М.А. Марков предположил, что эта частица определяет верхний предел (максимальную величину) в спектре масс элементарных частиц, и потому предложил называть ее максимоном [8-10]. Если поначалу ученый полагал, что максимоны можно связать с кварками, то впоследствии отказался от этой идеи, и утверждал, что данные частицы присутствуют на стадии коллапса материи при ее плотности, близкой к планковской. С. Хокинг также отмечал возможность существования гипотетических частиц планковской массы и образования ими сверхплотной материи на начальной стадии существования Вселенной [11, 12]. К.П. Станюкович независимо тоже пришел к идее существования частиц с планковскими масштабами [13], но называл их планкеонами (в честь Макса Планка). Для того, чтобы радиус Шварцшильда для частицы совпал с планковской длиной, он положил ее массу равной половине планковской массы. Он считал, что эти стабильные частицы, пусть и в достаточно малом количестве, но существуют повсеместно [14].

Вводимая нами частица определяется как виртуальная, и тем самым, кардинально отличается и от максимона, и от планкеона. М.А. Марков, С. Хокинг и К.П. Станюкович для своих частиц воспользовались только двумя планковскими масштабами – массой и

линейным масштабом (см. таблицу). В отличие от них, мы приписываем планковской частице конечное время жизни t_{pl} . Такие частицы составляют вакуум. Это сгустки энергии (массы), возникающие и умирающие практически мгновенно, и этим своим свойством они решительно отличаются от максимонов и планкеонов. К тому же, если максимон (или планкеон) всегда движутся с досветовой скоростью, то скорость нашей (виртуальной планковской) частицы в точности равна скорости света c . Ввиду наличия столь существенных отличий нам видится вполне оправданным введение нового термина

Частица, ученый, год	Масса	Размер	Время жизни, тип частицы	Скорость	Где гипотетически существует?
Максимон, Марков, 1965	m_{pl}	l_{pl}	∞ , стабильная	$< c$	Предельно плотные состояния материи.
Хокинг, 1971	m_{pl}	l_{pl}	∞ , стабильная	$< c$	На начальной стадии Вселенной
Планкеон, Станюкович, 1966	$\frac{1}{2} m_{pl}$	l_{pl}	∞ , стабильная	$< c$	Повсеместно
Эфирон, А.А., 2008	m_{pl}	l_{pl}	t_{pl} , виртуальная	c	Вакуум

Табл. 1. Модели частиц с планковскими масштабами

“эфирон” - виртуальной частицы, обладающей всеми тремя планковскими масштабами.

Эфирон – единственная элементарная частица, все параметры которой определяются через величины мировых констант. Это указывает на его фундаментальное значение в теории элементарных частиц и физических взаимодействий.

Эфирон “размазан” на планковской длине. Его виртуальное проявление можно представить, как рождение в течение планковского масштаба времени t_{pl} на масштабе l_{pl} сверхплотного состояния с планковской плотностью $\rho_{pl} \sim m_{pl}/l_{pl}^3 \sim 10^{94} \text{ г/см}^3$. Но при этом величина ρ_{pl} не имеет никакого отношения к плотности космического вакуума, которую мы связываем с плотностью эфиронного конденсата (эфиронной “среды”).

Эфирон выступает реально существующим объектом, задающим пределы нашему проникновению в микромир. Погрешность в измерении импульса эфирона Δp_e равна величине его импульса $p = m_{pl} \cdot c$, а погрешность в измерении положения Δr_e равно планковской длине. Произведение двух этих погрешностей в точности равно постоянной Планка:

$$\Delta p_e \cdot \Delta r_e = \hbar \quad (2.4)$$

Принцип неопределенности для эфилона, таким образом, выполняется в виде строгого равенства. Это является следствием того, что эфиру приписана определенная скорость и масштаб локализации.

3. Механизм квантовой гравитации

Рассмотрим бозе-конденсат эфирионов. Покажем, что он обладает свойствами квантового гравитационного поля, результатом действия которого является сила всемирного закона тяготения.

Пусть взаимодействие двух материальных частиц происходит в результате обмена квантами эфирионного поля - гравитонами. Являясь квазичастицами, гравитоны передают только импульс и их, в полном согласии со Стандартной моделью, можно считать безмассовыми. Другое требование теории к гравитону – величина спина, которая должна равняться 2. Для этого положим, что эфирионы имеют точно такой же спин. Волновая функция частицы со спином 2 есть неприводимый 4-тензор ранга 2 [15], удовлетворяющий дополнительному условию 4-поперечности. Каждая из пяти его независимых компонент удовлетворяет уравнению Клейна-Гордона-Фока [15], где в качестве массы частицы фигурирует планковская масса.

Уравнение Клейна-Гордона-Фока определяет дисперсионное уравнение гравитационных волн, которое записывается в следующем виде

$$\omega^2 = c^2 k^2 + \frac{m_{pl}^2 c^4}{\hbar^2} = c^2 (k^2 + l_{pl}^{-2}) = c^2 k^2 + t_{pl}^{-2} \quad (3.1)$$

здесь ω - угловая частота, а k - волновое число. При его записи использовались соотношения (2.1)-(2.3). Квантовые гравитационные волны, в отличие от классических волн ОТО, обладают дисперсией. Однако в коротковолновом пределе $kl_{pl} \gg 1$ дисперсия отсутствует: $\omega^2 \approx c^2 k^2$. В гравитационном вакууме могут распространяться только волны с частотой больше планковской частоты $\omega_{pl} = t_{pl}^{-1} = 0,19 \cdot 10^{44} \text{ Гц}$. Их групповая скорость равна

$$v_g = \frac{d\omega}{dk} = \frac{c}{\sqrt{1 + (kl_{pl})^2}} \quad (3.2)$$

При $k \rightarrow \infty$ (малые длины волн) величина $v_g \rightarrow c$, а в случае $kl_{pl} \ll 1$ величина групповой скорости стремится к нулю (волны не распространяются). Таким образом, квантовые гравитационные волны отличаются чрезвычайно большой частотой и чрезвычайно малой (порядка планковской) длиной волны. Эти их свойства, очевидно, являются следствием большой массы эфирионов.

Коротковолновая часть спектра волнового пакета распространяется практически со скоростью света, которая и определяет скорость передачи гравитационного

взаимодействия. Согласно принципу корпускулярно-волнового дуализма, гравитационной волне можно поставить в соответствие частицу с импульсом \vec{p} и энергией ε , которые задаются формулами

$$\vec{p} = \frac{\hbar \vec{k}}{c}, \quad \varepsilon = \hbar \omega. \quad (3.3)$$

Это не реальная частица, а волновое возбуждение: оно переносит импульс, но не массу и соответствует гравитону в Стандартной модели элементарных частиц – частице с нулевой массой. Гравитоны – элементарные волновые возбуждения гравитационного вакуума или квазичастицы с законом дисперсии (3.1).

Устанавливая соответствие между полем эфиронов и материальными частицами, примем, что частица с массой m_{pl} излучает гравитон, переносящий импульс и энергию, которые определяются соотношениями (3.1), (3.3). Будем учитывать при этом только положительные значения частоты ω , решения с отрицательными значениями энергии требуют специального рассмотрения. Кроме того, естественно принять, что планковская масса выступает квантом массы, и каждая частица возбуждает колебания гравитационного поля пропорционально своей массе m . Число квантов $N = m/m_{pl}$ будет некоторым, не обязательно целым числом.

Покажем теперь, что, используя наш подход, можно объяснить механизм действия закона всемирного тяготения. Рассмотрим вначале взаимодействие двух точечных материальных частиц, обладающих планковскими массами и находящихся на расстоянии r друг от друга. Пусть первая из этих частиц возбуждает виртуальный гравитон, а вторая частица его поглощает. Неопределенность импульса Δp , который передается от первой частицы второй, равна

$$\Delta p = \frac{\hbar}{r},$$

здесь по аналогии с формулой (2.4) использован знак строгого равенства. В самом деле, если принцип неопределенности для эфиронов выполняется в виде равенства, то и для квазичастиц (гравитонов), соответствующих их коллективным колебаниям, должен сохраниться знак равенства. Гравитон достигнет второй частицы через время $\Delta t = r/c$. Когда вторая частица поглотит его, то обмен гравитоном можно будет интерпретировать, как взаимодействие с силой

$$F_{pl} = \frac{\Delta p}{\Delta t} = \frac{\hbar}{r^2}.$$

Это сила притяжения для двух частиц планковской массы. Она обратно пропорциональна квадрату расстояния, как и требует закон всемирного тяготения.

Рассмотрим теперь частицы с произвольными массами m_1 и m_2 . Выразим массы частиц через планковские массы:

$$m_1 = N_1 m_{pl}; \quad m_2 = N_2 m_{pl},$$

тогда сила, действующая на вторую частицу со стороны первой, будет определяться равенством

$$F_{21} = \frac{G}{r^2} N_1 N_2 = \frac{G}{m_{pl}^2} \frac{m_1 m_2}{r^2} = G \frac{m_1 m_2}{r^2} \quad (3.4)$$

Мы объяснили величину силы взаимодействия. Но почему она будет силой притяжения?

Обратим внимание, что импульс квазичастицы (3.3) – вектор. В силу симметрии сила гравитационного взаимодействия точечных частиц направлена вдоль соединяющей их прямой. Следовательно, направление действующей силы определяется направлением вектора $\Delta \vec{p} / \Delta t$ или, согласно (3.3), направлением вектора $\Delta \vec{k} / \Delta t$. В силу закона дисперсии (3.2) короткие волны распространяются быстрее, но тогда вектор $\Delta \vec{k} / \Delta t$ направлен противоположно вектору \vec{r}_{12} , соединяющему массы m_1 и m_2 , и, следовательно, в векторной форме выражение (3.4) можно переписать так:

$$F_{21} = -G \frac{m_1 m_2}{r^3} \vec{r}_{12}$$

Сила со стороны первой частицы на вторую, очевидно, будет силой притяжения.

4. Заключение

Все известные теории квантовой гравитации, как и электродинамика, игнорируют вопрос о конкретной структуре физического пространства (вакуума). В настоящей работе этот вопрос выходит на первый план. Первичный вакуум определяется как бозе-конденсат, состоящий из эфиронов – виртуальных частиц с планковскими масштабами. Свободные волновые колебания в эфиронном конденсате отождествляются с квантовыми гравитационными волнами. Они обладают дисперсией, распространяются на частотах, превышающих планковскую частоту, и имеют чрезвычайно малую (порядка планковской) длину волны. При объяснении формулы закона всемирного тяготения было использовано, что а) гравитоны – квазичастицы волнового эфиронного поля; б) принцип неопределенности для них выполняется в виде строгого равенства; и в) планковская масса выступает квантом массы. Каждое из этих положений достаточно необычно, но объединенные вместе они дают эффективное решение проблемы.

Выражаю признательность профессору Е.М. Громову за полезные обсуждения.

Литература

- [1] И. Ньютон. Математические начала натуральной философии.
- [2] Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Т. 1., М.: Мир, 1976.
- [3] Abrashkin A.A. The model of dark matter and gravitational waves // Leopoldina Dark Energy Conference, Munich, 2008; <http://www.mpe.mpg.de/events/dark-energy-2008>.
- [4] Абрашкин А.А. Модель вакуума как планковского бозе-конденсата // Нелинейный мир, 2009, № 7, с. 506-512,.

- [5] Gorelik G.E. First steps of quantum gravitation and the Planck values // Einstein Studies. Vol. 3, Boston, 1992, p. 364-379.
- [6] Горелик Г.Е., Френкель В.Я. Матвей Петрович Бронштейн. М.: Наука, 1990. 272 с.
- [7] Томилин К.А. Фундаментальные физические постоянные в историческом и методологическом аспектах. М.: Физматлит, 2006. 368 с.
- [8] Markov M.A. Can the gravitational field prove essential for the theory of elementary particles? // Progr. Theor. Phys., Suppl. extra number. Commemoration Issue for the 30th Anniversary of the Meson Theory by Dr. H. Yukawa, 1965, p. 85.
- [9] Марков М.А. Может ли гравитационное поле оказаться существенным в теории элементарных частиц? В кн.: Альберт Эйнштейн и теория гравитации. М.: Мир, 1979, с. 467-478.
- [10] Марков М.А. Элементарные частицы максимально больших масс (кварки, максимоны) // ЖЭТФ, 1966, т. 51, вып. 3(9), с. 878-890,.
- [11] Hawking S. Gravitational collapsed objects of very low mass // Month. Notic. Roy. astron. Soc., 1971, v. 152, pp. 75-78.
- [12] Hawking S.W. Black holes in general relativity // Comm. Math. Phys., 1972, v. 25, p. 152.
- [13] Stanyukovich K. On the Problem of the Existence of Stable Particles in the Metagalaxy // The Abraham Zelmanov Journal, 2008, v. 1, pp. 99- 110.
- [14] Васильев М.В., Климонтович Н.Ю., Станюкович К.П. Сила, что движет миром. М.: Атомиздат, 1978. 160 с.
- [15] Берестецкий В.Б., Лифшиц Е.М., Питаевский Л.П. Квантовая электродинамика. М.: Наука, 1989. 723 с.

О ВОЗМОЖНОМ МЕХАНИЗМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

**Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского,
2009. №1. С. 99-103**

Высказана гипотеза, что возникновение турбулентных пульсаций в жидкости или газе связано с существованием когерентных возмущений плотности на масштабе, существенно меньшем масштаба гидродинамического описания. Коллективным колебаниям молекул при таком сценарии ламинарно-турбулентного перехода соответствуют элементарные возбуждения (квазичастицы), названные турбулонами.

История вопроса

Еще в 1839 году Г. Хаген, изучая течения воды в прямых круглых трубах небольшого радиуса [1], обратил внимание на существование двух резко отличающихся типов движений жидкости. Один из них – ламинарный - характеризуется плавными (в масштабах течения) траекториями жидких частиц, второй же, наоборот, отличается их крайней запутанностью и нерегулярностью. Эта особенность движений жидкости была названа турбулентностью, а соответствующие течения – турбулентными.

Общий критерий возникновения турбулентности был установлен О. Рейнольдсом (1883), который на примере течения жидкости в круглой трубе изучил условия перехода ламинарного движения в турбулентное [2]. Турбулизация жидкости происходит всегда приблизительно при одном и том же значении безразмерного параметра (числа Рейнольдса), равного $Re = UL/\nu$, где U - средняя скорость течения, L - его характерный

масштаб (например, диаметр трубы), а ν - кинематическая вязкость. Этот результат согласуется с уравнением Навье-Стокса для несжимаемой жидкости:

$$\frac{\partial u^i}{\partial t} + (u^j \nabla_j) u^i = -\nabla^i p + \frac{1}{\text{Re}} \Delta u^i, \quad (1)$$

где число Рейнольдса – единственный параметр (входящие в (1) величины – скорость u^i , время t , давление P , - безразмерны).

В своих опытах Рейнольдс определил критическое число перехода $\text{Re}_c \approx 2300$. При значениях $\text{Re} < \text{Re}_c$ течение оставалось ламинарным, а в случае $\text{Re} > \text{Re}_c$ становилось турбулентным. Значение критического числа Рейнольдса существенно зависит от условий входа потока в трубу. Оно тем больше, чем меньше возмущения в жидкости, притекающей к входу. Путем особенно тщательного устранения возмущений при входе в трубу удалось достичь значения критического числа Рейнольдса около 50 000. Предельно ли оно, неизвестно, но зато самые разные эксперименты показали, что существует нижняя граница для Re_c , лежащая приблизительно при 2000 [3]. При числах Рейнольдса, меньших этого значения, со временем затухают даже самые сильные возмущения.

Турбулентность изучается уже более века. Известно несколько попыток объяснить ее природу.

а) Картина, предложенная Лере (1934). Поскольку теоремы существования и единственности трехмерных уравнений Навье-Стокса доказаны только для малых интервалов времени, то предполагается, что турбулентности отвечает разрушение решений этих уравнений по истечении некоторого времени [4]. Эта точка зрения не может претендовать на роль универсального сценария, так как для многих турбулентных течений решения уравнений Навье-Стокса не разрушаются.

б) Картина, предложенная Ландау (1944) и Хопфом (1948) (см. соответственно [5] и [6]). Происхождение турбулентности объясняется как процесс смены неустойчивых режимов течения, порождающих последовательно волновые возмущения с новыми частотами. В случае большого числа и несоизмеримости этих частот суммарное поле возмущений может быть достаточно сложным, чтобы претендовать на описание хаотического движения жидкости. Данный сценарий отвергнут специалистами, поскольку построенное таким образом решение уравнений Навье-Стокса является по существу квазипериодическим, и, следовательно, обладает признаками, несовместимыми со свойствами реальной турбулентности.

в) Картина, предложенная Рюэлем и Такенсом (1971) восходит к общей теории динамических систем [7]. В ней предполагается, что режим турбулизации течения связан с образованием в фазовом пространстве системы стохастического (странного) аттрактора. Природа турбулентности в рамках данного подхода, однако, не обсуждается. Кроме того, “классификация возможных типов странных аттракторов, которые могут встретиться в реальных гидродинамических задачах, в настоящее время неизвестна; неясны даже критерии, на которых должна была бы основываться такая классификация. Существующие знания о структуре странных аттракторов основаны в основном лишь на изучении примеров, возникающих при компьютерном решении модельных систем обыкновенных дифференциальных уравнений, довольно далеких от реальных гидродинамических уравнений” [8]. Высказывалась даже точка зрения, что “обрезание” исходных уравнений

выкидывает турбулентность [9]. Для полных же уравнений Навье-Стокса не только не известно ни одного турбулентного решения, но даже не известно, существует ли такое.

Один из классиков теории гидродинамической устойчивости Р. Бетчов признался: “Одной из наиболее сложных проблем в механике жидкости и, вероятно, во всей современной физике является проблема перехода. В результате попыток решения этой проблемы, имеющих столетнюю историю, достигнуто лишь поверхностное понимание явления перехода...” [10]. В этих словах предельно ясно отражено нынешнее состояние проблемы: аттракторная гипотеза, даже если она и будет доказана, не дает никакого понимания относительно физического механизма перехода. И безуспешность многолетних попыток объяснить механизм турбулизации жидкости наводит на мысль, что решение проблемы следует искать в принципиально ином направлении.

Неуниверсальность критического числа Рейнольдса

С.А. Новопашин из Института теплофизики СО РАН и А. Мюриел (2002) повторили в усовершенствованном варианте классические опыты Рейнольдса [11]. Явление ламинарно-турбулентного перехода исследовалось ими для жидкостей (H_2O , D_2O), а также для ряда инертных (He , Ne , Ar , Kr , Xe) и молекулярных (N_2 , CO , CO_2 , SF_6) газов. Движение жидкости и газов наблюдалось в стеклянной цилиндрической трубке с внутренним диаметром 1,3 мм и длиной 30 мм и создавалось за счет перепада давления на ее концах. В зависимости от степени шероховатости входа в трубочку критическое число Рейнольдса меняется в довольно широких пределах. В данной серии экспериментов “качество” входа было выбрано таким, чтобы критическое число Рейнольдса для азота было около 3300.

Для несжимаемых жидкостей число Рейнольдса выступает единственным параметром, определяющим режим течения. Тем не менее, критические числа перехода к турбулентности для обычной и тяжелой воды в экспериментах [11] оказались отличными друг от друга:

$$Re_c(H_2O) = 3020; \quad Re_c(D_2O) = 3480,$$

причем, относительное различие между ними составило более 10 процентов.

Для исследовавшихся газов разброс в значениях критического числа Рейнольдса лежал в полосе 2500-3570 (см. табл. 1). На точку перехода в газах, помимо параметра Re_c , влияет также и число Маха $M = u/c$, c - скорость звука. Но при уменьшении числа Маха, согласно традиционным представлениям, число Рейнольдса должно было бы стремиться к величине 3020, соответствующему ламинарно-турбулентному переходу для воды. Очевидно, что этого тоже не наблюдалось.

Газ	SF_6	Xe	CO_2	Kr	Ar	N_2	CO	Ne	He
Re_c	2500	2900	2950	3200	3300	3300	3570	3570	3450
M	0,04	0,05	0,08	0,08	0,1	0,11	0,12	0,17	0,19

Табл. 1. Значение критического числа Рейнольдса и числа Маха для разных газов.

Авторы [11] установили также, что отличия в величине критического числа Рейнольдса нельзя объяснить различиями в значениях второй вязкости, коэффициента теплопроводности, а также влиянием внешних шумов. Подытоживая результаты экспериментов, они сделали вывод: “Полученные данные показывают, что критическое число Рейнольдса не универсально и что на процесс ламинарно-турбулентного перехода оказывают влияние индивидуальные свойства молекул жидкости или газа. Мы заключаем, что строгая теория турбулентности должна основываться на синтезе гидродинамической, статистической и, возможно, квантовой теорий”.

Это заключение ни в коей степени не следует рассматривать как попытку дискредитации проводившихся ранее исследований в рамках классической гидромеханики. Точно так же оно не подвергает сомнению и справедливость применения уравнения Навье-Стокса для описания процесса перехода. Турбулентные течения жидкости очень хорошо удовлетворяют гипотезам, используемым при выводе уравнений Навье-Стокса из законов Ньютона. Масштаб самых маленьких вихрей, имеющих в турбулентном течении, по крайней мере, на три порядка больше длины среднего свободного пробега для жидкости, за исключением весьма специальных случаев [12]. В силу этого имеющиеся теории, согласно которым причина возникновения турбулентности связана с возможным нарушением уравнений Навье-Стокса, необоснованны. Другое дело, что микроскопические свойства среды влияют на условия перехода, а сам процесс рождения пульсаций зависит от конкретной жидкости или газа.

Концепция турбулонов

Запишем условие турбулизации течений в следующем виде:

$$UL = \nu Re_c \quad (2)$$

Посмотрим на это соотношение с несколько необычной точки зрения. Будем следить в турбулентном течении за отдельной жидкой частицей массы m . Она, разумеется, движется хаотически, причем, величина U служит мерой неопределенности ее скорости, а L - масштабом неопределенности ее местоположения. Но в таком случае для данной частицы справедлив принцип неопределенности Гейзенберга:

$$UL \approx \frac{\hbar}{m}, \quad (3)$$

где $\hbar = 1,055 \cdot 10^{-27}$ эрг·сек - постоянная Планка. Предположим, что турбулизация течения возникает как проявление квантовых эффектов в жидкости, так что одновременно выполняются равенства (2) и (3). Приравняв их правые части и выбирая значения кинематической вязкости и критического числа Рейнольдса соответствующими обычной воде ($\nu = 10^{-2}$ см²/с, $Re_c = 3 \cdot 10^3$), оценим массу частицы:

$$m = \frac{\hbar}{\nu Re_c} = 0,35 \cdot 10^{-28} \text{ г} \quad (4)$$

Эта величина меньше массы электрона, поэтому ясно, что никакой жидкий объем не может выступать в качестве такой частицы.

Ситуация, однако, принципиально изменится, если принять, что в качестве рассматриваемой частицы выступает микрополость или “дырка”. Существование таких образований утверждается, в частности, в дырочной теории жидкостей. “Внешняя целостность жидкого тела является на самом деле кажущейся. <...> Оно пронизано множеством поверхностей разрыва, которые при отсутствии растягивающих внешних усилий не успевают развиться, но как бы “самозалечиваются”, т.е. спонтанно закрываются в одном месте, возникая при этом в других и образуя в теле в каждый данный момент времени совокупность микрополостей, или “кавитаций” в виде трещин, дырок и т.д. Если это представление соответствует действительности, то свободный объем жидкости <...> не распределяется равномерно между всеми ее частицами <...>, но сосредотачивается в виде отдельных микрополостей, играющих роль своего рода атомов или “квантов” пустоты” [13]. Их можно также называть “кавитационными флуктуациями” (Я.И. Френкель).

Возникновение кавитационных флуктуаций в жидкости следует рассматривать как следствие неустойчивости правильного расположения частиц при слишком больших расстояниях между ними. Среднее значение радиуса дырок r_* не зависит от размера молекул и оценивается по формуле [13]: $r_* = \sqrt{KT/\sigma}$, здесь K - постоянная Больцмана, T - температура, σ - коэффициент поверхностного натяжения. Для воды при комнатной температуре он равен приблизительно $r_* \approx 2,3 \cdot 10^{-8}$ см. Соответственно масса дырки при условии, что она заполнена воздухом с плотностью $\rho_a = 1,2 \cdot 10^{-5}$ г/см³, равна

$$m_*(H_2O) = \frac{4}{3} \pi \rho_a r_*^3 \approx 6,4 \cdot 10^{-28} \text{ г.}$$

Она лишь на порядок отличается от массы частицы m , для которой справедлив принцип неопределенности (см. (3)). На основании этого сформулируем следующую гипотезу: возникновение турбулентности в жидкости связано с образованием внутри нее устойчиво существующих микроразрывов сплошности (“дырок”) с характерным масштабом, равным межмолекулярному расстоянию $a \sim 10^{-8}$ см.

В обычном состоянии (при ламинарном течении) движение дырок, являющееся результатом перемещения обрамляющих их частиц, происходит в жидкостях примерно так же, как и в кристаллах, т.е. “рывками”, обусловленными захлопыванием дырки в одном месте при одновременном возникновении новой дырки в соседнем месте. Время существования дырки в данном месте крайне мало. Она “схлопывается” за время $\tau \sim a/c$, где c - тепловая скорость молекул жидкости. Принимая ее равной по порядку величине скорости звука $c \sim 10^5$ см/с, найдем, что $\tau \sim 10^{-13}$ с. Это время значительно меньше всех характерных времен, связанных с динамикой течений жидкости. В силу этого дырки не оказывают влияния на движение отдельной жидкой частицы, которое описывается уравнением (1). В турбулентном течении ситуация качественно меняется. Согласно нашей гипотезе, отдельные кавитационные флуктуации синхронизируются, и дырка может существовать значительно дольше (формально, бесконечно). В турбулентности она представляет уже результат коллективного возбуждения всех молекул жидкости и

путешествует сквозь жидкость плавно. Если поле течения при переходе к турбулентности стохастизируется, то поле кавитационных флуктуаций, наоборот, как бы упорядочивается. Дырка отвечает некоторому когерентному состоянию системы молекул жидкости. Такую “частицу” назовем турбулоном. Кавычки в данном случае отражают факт, что движущуюся дырку можно интерпретировать двумя способами: как обычную частицу, обладающую определенными массой и скоростью, и как квазичастицу (волну возмущения плотности), распространяющуюся сквозь жидкую среду.

В жидкости всегда присутствуют растворенные газы. Как бы ни была мала сжимаемость жидкости, но она существует. Объем газовых включений с ростом сжимаемости увеличивается, и логично считать, что именно на их основе формируются дырки. Во “френкелевских” дырках естественно видеть зародыши пузырьков, которые при определенных условиях могут возникать в жидкости. Во всяком случае, в нагретой жидкости вблизи точки кипения правомерность такой точки зрения не вызывает сомнений.

Заметим в связи с этим, что поверхностная энергия сферической капли чистой воды в воздухе при 14°C равна скрытой теплоте парообразования этой капли при той же температуре, если радиус капли равен приблизительно 10^{-8} см [14]. Но это значит, что образование турбулона в жидкости можно интерпретировать как локальное (квазиточечное) вскипание жидкости, а сам процесс перехода как фазовый переход.

Для газов понятие “дырки” утрачивает смысл. “Дырки сливаются в пустоту, в которую вкраплены отдельные молекулы, так что пустота перестает играть роль дисперсной фазы и превращается в дисперсную среду” [13]. Кроме того, силы сцепления между частицами газа уже не могут обеспечить их компактного расположения. В отличие от жидкостей, газы даже на микроуровне представляют гомофазную среду. Обосновать предположение о возможности существования когерентного возбуждения в ансамбле движущихся молекул (или атомов) газа гораздо сложнее. Но, с другой стороны, переход к турбулентности в газах происходит при достаточно высоком уровне сжимаемости. В экспериментах [11] число Маха изменялось у разных газов в пределах от 0,04 до 0,19. В движущемся газе его частицы в среднем сближаются, силы их взаимного притяжения соответственно увеличиваются и как бы воссоздается ситуация, свойственная жидкостям. Отсюда, в свою очередь, вытекает, что точно так же, как и в жидкостях, в газе возможно образование долгоживущих (на временах порядка $L/U \gg \tau$) турбулонов. В газах турбулоны – это всегда квазичастицы, но так же, как и в жидкости, им можно приписать некоторую эффективную массу m_* , определяемую формулой (4). По порядку величины она примерно такая же, как и для турбулонов в жидкости. Ее же отличия для разных жидкостей и газов как раз и объясняют разницу в величинах критического числа Рейнольдса.

В пользу данного предположения свидетельствуют результаты эксперимента [15], в котором показано существование квазичастиц в турбулентном слое смешения сверхзвуковой струи. Их характерный размер составляет порядка 10^3 мкм, что порядка или даже превышает масштаб усреднения гидродинамических величин. Для несжимаемой среды, согласно нашей идее, размер квазичастиц существенно меньше.

Формализуем теперь нашу гипотезу так, чтобы она была приложима равно как к жидкостям, так и газам. Турбулентные пульсации в жидкости связаны с существованием когерентных возмущений плотности жидкости или газа. Коллективным колебаниям молекул соответствуют элементарные возбуждения (квазичастицы), названные нами турбулонами.

Турбулентные пульсации создаются ансамблем турбулонов, возникающих в жидкости (газе) при превышении критического числа Рейнольдса. Наш сценарий возникновения турбулентности до некоторой степени схож с картиной перехода Ландау-Хопфа. И там, и тут поле возмущений скорости представляет сумму большого (но конечного) набора элементарных волн. Отличие же состоит в том, что турбулоны – квантованные возмущения, и результирующее поле скорости, индуцируемое ими, не квазипериодическое, а случайное.

Особо подчеркнем в связи с этим неприемлемость аттракторной (предполагающей малое число степеней свободы) гипотезы для объяснения турбулентности. Ситуация с возбуждением небольшого количества турбулонов, по-видимому, никогда не реализуется в действительности. Это, конечно же, не исключает возможности формирования аттрактора для турбулизованного движения, но как самостоятельный сценарий перехода к турбулентности вариант с аттрактором следует исключить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hagen G. *Über die Bewegung des Wassers in engen zylindrischen Röhren*. Pogg. Ann., **46**, 423-442.
2. Reynolds O., *On the experimental investigation of the circumstances which determine whether the motion of water shall be direct or sinuous, and the law of resistance in parallel channels*. Phil. Trans. Roy. Soc. **174**, 935-982 (1883); см. также *Collected Papers II*, 51.
3. Шлихтинг Г. *Теория пограничного слоя*. М.: Наука, 1974.
4. Leray J. *Sur le mouvement d'un liquide visqueux emplissant l'espace*. Acta math. **63**, 193-248 (1934).
5. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. *Механика сплошных сред*. М.: Гостехиздат, 1953.
6. Hopf E. *A mathematical example displaying features of turbulence*. Commun. Pure Appl. Math. **1**, 303-322 (1948).
7. David Ruelle and Floris Takens, *On the Nature of Turbulence*, Commun. Math. Phys., **20**, 167-192, Springer-Verlag, 1971.
8. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. *Гидродинамика*. М.: Наука, 1986.
9. Марсден Дж. *Попытки установить соотношение между уравнениями Навье-Стокса и турбулентностью // Странные аттракторы (Пер. с англ. под ред. Я.Г. Синая и Л.П. Шильникова)*. М.: Мир, 1981. С. 7-20.
10. Бетчов Р. *Переход // Турбулентность. Принципы и применения (Под ред. У. Фроста, Т. Моулдена)*. М.: Мир, 1980. С. 164-183.
11. S. Novopashin, A. Muriel. *Is the Critical Reynolds Number Universal?* ЖЭТФ, 2002. Т. 122. Вып. 2 (8). С. 306-309.
12. Чорин А. *Теории турбулентности // Странные аттракторы (Пер. с англ. под ред. Я.Г. Синая и Л.П. Шильникова)*. М.: Мир, 1981. С. 30-37.
13. Френкель Я.И. *Кинетическая теория жидкостей*. Москва-Ижевск: НИЦ "Регулярная и хаотическая динамика", 2004.
14. Бэтчелор Дж. *Введение в динамику жидкости*. М.: Мир, 1973.
15. Новопашин С.А., Перепелкин А.Л., Ярыгин В.Н. *Обнаружение квазичастиц в турбулентном слое смешения сверхзвуковой струи // Письма в ЖЭТФ*. Т. 44. Вып. 7. С. 318-319.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика, 2016. Т. 24. № 5. С. 84-91.

Предложена этимология основных русских числительных. Происхождение названий первых четырех чисел связывается с древнейшей эротической культурной традицией. Рождение названий чисел от пяти до десяти и числа двенадцать объясняется влиянием славянского алфавита. Дана интерпретация слов сорок, девяносто, сто и тысяча.

В названии своего толкового словаря Владимир Иванович Даль применительно к нашему языку употребил слово “живой”. В подзаголовке он приписал, что это следует понимать, как “направление исследования”. Выражение достаточно туманное. Оно ничего не проясняет, однако приглашает задуматься. Параллель “живой – живущий” слишком очевидна. В современном мире существуют сотни, если не тысячи языков. В противовес умершим и вышедшим из употребления их можно называть живыми. Но не такой смысл писатель вкладывал в свою характеристику. Окунувшись в глубины великорусской языковой стихии, он ощутил её корневую связь с миром природы, её естественность. Слово “птица” неразрывно связано с глаголом “петь”, речь в русском восприятии – та же река, только наполненная духом и смыслом. Великорусский язык живой потому, что его корни хранят память тысячелетий, первообразы человеческой речи. Урожай – это то, что рождает мать – сыра земля, медведь ведает, где мёд, а облако – белое око небосвода. Жизнью наполнен наш язык, её вечной юностью, таков смысл далевского определения.

Но коли так, то, как говорится, сам бог велел, поискать глубинные основания нашей речи. Например, среди числительных.

Почему Иван-дурак третий сын?

Было время, когда человек только-только учился считать. Каменный век царил на Русской равнине. Математика тогда ещё не родилась, но первые числа уже существовали. Их соотносили с чёрточками, нарисованными на земле или процарапанными на камне. Или с палочками, выложенными вертикально в ряд. Одна палочка означала “один”, две палочки – “два”, три палочки – “три”...

Имена первым числам давали поэты. За каждым числом они видели определённый образ. Палка – древнейший символ мужского начала, а единица, повторяющая своим видом вертикальный обелиск, – символическое изображение бога плодородия. Наши предки называли его Уд. От словосочетания “Уд он” и произошло числительное “один”. Вы скажете, появились другие гласные. Но слову-то не одна тысяча лет, а при произношении сохраняется, в первую очередь, каркас согласных.

Вся мифология, вся первобытная культура пронизана эротизмом. Было бы даже странно, если бы это не нашло отражения в названиях цифр. Представьте рисунок, на котором изображены две вертикальные черты. Он обратит нас к мысли о прекрасном сокровище, данном женщине. Число “два” олицетворяет женское начало, причем, в своем изначальном, девственном обличье. Два – по-другому, дева. Если на образном уровне единицу можно соотносить с ветхозаветным Адамом, то двойку – с Евой.

Третий в их компании, небезызвестный Змей, слывет искусителем женских сердец, вдохновителем исполнения их заветных желаний. Суть такого рода удовольствий

прекрасно выражает слово “три”: ласкаясь, возлюбленные трутся друг о друга. Три – это сочетание единицы и двойки, слияние мужского и женского начал, вернее, входа первого во второе. Русские до сих пор характеризуют это действие глаголами “дери”, “драть”. Они-то и таят в себе сокровенный смысл ругательного ныне слова “дурак”. А в своем изначальном значении оно относилось к герою-любовнику, который блестяще владел искусством соблазнения. Иван – третий сын родителей, третьяк или драк (дурак). Числительное таит в себе скрытый смысл, который переносится на сказочного героя и определяет, тем самым, его образ.

Число “три” символизирует любовь, и не какую-нибудь безответную и платоническую, а взаимную, страстную, ненасытную. Вот почему третий тост мужчины всегда поднимают за женщин. Тройка – единственное число в последовательности положительных чисел, которое равно сумме двух предыдущих. Это подчёркивает ее избранность, внутреннюю сложность и в то же время гармоничную целостность. В мифологии число “три” подразумевает существование единства верхнего, нижнего и среднего миров, а в христианстве отражает суть божественного устройства. Тройка несёт Русь!

Особая роль четвёрки

Для филологов происхождение слова “четыре” темно и неясно. От безысходности они выводят его из греческого языка. И совершенно напрасно. Для начала напомним, что слово “чета” – значит двоица, пара. Если же к нему присоединить глагол “ярить”, имеющий смысл “разжигать похоть”, то сложится как раз та праформа, из которой и выросло числительное “четыре”. Означает оно “отъярить деву дважды”. В таком художественном определении заложена и реальная математика: дважды два – четыре.

Всегда приятно убедиться, что открытое тобой правило работает. Но для пятёрки и превышающих её цифр оно уже даёт сбой. Четвёрка обозначает границу, за которой закон наименования чисел меняется. Эротический подтекст в названиях следующих цифр исчезает. Есть и другие доказательства избранности четвёрки.

Будем считать, например, дома и следить за окончанием существительного. Что получится? Один дом, два (три, четыре) дома, но ... пять (сто) домов. Существительное, начиная с цифры “пять”, употребляется в родительном падеже множественного числа. Два, три, четыре дома – это уже несколько домов, но для их счёта используется родительный падеж единственного числа. В составных числительных существительные подчиняются тому же правилу: “24 дома”, но “25 домов”. Эта древняя остановка на четырёх не ограничивается только числами единичного разряда. Она проявляется и в счёте десятков (тридцать, но сорок и пятьдесят), сотен (четыреста, но пятьсот), тысяч (4 тысячи, но 5 тысяч). За исключением числа “сорок”, о нём речь впереди, при переходе через четвёрку соответствующего разряда начинает употребляться существительное в родительном падеже множественного числа.

Удивись, дорогой читатель! Язык сохранил тонкости мировосприятия наших древнейших предков. На вопрос “сколько тебе лет?” ребёнок по мере взросления будет отвечать: “Мне два (три, четыре) года”, но потом скажет: “Мне пять лет”. Забавно, не правда ли, возраст до четырёх измеряется в годах, а после – в летах.

Или ещё пример, наверное, самый красивый. Будем записывать однотипные наречия, образованные от названий первых чисел, восстанавливая их первоначальный вид и способ образования: одна-жди, два-жди, три-жди, четыре-жди. Но на следующем шаге мы вынуждены написать – пять раз. Чудеса, да и только! Четвёрка обозначает предел, за

которым закон счисления качественно меняется. Разумеется, это наследие давних времен, эпохи каменного века. Но эту реальность сберёт наш язык.

Способ записи обсуждаемых наречий открывает нам загадку четвёрки. Мы привыкли считать десятками, но так было не всегда. Самая первая русская система счисления основывалась на числе “четыре”. Единицы счета – один, два, три, четыре – находились в равном положении, после произнесения их при пересчёте чего-либо надо было сделать паузу, отсюда “жди” в связанных с ними наречиях. Пятёрка выступала первым элементом второй четвёрки, она открывала новый цикл счета. Сосчитав до четырёх, древний вычислитель переходил к новой четвёрке. Поэтому синонимом слова “опять”, в котором первая буква ненароком прилепилась, приросла к более древнему корню, служит наречие “снова”. В этом слове первая буква – декоративная, оно родилось из словосочетания “сё (это) ново”. По такому правилу в русском языке образовано также множество глаголов и существительных, например, делать – сделать, мена – смена и т.д.

Кажется странным, что основой счёта палеолитического человека стало четыре. Ведь самый простой способ счёта осуществляется при помощи пальцев, а их на каждой руке – по пять. В чём же дело? Чего проще, загибай пальцы на руке и шепчи под нос – один, два, три, четыре, пять, а далее отмечай каким-либо образом количество пятков. Но всё гораздо интереснее. Счёт велся, конечно, на пальцах, но большой палец выступал в роли счётчика. Его последовательное прикосновение к каждому из четырех других пальцев руки соответствовало пересчёту очередной четвёрки чисел.

Почему же была выбрана именно такая система? Ответ открывает само слово “счёт”. Используя “наше” правило буквы “с”, его можно прочесть как “сё чёт”. Человек начинал считать чётами (парами). Для нас это удивительно, но ни древние греки, ни средневековые арифметики единицу числом не считали. Традиционно ей присваивали особый статус, поскольку она неразложима на части. Первым числом считалась двойка. Вот почему охотники считали звериные шкуры парами. Счет “двойками” до сих пор используется в спортивных занятиях (“раз, два”) или для расчёта на “первый, второй”. Неграмотным солдатам при маршировке в своё время командовали “сено, солома”, у современных же военных возобладал счёт четвёрками. Считать так, действительно, удобнее.

Итак, в силу чётности четвёрка была выбрана для счёта на пальцах руки. Это свойство предопределило и её значимость в человеческой культуре. Четыре стороны света, четыре времени года, четверть... Наконец, поэтический “атом” – четверостишие. Союз двух пар рифм в нём прекрасно выражает тот глубинный смысл, который видели в четвёрке первые математики.

Гармония числа и буквы

Фантазии человека рождаются под воздействием окружающей действительности, их истоки лежат в океане реальности. Это свойство нашего мозга. Так происходит сейчас, так было и прежде. Всякое слово рождалось из определённого образа или на его основе. Слово “пять”, казалось бы, должно выводиться из каких-то простейших корней, “привязанных” к руке или ладони: все ж таки пятипальцевая конечность – важнейшая черта человеческого тела. В санскрите, например, слова “рука” и “пять” совпадают. У нас не так. Правда, есть старорусское слово “пясть” – ладонь, кисть руки, но оно произошло уже от понятия “пять”. Точно так же, как и пядь – расстояние от конца большого пальца до конца мизинца при наибольшем возможном их раздвижении (максимальном раскрытии пятерни). Ступня человека на мягкой почве оставляет след в виде отпечатков пяти пальцев и

кружочка. Рассматривая их как части единого целого, древний языковед назвал этот кружок следом пятки, то есть, опять-таки и слова “пятка”, “пятиться” ведут свою родословную от слова “пять”. Но как же оно возникло само?

Тут самое время сказать, что, разгадывая тайну пяти, следует думать не только и не столько о происхождении одного этого слова, сколько о том новом принципе, который был заложен в названиях числительных, превышающих четвёрку. Система обозначений должна раскрыться как веер, обнажив как исходную идею создателей числовой азбуки, так и конкретные формы её реализации. Если первая четвёрка чисел замешана на эротическом “тесте”, то для следующей за ней последовательности цифр на первый план выходит культурная составляющая. И вся проблема лишь в том, чтобы открыть её в явном виде.

А что, если изобретатели названий чисел от пяти до десяти опирались на идею их гармонии с буквами древнерусского алфавита? Мы сейчас пользуемся так называемыми индийскими цифрами. Первые сведения об их появлении в Европе относятся к концу X – началу XI вв. На Руси к тому времени уже существовал древнерусский алфавит (кириллица). Сравним её буквы с нашими цифрами.

На цифру “пять” похожа буква “ять”. Она использовалась до реформы 1917–18 гг. и изображалась, как мягкий знак, у которого верхняя часть вертикальной линии перечёркнута горизонтально. Наша версия такова: слово “пять” образовалось в результате оглушения при произношении выражения “бё ять” – “было ять”. А стало пять!

Цифра “шесть” похожа на отражённую от горизонтали строчную букву “е”, которая в русской азбуке называлась “есть”. Само слово “шесть” родилось из выражения “сё есть” – “это е”. Кстати, гласная “е” – шестая в азбучном порядке.

Цифра “семь” похожа на отражённую от вертикали букву “с”. А слово, обозначающее это число, выросло из древнерусской конструкции “сэ имею”. Идём дальше.

Восьмёрка повторяет букву “в”, а “восемь” значит “вэ сё имею”. Глагол “имею” родственен существительному “имя”, поэтому наименования первых букв семёрки и восьмёрки можно еще называть их именами.

Про изображение девятки так и хочется сказать “дэ ведь”, “дэ ведай”. Или по-другому – “дэ видь”! Речь идет об архаичной строчной букве “д”, у которой, в отличие от современной, петелька не замкнута. Она один к одному воспроизводит девятку.

Вопрос о возникновении числительного “десять” представляет наибольшую сложность. С ходу он не решается, поскольку десятка состоит из двух знаков, которые схожи с буквой “ю”, но выстроить на её основе выражение, сводящееся к слову “десять”, невозможно. Не будем, однако, сдаваться.

“Ять” в слове “десять” воспроизводит название однозвучной буквы. Изначально это слово состояло из четырех букв – “д”, “е”, “с”, “ять”. Его можно прочитать, как “де с ятью”, то есть десять означает сложение буквы “дэ” (“де”) с буквой “ять”. Но “дэ” – пятая буква русского алфавита, а буква “ять” обозначает пятёрку. Их сумма как раз составляет десять. Мы в точности выполнили действие, которое предписывает слово “десять”, и в итоге объяснили его смысл.

Наше отношение к числам сегодня чисто утилитарное, и поверить, что за их обозначениями, какими-то значками скрывается определённый смысл, непросто. Но что есть, то есть. Названия чисел от пяти до десяти придумывались по единому плану, и нельзя не восхищаться его красотой и оригинальностью.

Слову “дюжина” академические филологи отдают французский приоритет. Причина простая – первое упоминание о ней содержится во французской рукописи XII

века. Но в “Русской Правде”, а это первая половина XI века, присутствуют наши доморощенные прилагательные “дюжь, дюжий”, значение которых “здоровенный”, “очень крепкий”. Наречие “дюже” у русских имело смысл “сильно”, “очень”, а у поляков “много”. В общем, у нас есть все основания говорить, что “дюжина” произошла от славянского “дюже”. А теперь самое главное. “Дюже” – это соединение (“суммирование”) букв “д” и “ж”. Первая из них – пятая по счету в русской азбуке, а вторая – седьмая. Складываем эти числа и получаем в сумме ровно дюжину. Может, это кому-то и не очень понравится, но это мы подарили европейцам и десятку и дюжину.

Мистика сорока

В русском языке, как и в большинстве других индоевропейских языков, система числительных имеет почти регулярную структуру. Числа до 10 имеют оригинальные имена, а от 11 до 19 уже составные названия: одиннадцать (один на десять) и т.д. А вот с наименованием десятков уже начинаются сложности. После двадцати и тридцати следовало бы ожидать сорок, однако говорят “сорок”. Далее правило, казалось бы, восстанавливается, но вместо девяносто произносят “девяносто”. Учёные назвали два этих исключительных числительных аномальными.

Относительно природы числа “сорок” специалисты спорят. Предложены греческая, тюркская и даже скандинавская гипотезы его происхождения. Принимать их всерьёз не следует по одной простой причине: если на Руси было широко принят счёт сороками, то ни в Греции, ни у татар, ни в Скандинавии этого в таком масштабе не наблюдалось. В русском пуде содержалось 40 фунтов, в мерной бочке – 40 вёдер, в указном ведре – 40 косушек и т.д. Да, Русь платила дань ордынцам сороковинами (ежегодная подать, равная сороковой части наличного имущества), но это лишь доказывает, что для русских была известна и принята такая мера отсчёта, и имеет смысл говорить как раз об обратном заимствовании. Московские церкви считались также “сороками”. Ещё в XVII веке говорили, что в Москве “сорок сороков” церквей, хотя на самом деле их было порядка ста.

Сороками считали звериные шкурки и сибирские охотники. Делали они это прелюбопытным способом. Большим пальцем правой руки, используемым в качестве счётчика, зверолов пересчитывал каждую пару суставов на четырёх оставшихся пальцах и, насчитав, таким образом, восемь единиц, загибал один палец левой руки. Операция счёта кончалась, когда были загнуты все пять пальцев левой руки, что давало пять восьмёрок, одну “сорочку” или число “сорок”. Таким образом, “сорок” значит “сё рука”! Гласные в этом выражении ближе к нашему времени чуток изменились, но это обычное дело. Почему мы называем рубашку сорочкой? Потому, что она с ручками, с рукавами. Точно так же и звероловы называли свой мешок со шкурками оттого, что к его горловине были пришиты “ручки”, использовавшиеся в качестве завязок. И вовсе не потому, что в такую сорочку закладывалось по сорок шкурок.

О том, что число 40 на Руси когда-то играло роль “границы” говорят и некоторые связанные с ним поверья. Так, сорок первый медведь считался роковым для охотника. В связи с этим обратим внимание на символический характер названия знаменитой повести Бориса Лавренёва “Сорок первый”. Слово “срок” выросло из словосочетания “сё рок”. Оно не слишком близкий родственник сорока. Здесь проявляется, скорее, ассоциативная параллель: рука – конечность – конец – срок (рок). Но народная традиция прочно соединила два эти слова. Русские люди, к примеру, до сих пор обсуждают, можно ли отмечать 40-летие. Число сорок играет важную роль в иудейской, христианской и

мусульманской религиях. Но истоки его мистического почитания лежат в языческой культуре охотников Евразии.

Тайна девяноста

Слово “девяноста” интригует своей загадкой. Его иногда пытаются выводить из оборота “десять до ста”, но выглядит это как-то неубедительно: исходная праформа должна содержать число “девять”.

В первую очередь, следует разобраться со значением слова “сто”, которым оканчивается наше числительное. Все гениальное просто, поэтому слово “сто” логично толковать, как сокращённое “стой”. Почему логично? Потому что сто – обозначение нового разряда, это очередной рубеж счёта, перед которым необходима “пауза”. Вспомним окончание “жди” в уже обсуждавшейся четвёрке наречий, или то, что при пересчёте спортсменов и военнослужащих, стоящих в шеренге, последний в ней должен произнести свой порядковый номер и добавить: “Расчёт окончен”. Схожая ситуация сложилась, например, и в английском языке. Там слово “hundred” (“сто”) родилось из словосочетания “end road” (“конец дороги”). Таким образом, последний слог числительного “девяноста” как бы предупреждает, что скоро грядёт переход к новому разряду.

Составители “гаммы” чисел уважительно относились к людям, которым предстояло научиться считать. За десять шагов до сотни они, вместо обозначения кончающегося разряда, выставили предупреждающий знак “стой” и дублировали его перед каждым следующим числом. Получался следующий счёт: девять-стой, девять-стой один и т.д. “Стой” стало наименованием нового разряда. Впоследствии последняя буква отпала, а про изначальный смысл обозначения разряда забыли и склоняли число “сто” по правилам грамматики.

Но на этапе счёта сотнями обнаружился методический просчет. Число “девятьсот” практически повторяло оборот “девять-стой”. Вот тогда-то директивно, сверху и ввели слово “девяноста”. Эксперимент с предупреждающими знаками был признан неудачным и при переходе на счёт тысячами они уже не выставлялись. От идеи остановки перед введением нового разряда при этом не отказались. Слово “тысяча” значит “то усеча” – “отсекание, отруб” (“то” – указательное местоимение). Для сравнения укажем, что у англичан “thousand” (“тысяча”) является слегка искажённым словосочетанием “those end” (“этот конец”). Аналогия полная.

Русская формула счёта

Как и всякая наука, арифметика вненациональна. Числа и действия над ними везде одинаковы, будь то чёрный или зелёный континент. Это следствие формализации процедуры вычислений. Но русский язык указывает на возможность несколько иного взгляда на сам процесс счёта. По-русски слова “считать” и “читать” означают в сущности одно и то же (правило буквы “с”!). Ни в одном другом языке ничего подобного нет. Читать – значит глядеть в текст, а считать – значит оперировать с числами. У русских же эти два процесса объединяются. У нас работает формула счёта:

СЧИТАТЬ – ЗНАЧИТ ЧИТАТЬ!

Она пережила тысячелетия и отражает народный характер. Наша натура бунтует против абстрагирования от природы. Нам не всё равно, что считать, и не всё равно, как считать. В нас живёт идущая от предков установка – оживить процедуру счёта, наполнить её жизненными реалиями. Если счёт подразумевает обезличение предмета, то чтение, наоборот, предполагает его образное восприятие.

Имена первых русских числительных рождались на основе первообразов, прочно закрепившихся в сознании людей. Числа от одного до четырёх связаны с эротическими символами, числа от пяти до дюжины обязаны своими названиями русскому алфавиту, а число “сорок” возникло после укоренения на Руси пальцевого счёта. Исключениями в этом ряду являются девяносто, сто и тысяча. Они вводились, как обозначение перехода в новую зону счёта. Но исключения лишь украшают правило. В названиях основополагающих наших числительных живёт поэзия, и это ещё одно свидетельство в пользу того, что наш язык – живой.

ТЁМНЫЕ СУЩНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКЕ И ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ ТВОРЕНИЯ

Вертикаль. XXI век. № 54.

Дана естественнонаучная интерпретация греческих мифов творения. Для мифа Гесиода указано соответствие между системой первоначал и реалиями современной физической картины мира. Предложены параллели: Хаос – первичный вакуум, Гея – барионная материя, Тартар – темная материя, День – электромагнитное поле, Эфир – гравитационное поле, Эрос – темная энергия. Содержание пеласгического мифа, представляющего Эрос богом-творцом, сопоставлено с теорией Большого Взрыва. Выказана идея приоритета естественнонаучной составляющей мифов на начальной стадии их создания.

В конце 1990-х годов физики сделали, может быть, самое яркое открытие в истории естествознания. Сразу две группы экспериментаторов независимо представили доказательства ускоренного расширения Вселенной. На основании этих наблюдений было постулировано существование неизвестного вида энергии, которую назвали “темной”. Обычное гравитационное притяжение замедляло бы разбегание галактик, но в силу наличия темной энергии в нашей Вселенной получается, все наоборот. В этом смысле говорят об антигравитации темной энергии. Общая теория относительности допускает существование такой субстанции при условии, что она обладает отрицательным давлением. Это кардинально отличает ее от обычных форм материи. Известно, что она равномерно “разлита” по Вселенной, но ее природа абсолютно неясна. Это главная загадка фундаментальной физики.

Наряду с темной энергией в современной физике присутствует еще одна темная сущность, которую называют “темная материя”. Она сродни обычному веществу в том смысле, что способна собираться в сгустки (размером, например, с галактику или скопление галактик) и участвует в гравитационных взаимодействиях, подобно обычной материи. Предполагают, что она состоит из новых, не открытых еще в земных условиях частиц. Согласно опубликованным в марте 2013 года данным наблюдений космической обсерватории “Планк”, общая масса-энергия наблюдаемой Вселенной на 95,1 % состоит из темной энергии (68,3 %) и темной материи (26,8 %). В итоге на привычную для нас материю приходится всего лишь 4,9 %. Число это ошеломляет своей относительной малостью, и стоит признать всю неожиданность такого развития наших знаний о природе. Если о гипотетическом существовании темной материи все-таки говорили с 30-х годов прошлого века, то явление темной энергии теоретически никто не предсказывал. Очевидно, что физики столкнулись с качественно новыми реалиями, и это настраивает на серьезные философские размышления.

Эпитет “темная” применительно к обеим субстанциям можно трактовать в двух значениях - как “невидимая” (скрытая от света), так и “непонятная” (по своей природе). В этом смысле часто цитируют слова лорда Кельвина о двух темных облачках в физике конца XIX века. Как известно, из одного “облачка” выросла квантовая механика, а из другого – теория относительности. Было бы странным не думать, что и на этот раз нас не ожидают открытия, затрагивающие основы естествознания и даже мироздания в целом. Сегодня физики-теоретики стараются не говорить об этом, пытаясь обойтись “малой кровью”, и остаться в рамках прежних теорий и старых парадигм. Но бесспорно, что физика подошла к интереснейшему этапу своего развития, который важно осмыслить с самых разных сторон.

Настоящая статья предлагает обратиться к мифам творения древних греков и сопоставить картину их мировых первоначал с современными физическими представлениями. Мифы создавались на донаучном этапе формирования знаний о мире. Тем не менее, поражает удивительное согласие (на уровне аналогий) двух разных картин мироздания. Самое любопытное, что у греков присутствуют те темные сущности, открытие которых так потрясло нынешних ученых. Но не будем пока “раскрывать карты”.

1. Гесиод и его миф творения

Гесиод - историческая личность, он жил в VIII-VII вв. до н.э. Его отец, спасаясь от кредиторов, перевез семью в Грецию из Малой Азии. Гесиод занимался крестьянским трудом, но прославился своими стихами. В поэме “Теогония” (строфы 116-124) поэт рассказывает о происхождении мира:

Прежде всего во Вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающих недрах глубоких,
И, между вечными всеми прекраснейший, - Эрос.
Сладкоистомный, - у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассуждения лишает.
Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий День иль Гемеру:
Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись.

Гесиод предельно лаконичен. Он указывает иерархию первоначал, но сколько-нибудь подробной характеристики им не дает. Для Геи, Эроса, Ночи, Эреба и Дня поэт приводит лишь эпитеты, для Тартара – эпитет и его местонахождение, а вот о Хаосе и Эфире вообще не оставляет никаких конкретных сведений. Правда, указание на братские узы Эфира и Дня настраивает на возможное прояснение их реальной природы, но особой уверенности в том нет. Исключительная общность формулировок и очевидные недоговоренности относительно сущности первоначал оставляют широкий простор для интерпретации мифа, и античные писатели воспользовались такой возможностью в полной мере. О происхождении и вероятном содержательном значении каждого из персонажей мифа, кажется, сказано все, что только можно. В книгах по мифологии и античной философии выделяются и анализируются самые разные аспекты гесиодовского мифа. Вместе с тем его глубинное, естественнонаучное содержание с позиций физики XXI века до сих пор не обсуждалось.

Существуют два основных направления трактовки гесиодовских первоначал – естественнонаучное и мифологическое. Первое использовалось ранее только для Хаоса и Эфира. Настоящая статья исправляет эту ситуацию. Мы будем исходить из предположения, что Гесиод представил сведения об очень древней системе устройства Природы, которую дополнил элементами мифологического восприятия мира. В своем изначальном варианте эта система носила неантропоморфный характер, то есть не наделяла первоначала человеческими качествами. У Гесиода они присутствуют в крайне незначительном количестве – Гея названа широкогрудой, Эрос сладкоистомным, а Ночь и Эреб представлены парой возлюбленных. Все это похоже на легкую художественную декорацию к уже имевшейся ранее естественнонаучной схеме строения Природы. Во всяком случае, Хаос, Эфир и Тартар фигурируют в мифе, как природные субстанции, а мыслить Ночь, День и Мрак человекоподобными рациональное сознание противится. Оживотворение Космоса происходило, очевидно, на более поздних этапах человеческой истории и предполагало уже наличие пласта сложившейся мифологической культуры. Безжизненная (почти научная) схема развития Вселенной, как нам представляется, была первичной. Это исходная аксиома, которой мы будем придерживаться в дальнейшем.

На первый взгляд, такое предположение кажется надуманным и даже неразумным. В самом деле, это означает, что изначально существовала смелая естественнонаучная схема происхождения мира, которая впоследствии “деградировала” в мифологическую историю, включающую в качестве действующих лиц антропоморфных богов. Но, во-первых, именно так и было. Теория четырех первостихий, господствовавшая в сознании древних греков, с какой стороны ни посмотри, является шагом назад и насилием над здравым смыслом. Гесиод (напомним, уроженец Малой Азии) передал грекам элементы более древнего знания, которое те так и не смогли “переварить” в естественнонаучном контексте. Греки, если говорить о мифе в целом, выбрали мифологическую линию его интерпретации. Это факт, от которого никуда не деться.

Во-вторых, в истории науки есть удивительный пример гениального предвидения, который придает нашей позиции весьма солидную поддержку. Это теория движения атомов Эпикура. Даже сегодня мало, кто из физиков знает, что философ, признавая за атомами возможность спонтанного отклонения от траектории движения, предсказал принцип неопределенности – один из основных принципов квантовой механики (подробнее смотри [1]). Но есть еще одно крайне необычное положение его атомистики, которое неожиданным образом нашло поддержку у современных физиков.

Эпикур, признавая бесконечность пространства, допускал его анизотропию в вертикальном направлении. Эта анизотропия, по его гипотезе, проявляется в том, что

атомы в силу своей тяжести летят вниз с одной и той же скоростью. “Эпикуровский образ Вселенной – это безграничный поток бесчисленного множества атомов, несущихся сверху вниз в бездонную бездну пространства. Эта картина совсем не похожа на демокритовскую (принятую в классической физике – А.А.), в которой атомы движутся беспорядочно во все стороны, наподобие пылинок, пляшущих в солнечном луче” [1]. Отличие существеннейшее, которое было предметом постоянной критики эпикуровской теории. Но открытие ускоренного расширения Вселенной переворачивает ситуацию. И неважно, что скорость падения атомов “в бездну” ничтожна, и на земные процессы никак не влияет. Мы должны признать, что философ затронул важнейшую сторону организации Космоса. Правда, следует говорить об антигравитирующей причине движения атомов, но эффект, заявленный философом, существует. Как он пришел к своей картине мира, неясно, и это, по-видимому, так и останется тайной. Только отрицать ее физическую содержательность уже невозможно. Так же, как и принцип неопределенности, темная энергия – достояния новейшей физики. Оба открытия нашли отражение в атомистике Эпикура, и это добавляет уверенности в попытках естественнонаучного осмысления гесиодовского мифа.

2. Хаос – первичный вакуум

Хаос (греческое $\chi\alpha\omicron\varsigma$) означает “зев”, “зевание”, “зияние”, “разверстое пространство”, “пустое протяжение” [2]. Как видим, изначальный смысл Хаоса имеет совсем не тот смысл, который вкладывает в него нынешняя наука. Это не есть нечто беспорядочное и постоянно изменяющееся, противоположное упорядоченному и устойчивому состоянию. Греческий Хаос следует понимать, как бесконечное и пустое мировое пространство. С точки зрения современной физики его следует назвать “первичный вакуум”.

Гесиод, описывая войну богов с титанами, использует оборот (Теогония, 700):

Жаром ужасным объят был Хаос.

Материальная среда, находясь в огне, объята пламенем, жар же заполняет пустое пространство. Пустота – важнейшее (и, похоже, основное) свойство Хаоса. Это в полном смысле естественнонаучный образ, не содержащий элементов мифологии. В мифах наиболее древних народов (шумеры, египтяне) первичная водная среда скрывает внутри себя бога-творца. Та же идея отражена и в Библии, где божий дух носится над водами. У греков первичная сущность лишена мифологического содержания. Процесс творения начинает Гея, появившаяся вслед за Хаосом, то есть из него. Хаос – первичное бесформенное состояние мира. Во многих мифологиях отсчет мироздания начинается с разделения неба и земли, с образования между ними зияния, свободного пространства. У Гесиода эта последовательность переворачивается. Пустота предшествует появлению земли и неба. Это отличительная и крайне необычная черта греческого мифа. Хаос в виде великой бездны лежит в основании мироздания (Теогония, 736-745):

Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке,
И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба
Все залегают один за другим и концы, и начала,
Страшные, мрачные. Даже и боги пред ними трепещут.
Бездна великая. Тот, кто вошел бы туда чрез ворота,
Дна не достиг бы в течение целого года:

Ярые вихри своим дуновеньем его подхватили б,
Стали б швырять и туда, и сюда. Даже боги боятся
Этого дива. Жилища ужасные сумрачной Ночи
Там расположены, густо одетые черным туманом.

Гесиод определяет Хаос, как бездну, скрывающую в себе концы и начала Природы. Философы признают, что, тем самым, он вплотную подходит к идее субстанционального первоначала, то есть к началам философии. Но мы должны также признать, что данный отрывок можно представить, как художественное описание первичного вакуума. Более того, поэт, говоря о “ярых вихрях”, признает наличие внутренних колебаний в самой бездне, своего рода “нулевых колебаний”. Если же мы предположим, что масштаб этих вихрей порядка планковской длины (10^{-33} см), то с необходимостью должны будем заключить, что Гесиод держит в уме вакуум современной физики.

Естественнонаучное содержание гесиодовской идеи Хаоса принимали Платон и Аристотель, она, безусловно, была революционной на фоне разного рода мифологических построений. Но поэт не стал развивать их до полновесной теории. Более того, тот факт, что он ограничился лишь краткими обмолвками, дает основание предположить, что вовсе не он является автором идеи. Он специально оговаривает, что пересказывает то, что ему поведали геликонские (живущие на горе Геликон) Музы. На наш взгляд, Гесиод воспользовался уже имевшейся, более древней системой представлений о происхождении мира. Иначе трудно объяснить, почему он столь краток. Опять-таки греческие мыслители, изыскивая образы первоначал, в подавляющем большинстве склонялись к мифологической интерпретации Хаоса. Гесиодовская идея в своем чистом виде была чужда для них. Другое дело – Малая Азия, родина предков Гесиода, где, действительно, обнаруживается полномасштабное развитие догадок Гесиода.

Речь идет о милетском (уроженце города Милета) мыслителе Анаксимандре (610-546 гг. до н.э.), которого называют истинным творцом греческой, а вместе с тем всей европейской науки о природе [3]. Основанием для столь высокой оценки является его учение об “апейроне” – беспредельной, неопределенной материи, источнике разнообразия и изменчивости всех вещей, обладающей неисчерпаемой “творческой силой”. Согласно Анаксимандру, апейрон “выделяет” из своих недр конечные вещи, но это чисто внутренний процесс. Если конечные вещи существуют и изменяются, вплоть до исчезновения, то сам апейрон пребывает неизменным. Этими своими свойствами он напоминает вакуум физических теорий.

Не отождествляя понятия Хаоса и апейрона, мы укажем на качественную их схожесть, как сущностных первоначал, предшествующих всему материальному. Естественно считать, что Гесиод и Анаксимандр почерпнули начальный импульс для своих размышлений из одного, более древнего источника знаний. Значение каждого из гениев при этом ни в коей степени не снижается. Это просто применение к истории науки правила, что все новое – хорошо забытое старое.

3. Гея – барионная материя

В “Теогонии” (125-132) богиня Гея выступает прародительницей мира:

Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов

всеблаженных;
Горы потом народила, - приятный приют для бессмертных
Нимф, обитающих в чашах нагорных лесов многотенных;
Также еще родила, ни к кому не всходивши на ложе,
Шумное море, бесплодное Понт.

Мы специально приводим полностью отрывок, рассказывающий о чудесной способности Геи рожать, “не всходивши на ложе”. Это очень древний элемент мифа, относящийся ко времени матриархата и религии Великой богини. Одним из важнейших центров ее почитания была Малая Азия. В Греции времен Гесиода царила уже патриархальная традиция (пантеон с Зевсом во главе), поэтому свидетельство геликонских Муз относительно могущества Геи, появившейся ранее всех богов, мы опять-таки склонны относить к очень древней системе взглядов, заведомо более древней, чем время создания “Теогонии”.

Читателя “Теогонии” может удивить, что шумное море Гея породила одна, а глубокий Океан, “разделивши ложе с Ураном”. Но это как раз и доказывает, что в поэме соединялись мифы различных эпох. Без Урана Гея порождает неантропоморфные и неодушевленные сущности – небо, горы и море. Для последнего поэт использует эпитет “бесплодное”, чтобы его не путали с антропоморфным титаном Океаном. Понятно, что все эти тонкости возникли, как результат включения элементов матриархатного мифа в систему мифов с мужскими богами во главе. Но эта наиболее древняя часть представлений о Гее предоставляет возможность считать, что изначально в ее образ вкладывали естественнонаучное содержание, и она просто отождествлялась с Матерью-землей. Стоит, наверное, согласиться, что такой взгляд в силу своей примитивности и должен быть первичным.

Слово “мать”, выражающее суть образа Геи, того же корня, что и “материя”. Следовательно, в естественнонаучном аспекте мы можем интерпретировать Гею, как материю Земли. Другие планеты и звезды состоят из тех же химических элементов, что и Земля. А атомы элементов, в свою очередь, складываются из барионов (протонов, нейтронов) и электронов в числе, равном числу протонов. Масса барионов значительно превышает массу электронов, поэтому вещество звезд и планет ещё называют барионной материей. Таким образом, можно заключить, что в схеме мироустройства Гесиода Гея играет роль барионной материи.

4. Тартар – тёмная материя

Значение понятия “Тартар” не выводится из греческого языка. Оно чуждое для греков. Гесиод привнес его в греческую мифологию, он же был единственным, кто обозначил более-менее подробное местонахождение Тартара и оставил его описание:

<...> настолько отстоит от нас сумрачный Тартар:
Если бы, медную взяв наковальню, метнуть ее с неба,
В девять дней и ночей до земли бы она долетела;
Если бы, медную взяв наковальню, с земли ее бросить,
В девять же дней и ночей долетела б до Тартара тяжесть.
Медной оградой Тартар кругом огорожен. В три ряда
Ночь непроглядная шею ему окружает, а сверху
Корни земли залегают и горько-соленого моря.

В своем глубинном определении Тартар – это область под Землей, окруженная Ночью. Наличие в нем медной ограды - поэтическая вольность, все ж таки Тартар – одно из первоначал. Находится он так же далеко от земли, как и небо. Кстати, свободно падающее тело с ускорением $g = 9.8 м/с$ пройдет за девять дней расстояние, равное приблизительно 500 тысячам радиусов Земли или 20 расстояниям от Земли до Солнца. Если принимать эти числа всерьез, то Тартар следует разместить далеко вне Земли, что называется, у черта на куличках. Сам Гесиод, однако, помещает его около поверхности Земли, у самых ее корней. Налицо противоречие, и грекам надо было как-то разрешить его.

Проблема выбора осложнялась тем, что в греческой мифологии существовал образ подземного мира – Аид. Тартар претендовал занять его место (и это еще одно указание на чуждость Тартара грекам). В результате греки стали четко различать понятия Тартара и Аида, представляя последний подземным царством, населенным душами умерших. Тартар они помещали ниже Аида. Восторжествовала промежуточная точка зрения, но она оставляла возможность говорить о крайней удаленности Тартара от поверхности Земли, а значит, и об особой его природе, как независимого от Геи (от обычной материи) первоначала.

Тартар “в три ряда” был окружен непроглядной ночью, но это значит, что в Тартаре не было света. Там не могли распространяться световые волны. Вместе с тем он признавался некоторой материальной сущностью. Как же следовало назвать ту особую материальную субстанцию, в которой невозможны световые волны? Очевидно, темная материя.

5. День – электромагнитное поле

Среди первоначал Гесиода существует две группы. Первая включает Гею, Тартар и Эрос, а вторая – День и Эфир. Последние возникли, как результат союза Тьмы и Мрака, что указывает на их особую, отличную от первоначал первой группы, природу. Интересно, не правда ли?

Естественно, что это не прошло мимо внимания первых комментаторов Гесиода, и они попытались редактировать великого поэта. Так возникла параллельная генеалогия, в которой Эфир, вступая в брачный союз с Днем, породил Землю, Небо, Море, Океан и Тартар. В этом варианте мифа Эрос исключался из числа первоначал, Земля-Гея лишалась роли прародительницы, а “пальма первенства” переходила к Эфиру. Искусственность такого “исправления” очевидна: волевым образом исключался элемент матриархатного мифа, связанный с верховенством Геи. При этом также нарушалось равновесие в братском союзе Дня и Эфира (“изюминка” гесиодовской схемы).

Теперь о первом из братьев. День – значит “сияющий”, “светоносный”, поэтому в естественнонаучном контексте его следует рассматривать, как хранителя световых волн и символ электромагнитного поля. В самом общем смысле, это не только день на нашей планете, но и все электромагнитные излучения, присутствующие в Космосе, в том числе, и реликтовое, хранящее след Большого Взрыва. Но какую природную реальность скрывает в себе гесиодовский Эфир?

6. Эфир Гесиода – гравитационное поле

Начнем с того, что эфир - одно из самых знаменитых и интригующих понятий в физике. Введенный в оборот в античную эпоху, он верой и правдой служил ученым, пока не был изгнан из научных книг и академических обсуждений в первой половине XX века.

Нам он интересен, прежде всего, поскольку, подобно Хаосу и Дню, свидетельствует в пользу естественнонаучного происхождения схемы первоначал Гесиода. Но греки, как мы уже говорили, переиначили миф Гесиода на патриархальный лад. Присвоив Эфиру верховный статус демиурга, они стали соотносить его с особым воздухом у вершины Олимпа - горы богов (вот вам и Творец мира – смех, да и только).

Ситуацию, однако, исправил Аристотель. Он объявил Эфир пятым началом мироздания, наряду с землей, водой, огнем и воздухом. Он не был равноправен первостихиям, а, в соответствии с ролью демиурга, выступал, как праматерия, сущность всех вещей, основа для всех элементов природы. Аристотель именовал Эфир божественным и бессмертным, на многие века вперед задав импульс его безусловного почитания.

Драматическая история поисков эфира изложена во множестве популярных книг (смотри, например [4]). С позиций современной физики ясна основная методологическая ошибка, которую допускало большинство исследователей. Классический эфир совмещает как гравитационные, так и электромагнитные свойства, поэтому его следовало мыслить в виде суммы двух сущностей – эфира гравитационного и эфира электромагнитного:

Эфир Аристотеля = Эфир гравитационный + Эфир электромагнитный.

После создания специальной теории относительности стало понятно, что эфир электромагнитный следует отождествить с электромагнитным полем, или Днем Гесиода:

Эфир электромагнитный = Электромагнитное поле = День Гесиода.

Сам электромагнитный эфир оказался ненужным, лишним. Это, однако, не означает, что эфира не существует совсем. Мы пока не знаем, как он устроен, но электродинамические проблемы можно решать, не обращаясь к этому вопросу. Другое дело – гравитация. Ее невозможно понять без выяснения сущностной структуры эфира. Дадим слово Альберту Эйнштейну:

- Мы не можем в теоретической физике обойтись без эфира, т.е. континуума, наделенного физическими свойствами, ибо общая теория относительности, основных идей которой физики, вероятно, будут придерживаться всегда, исключает непосредственное дальное действие; каждая же теория близкого действия предполагает наличие непрерывных полей, а следовательно, существование “эфира” [5];

- Физическое пространство и эфир – это лишь различные выражения для одной и той же вещи; поля суть физические состояния пространства [6];

- Пространство потеряло свой абсолютный характер. Оно оказалось способным изменять свое состояние, так что оно само смогло взять на себя функции эфира и, поскольку это относится к гравитационному полю, действительно взяло их на себя. Неясным оставался еще формальный смысл электромагнитного поля, которое не могло быть объяснено одной только метрической структурой пространства. Однако со времени создания общей теории относительности нельзя уже серьезно сомневаться в том, что гравитационное и электромагнитное поля должны объясняться некоей единой структурой (четырёхмерного) пространства [7].

Эйнштейн методологически безупречен. Нет никакой нужды отказываться от понятия эфира, надо лишь принять, что он в глубинном своем содержании ответственен за гравитацию. Гравитационный эфир – это та реальность, которую называют

гравитационным полем, и это в чистом виде эфир Гесиода, который греческий поэт отделил от Дня (электромагнитной субстанции):

Эфир гравитационный = Гравитационное поле = Эфир Гесиода.

Подведем итоги. Эфир Гесиода определяет свойства пространства и гравитационное взаимодействие в нем. В качественном отношении его можно сопоставить с квантовой пеной Уилера или с континуумом струн, размер которых порядка планковского радиуса. Другими словами, природа гесиодовского Эфира должна быть квантовой. В мифе особо подчеркивается родство Эфира и Дня и их отличие от других форм материи и энергии. Это (в духе идей Эйнштейна) позволяет предположить, что День (электромагнитное поле, электромагнитный эфир) является одной из форм или усложненной структурой Эфира. В таком представлении становится понятным, почему внутренняя природа Эфира никак не сказывается на объяснении явлений электромагнетизма.

Электромагнитные и гравитационные излучения вносят свой вклад в суммарную массу-энергию Вселенной, но, оценивая ее относительные доли, приходящиеся на темную энергию, темную и барионную материи, их обычно не учитывают.

7. Тёмная энергия Эроса и пеласгический миф творения

Традиционно (в силу влияния античной культуры) Эрос воспринимается как могучая сила любовного влечения. Вместе с тем в греческой мифологии этому божеству отведена очень скромная роль. В качестве красавца-малыша с волшебным луком и стрелами он сопровождает богиню любви Афродиту. В таком обличье он ничем не напоминает образ одного из первоначал мира. Миф об Эроте (буквы “т” и “с” взаимозаменяемы в его имени) – спутнике, как и вся история олимпийского пантеона, достаточно молодая. Бог Эрос из гесиодовского мифа – персонаж более древнего происхождения. Его изначальный образ хранит, так называемый, пеласгический миф творения [8].

Древнейшие жители Греции, ее первопоселенцы пеласги, говорили, что изначально в мире царил Хаос, правительницей которого была богиня ночи Никта, и не было более в мире никого, кроме ее божественного супруга – северного ветра Борей. Плодом их любви стало Космическое яйцо, символизировавшее раннюю Вселенную. Внутри него находился бог-демиург, будущий создатель мира - Эрос. Расколов “скорлупу”, бог-творец выбрался наружу и стал созидать материальный мир.

Пеласгический миф можно рассматривать, как упрощенный вариант гесиодовского. Никта и Борей играют в нем роль Тьмы и Мрака, а из пяти первоначал присутствует только Эрос. Но, с другой стороны, открывается смысл и назначение Эроса, как бога-творца. Как ни покажется удивительным, этот древнегреческий миф, сложившийся в IV-III тысячелетии до н.э., в общих чертах воспроизводит картину Большого Взрыва, которую предложили современные физики.

Создатели мифа мыслили, что Вселенная является нестационарной, и материальный мир имеет начало. Временем его зарождения полагался момент появления зародыша Космического яйца. Этот зародыш естественно сопоставить с точкой сингулярности современной теории гравитации (общей теории относительности). Сам механизм ее возникновения для физиков пока неясен. Традиционно принято говорить о

квантовой флуктуации плотности. Греческие жрецы в этом смысле были более романтичны и изобретательнее. Рождение мира они представили, как новое состояние Хаоса, примирение двух составляющих его стихий, “оплодотворение” Тьмы. Грекам были неведомы законы квантового мира, рождения и взаимодействия элементарных частиц, а также причины появления в Природе первых искр света (образования первых фотонов), но для них было очевидно существование “стрелы времени” и путь развития от простого к сложному. Эти два принципа, наряду с истинно поэтическим мировидением древнегреческих мыслителей, и породили миф, пропитанный глубоким естественнонаучным содержанием. И если в начале второй половины прошлого столетия физики еще спорили, был Большой Взрыв холодным или горячим, то для древних греков этот вопрос был давно решенным: локализованный поначалу вселенский “огонь” стал причиной возникновения нашего мира.

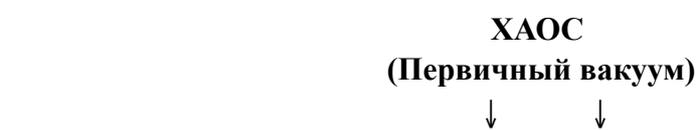
Рост Космического яйца в мифе соответствует расширению возникающего в нем светящегося вещества. Его следует отождествить с барионной материей, той ее формой, которую мы можем непосредственно наблюдать в земных условиях. Ее отличительное свойство – переносить световые колебания, она с полным правом может называться еще светящейся или светлой, в противовес темной материи, внутри которой свет не распространяется. Период существования Космического яйца совпадает с так называемой радиационной эрой, продолжавшейся приблизительно треть миллиона лет, - временем появления и расширения огненного шара. Его внутренность представляла горячий, густой “бульон” из первичного вещества и излучения. В это время температура еще недостаточно снизилась для создания атомов водорода: протоны еще не могли удерживать энергичные электроны, и вещество находилось в фазе электрон-фотон-протонной плазмы. Ее плотность была достаточно велика. Фотоны за счет частых столкновений с электронами рассеивались на них. Они не могли распространяться свободно и оставались связанными с электронами [9]. Излучение не выходило за пределы огненного шара, и его расширяющаяся граница в течение всей радиационной эры, подобно “скорлупе” Космического яйца, оставалась резко очерченной.

Ситуация в корне переменялась, когда температура шара упала настолько, что стало возможным образование нейтрального водорода. Фотоны перестали рассеиваться на свободных электронах, и вещество стало прозрачным для излучения. В этот момент возраст Вселенной был около одного миллиона лет [9]. На уровне мифа ему отвечает выход в мир бога-творца. Расколота им “скорлупа” уже не в силах была сдерживать напор световой энергии, и та устремилась во внешнее пространство.

В пеласгическом мифе Эрос принимает на себя функции всех остальных первоначал из гесиодовской истории – и Геи, и Тартара, и Дня, и Эфира. Но мы вправе выделить важнейшее его качество, следующее из рассматриваемого мифа, - способствовать необратимому расширению создаваемого им мира. Принимая это во внимание, будем сопоставлять его с темной энергией.

8. Заключение

Итоги проведенной нами интерпретации мифа удобно представить в виде следующей схемы:

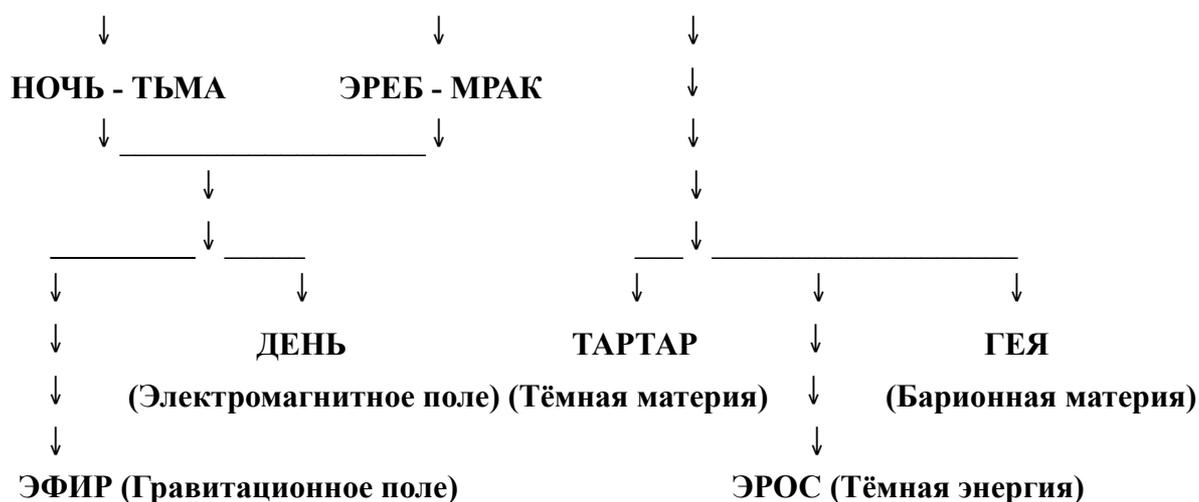

Схема 1. Естественнонаучная интерпретация гесиодовского мифа творения

Не секрет, что подавляющее большинство физиков относится к художественным и чисто логическим (философским) формам постижения мира предельно иронично. Поэтому вполне допускаем, что кому-то приведенная схема покажется случайным совпадением или даже надуманной фантазией. Но надо признать, в ряде положений создатели выбранных нами мифов понимали устройство Вселенной в схожем с современными представлениями ключе. Они не строили замкнутых моделей Вселенной и даже не рассматривали теорию холодного Большого Взрыва. Кажется, уже двух этих аргументов вполне достаточно, чтобы относиться к этим мифам серьезно.

Но мы идем дальше, утверждая, что гесиодовский и пеласгический мифы являются артефактами научного знания. Вот наши основные доводы:

- первоначала гесиодовского мифа в точности соответствуют тем сущностным структурам, которые рассматривает современная физика;
- идея первоначального Хаоса – немифологическая по своему содержанию и предваряет философскую теорию апейрона Анаксимандра и физическую концепцию вакуума;
- первоначала разделены на сущности материальной и полевой природы;
- среди первоначал присутствует темная материя;
- электромагнетизм и эфир введены, как разные сущности.

Наконец, и может быть, это самый важный вывод, следующий из сопоставления Эроса и “антигравитирующей” вселенской субстанции: открыв существование темной энергии, физики доказали существование Бога...

Литература

- [1] Рожанский И.Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М.: Наука, 1988.
- [2] Мифы народов мира. Т. 2. М.: Сов. энц-я, 1982.
- [3] Надточаев А.С. Философия и наука в эпоху античности. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- [4] Подольный Р. Г. Нечто по имени Ничто. М.: Знание, 1983.
- [5] Эйнштейн А. Об эфире. Собр. научных трудов. Т.2. М: Наука, 1966. С. 154-160.
- [6] Эйнштейн А. Проблема пространства, эфира и поля в физике. Указ. соч. С. 275-282.

- [7] Эйнштейн А. Проблема пространства, поля и эфира в физике. Указ. соч. С. 283-285.
[8] Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992.
[9] Горбунов Д.С., Рубаков В.А. Введение в теорию ранней Вселенной: Теория горячего Большого Взрыва. М.: Изд-во КИ, 2008.

ОСЕВОЕ ВРЕМЯ: РАЗУМ МИРА ПРОТИВ ДУХА АРИЕВ

Стремятся люди испокон
Национально состояться:
С чужим наследием расстаться
И возвеличить свой закон.

Понятие “осевого времени” ввел в научный оборот выдающийся немецкий философ Карл Ясперс (1883-1969 гг.). Так он назвал период в истории человеческой цивилизации примерно между 800 и 200 годами до н.э. В этот промежуток времени в Китае, Индии, Персии, Палестине и Древней Греции параллельно возникли духовные движения, сформировавшие тот тип человека, который существует и поныне.

В обозначенное время, действительно, происходило много необычного. В Китае жили Конфуций и Лао-цзы (основатель даосизма), возникли все направления китайской философии. В Индии проповедовал Будда, в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом, в Палестине звучал голос пророков. В Греции это время философов – Парменида, Гераклита, Платона и первых ученых древности – Фалеса, Пифагора, Демокрита. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение нескольких столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга. В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сегодняшний день, заложены основы мировых религий. Важнейшие идеи греческих, индийских, китайских философов и Будды, мысли пророков о боге были далеки от мифа. В этом смысле осевое время символизирует конец мифологической эпохи. Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа, который все более и более превращался в символическое повествование.

Ясперс был не первым, кто заговорил о столь необычном явлении в духовном развитии человечества. Эрнст фон Лазо (1805-1861 гг.), тоже немец, задолго до него уже написал: “Не может быть случайностью, что почти одновременно за 600 лет до н.э. в качестве реформаторов народной религии выступили в Персии Заратустра, в Индии – Гаутама Будда, в Китае – Конфуций, у иудеев – пророки, в Риме – царь Нума, а в Элладе – первые философы ионийцы, дорийцы, элеаты (т.е. философы из города Элеи – Парменид и Зенон – А.А.)”. То, что на VI-V вв. до н.э. (“ось мировой истории”) приходится пик религиозно-реформаторской деятельности, разумеется, ни для кого не было секретом. Но, в отличие от своих предшественников, Ясперс попытался проанализировать явление осевого времени в контексте общемирового исторического процесса. Отсюда и возникла необходимость расширить временные рамки периода.

Карл Ясперс выделяет следующие главные его особенности:

1. Осевое время знаменует собой исчезновение великих культур древности, существовавших тысячелетиями. Оно растворяет их, вбирает их в себя, предоставляет им гибнуть – независимо от того, является ли носителем нового народ древней культуры или другие народы.

2. Осевое время “породило” современное человечество.

3. “Вхождение” народов в мировую историю осуществлялось через контакты (экономические, политические или военные) с народами Китая, Индии или Запада – “трех центров духовного излучения”.

4. Несмотря на удаленность друг от друга и национальное своеобразие, эти центры развивались как бы по одной и той же программе. Параллелизм и схожесть путей их духовных поисков – едва ли не главная загадка в истории человеческой культуры.

Но как исследователи объясняют столь необычное явление?

Уже упоминавшийся Э.Лазо, например, истолковывал его так: “Причиной этого поразительного совпадения может быть только внутреннее субстанциональное единство человеческой жизни и жизни народов, только общий всем народам порыв всей человеческой жизни, а не особое цветение одного народного духа”. Однако это не объяснение, а лишь описание тайны.

Немецкий писатель и философ Герман Кайзерлинг (1880-1946 гг.) придерживался иного мнения: “От поколения к поколению люди претерпевают изменения одинакового рода и в одинаковом направлении, а в поворотные моменты истории однотипные изменения охватывают гигантское пространство и совершенно чуждые друг другу народы”. Но и это не более, чем описание загадки. Все объяснения подобного рода игнорируют тот несомненный факт, что на этот путь встало не все человечество, а лишь очень немногие народы, проживавшие на довольно ограниченной территории.

Единственным ответом о причине одновременности зарождения новых религиозных течений служит в настоящее время лишь гипотеза немецкого экономиста и социолога Альфреда Вебера (1868-1958 гг.). Согласно ей, кочевники-индоевропейцы из Центральной Азии проникли в Средиземноморье (конец III тыс. до н.э.), Индию и Иран (около 1200 г. до н.э.) и Китай (нач. I тыс. до н.э.). В качестве господствующей касты они привнесли в мир ощущения героического и трагического начал, что позднее нашло отражение в эпосе, мифологии и религии подвластных им народов. Теория Вебера, однако, не объясняет очень многих “частностей”: почему воздействие индоевропейцев на автохтонов Индии, Китая и Средиземноморья было столь похожим, почему в Китае осевого времени не проявилось трагическое сознание и не родился героический эпос (нечто близкое к эпосу создается там гораздо позднее, в первые века н.э.), наконец, как быть с Палестиной, до которой кочевники Центральной Азии не дошли?

На наш взгляд, Альфред Вебер очень близко подошел к разгадке тайны осевого времени. Но он не сделал самого важного, решающего шага: не осознал, что в качестве народа-“завоевателя” выступали не просто кочевники-индоевропейцы, а арии! В первой части нашей книги мы подробно рассказали о миграциях ариев и в Грецию, и на Ближний Восток, и в Индию, Иран, а также в Китай. Во все эти страны они несли свою религию и утверждали в них свое мировоззрение, опорой которому служил закон гармонии с миром “*rita*”. Здесь мы можем повторить все те аргументы, которыми Вебер обосновывал свою концепцию. Но отличие заключается в том, что мы можем указать конкретную причину возникновения культур осевого времени: вытеснение ариев с данных территорий и активное забвение их основополагающей культурной традиции. Для объяснения загадки осевого времени, таким образом, важен не факт миграции ариев (или индоевропейцев у Вебера) в те или иные страны, а окончательная утрата ими ведущих позиций в Азии и Средиземноморье, произошедшая к VI в. до н.э.

В Древнем Китае, вплоть до VI в. до н.э., понятие неба включало и верховного владыку, и судьбу, и понятие первоосновы и первопричины всего сущего и одновременно было как бы синонимом мира природы, окружающего мира в целом. Именно отсюда возник термин “Поднебесная”, ставший одним из названий страны. Считалось, что земной владыка есть посланец неба, сын неба, который правит согласно небесному повелению. Все свои помыслы, чаяния и надежды древние китайцы обращали к небу, ибо, по их представлениям, от неба (верховного владыки) зависели и личная жизнь, и дела государства, и все природные явления. В книге “Шу цзин” говорится: “Только небо осуществляет наблюдения за народом, ведает справедливостью, посылает устойчивые или неустойчивые урожаи. Без неба погибнет народ. От милости неба зависит его судьба”. Такие высказывания очень близки арийским представлениям. Но на рубеже VI в. до н.э. уже начинает обсуждаться вопрос о справедливости небесных явлений, соразмерности гнева божия (неба) с проступками людей. Вот, к примеру, отрывок из книги “Ши цзин”:

Велик ты, неба вышний свод!
Но ты немилостив и шлешь
И смерть, и глад на наш народ,
Везде в стране чинишь грабеж!

Верховного владыку (небо) начинают называть грозным и жестоким, поскольку он не считается с тем, что подлинными виновниками бедствий являются правители, и обрушивает весь свой гнев на народ. Тем самым как бы ставится под сомнение авторитет неба. Все более широкий характер приобретают утверждения о том, что счастье и несчастье человека происходят от него самого, что существуют естественные (земные!) причины стихийных бедствий и болезней. Небо все более начинают рассматривать как явление природы. В учении китайских философов VI-II вв. до н.э. последовательно выстраивается оригинальная концепция восприятия неба. Это время рождения классической китайской философии, свободной от каких-либо чуждых влияний. В политическом плане V-III вв. до н.э. в Китае можно охарактеризовать как период раздробленности (эпоха “воюющих царств”). Подобная ситуация благоприятствовала как освобождению от какого бы то ни было индоевропейского (арийского) культурного влияния, осуществлявшегося, прежде всего, гуннами, так и расцвету собственных национальных идей.

Особенностью китайской философии стала ее отгороженность от естествознания. В текстах ее классиков практически отсутствуют обращения к природным образам.

Единственное исключение составляет школа моистов, но ее идеи не получили распространение. Мысль китайского философа не опускается до анализа природных явлений. Это прямо противоположно установкам арийского закона Яра-Рода, который не отделяет человека от окружающего мира. Исповедующий его призван гармонично существовать в При-роде, как бы быть при Роде, частью этого божества, его волей и воплощением на земле. Конфуцианство с самого момента своего возникновения выразило крайне пренебрежительное отношение ко всем естественнонаучным наблюдениям и прикладным знаниям. На первый план оно выдвинуло самосовершенствование нравственных начал человека, воспитание в нем строгого ритуала иерархических отношений. Жесткая регламентация отношений высших с низшими в корне неприемлема для русского человека. В своем начальнике он старается видеть живого человека, отслеживать его привычки, настроения и т.д. Невозможно представить, чтобы русский стал писать конфуцианский трактат. Для нас это будет выглядеть так же странно, как и нравственная система Спинозы, выраженная в виде теорем.

В Индии в X-VII вв. до н.э. создаются Упанишады (по-санскритски “сокровенное знание”) – заключительная часть “Вед”. Они стали “песней прощания” Древней Индии с арийской ведической традицией. Начиная с VI в. до н.э. (принятого времени рождения Будды), здесь распространяется и утверждается в качестве основной религии буддизм. Согласно легенде, чтобы придти в мир и возвестить людям путь к спасению Будде пришлось победить демона зла и бога смерти Мару, в котором нельзя не признать символическое изображение вождя ариев.

В Иране мидяне-арийцы в конце VI в. до н.э. перестали править страной. Мидия стала одной из провинций, подвластных персам. Учение Зороастра о борьбе двух вечных начал является прямым развитием, или, лучше сказать, искажением учения ведических ариев о едином законе (абсолюте), сотворившим мир и поддерживающим в нем божественный порядок. “Авеста” ярко демонстрирует отход ее создателей от первоначальных принципов, почитавшихся древними ариями. Согласно ей, существует три эпохи в истории вселенского противостояния добра и зла, изначальных сил творения (Ормузда и Аримана): золотой век, царство первочеловека и культурного героя Йимы сменяется эпохой ожесточенной борьбы между духами добра и зла и их приверженцами на земле. Эта борьба закончится мировой катастрофой: перед концом света наступит чудовищная зима, вырвется из пут дракон Ажи-Дахаки, мир погибнет в огне, но затем возродится в изначальном состоянии. Если у ведийцев верховное божество едино во всех своих (и добрых, и недобрых) делах, то авестийцы предприняли попытку разделить его на светлую и темную половинки. При этом чрезвычайно примечательно, что если в “Ведах” девы – божества, то в иранской мифологии они (дэвы, дивы) уже демоны. Сохранилась “антидэвовская надпись” персидского царя V в. до н.э. Ксеркса, из которой следует, что в одной из областей Ирана они почитались как боги. Ксеркс уничтожил это святилище: так персы искореняли остатки древних ведических верований.

Всеобщий моральный закон в иранской мифологии имеет два названия – Арта и Аша Вахишта (авестийское; буквально “лучший распорядок”). Если первое из них соотносится с Космическим законом “rta” ведийцев, то второе – отражение развития представлений об этом законе на местной, иранской почве.

Палестина с древнейших времен была вотчиной ариев (арамеев, амореев и ханаан). Но вначале египтяне, а затем евреи и другие семитские племена вытеснили их из земли обетованной. При этом значительная часть ариев была ассимилирована семитами – так образовался, например, народ финикийцев. Хотя арии растворились среди других ближневосточных этносов, их культура глубоко вошла в традиции семитов. Кроме того,

арии или родственные им племена (киммерийцы, скифы и мидяне) постоянно воевали в Малой Азии и периодически вторгались на земли Палестины (вот еще одно недостающее “звено” теории Вебера). Пророк Иезекиль (VII-VI вв. до н.э.) предрекает угрозу Израилю со стороны грозного северного народа Гога и Магога, в котором самые разные исследователи видят скифов. В 586 г. до н.э. вавилоняне, среди которых были халдеи-арии, овладели Иерусалимом. Последовавшее за этим “вавилонское пленение” является очень важным моментом еврейской истории.

Лишь во время Вавилонского пленения (около 586-536 гг. до н.э.) произошло окончательное оформление древнееврейского идеала единственного (мужского) Бога. После возвращения израильтян в Палестину первые пять книг Моисея были собраны в иудейской Торе (Законе), а остальная часть Ветхого Завета постепенно добавлялась к ним на протяжении пятисот лет. Но вплоть до момента пленения богиня Астарта (воплощение арийского закона) оставалась такой же важной фигурой в религии и культуре евреев, как и Иегова. Астарту называли невестой Иеговы и приписывали ей семьдесят отпрысков от Него, в том числе Баала, Анат и их братьев Мота и Ямма. Богиня Астарта упоминается в Ветхом Завете не менее сорока раз. Царь Соломон боготворил Астарту. В третьей книге Царств (18:19) указывается, что 400 пророков Астарты (пророков “дубравных”, как называли культ Астарты) сидели за столом Иезавели из Тира, жены царя Израиля Ахава (около 876 г. до н.э.). Будучи главной женой Иеговы, Астарта была составной частью религиозной жизни евреев вплоть до реформ иудейского царя Иосии (640-609 гг. до н.э.). Кстати, название иудейского закона состоит из тех же согласных, что и арийское! Евреи читали и писали справа налево, поэтому в безгласовом варианте их “Тора” идентична прочитанному наоборот слову “Рота”. Вот и объяснение, как произошло имя иудейского канона!

Нет нужды пояснять, что и смыслы арийского и иудейского канонов диаметрально противоположны. Есть, правда, одно общее свойство. И там, и тут присутствует идея Единобожия. Дело в том, что, подобно арийству, древнейший иудаизм вовсе не был монотеистической религией. Мы сталкиваемся здесь с особой разновидностью политеизма, получившей в литературе название генотеизма. Суть его заключается в том, что хотя признается реальное существование многих богов, но данная этническая группа, объединение племен или государство поклоняется лишь одному из них. С этой точки зрения у каждого племени или народа существует свой бог, с которым его связывают отношения договора, союза, “завета”. Именно в этом смысле в Ветхом Завете говорится о Боге Авраама. В отношении избранного ими бога данное племя или народ брали на себя определённые обязательства: поклоняться и служить только ему, отказывая в этом всем другим богам, хотя они и существуют. Генотеизм представляет, таким образом, не монотеизм, а единопоклонение. Призывом к такому поведению проникнуто большинство книг Ветхого Завета.

Генотеизм имел не только этнический, но и территориальный характер: считалось, что на определенной территории хозяином выступает один, вполне конкретный бог, на других – другие. Известны случаи, когда та или иная этническая группа, поселившись на новом для неё месте, порывала завет со своим старым Хранителем и принимала соответствующее обязательство перед богом, господствующим на данной территории. Так было, например, с жителями Ассирии, переселенными на землю покоренного ею Израиля: они вскоре приняли религию Яхве, а потом и её основной документ – Пятикнижие. Элоха, которого выбрали для себя из многих известных тогда богов израильтяне, носил имя Яхве. Одно лишь то обстоятельство, что Бог носит собственное имя, показывает, что он не считался единственным, - Он не просто Бог, Он – один из богов, “элоха”, которому даётся

имя специально для того, чтобы отличать Его от других божеств, “элохим” (множественное число от “элоха”). Уже со второй главы книги Бытия наряду со словом “элохим” появляется собственное имя Яхве. В русском переводе Ветхого Завета оно заменено словом “Господь”. Только в пяти местах этого перевода упоминается имя Яхве (в форме Иеговы) – Бытие 22:14; Исход 17:15; 33:19; 34:5; Судей 6:24. В общем, всюду, где по-русски написано “Господь Бог наш”, в подлиннике – “Яхве наш Элоха”. Только постепенно, в ходе столетий в библейских текстах стало пробиваться представление о едином Боге, не только сотворившем вселенную и человечество, но и господствующем над ними и заслуживающем почитания всеми народами земли.

Как уже говорилось, у создателей “Ригведы” (ведийских ариев) плохо разработанной оставалась тема зла. Авторами Ветхого Завета она рассматривалась в рамках монотеистического подхода. Райский змей – предтеча сатаны, но он послушен воле Бога. Понятие “злого духа” присутствует в рассказе о царе Сауле:

А от Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух от Господа. И сказали слуги Сауловы ему: вот, злой дух от Бога возмущает тебя. Пусть господин наш прикажет слугам своим, которые перед тобою, поискать человека, искусного в игре на гуслях; и когда придет на тебя злой дух от Бога, то он, играя рукою своею, будет успокаивать тебя <...> И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него.

(1 Книга Царств 16: 14-16, 23)

И здесь нельзя не заметить, что царя беспокоит “злой дух от Бога”. В III Книге Царств (22:20-23) говорится о духе лживом, которому попустительствует Господь, но по тексту Нового Завета (Иоанн 8:44) лживый дух – это сам сатана-дьявол...

После VI века до н.э. евреи три века были под властью персов, исповедовавших зороастризм. В отличие от индоарийских текстов, священные книги древних иранцев значительное место уделяют деяниям темных сил, они содержат первые разработки темы “рая и ада”. Религия зороастризма, безусловно, повлияла на древнееврейских авторов. Но они не отказались от концепции монотеизма! В результате на страницах Библии родился оригинальный образ сатаны. Сатана – с древнееврейского “противник в суде, в споре или на войне, противоборствующий, обвинитель, наушник, подстрекатель”. В религиях иудаизма и христианства – главный антагонист Бога и всех верных Богу сил на земле, враг человеческого рода, царь ада и повелитель бесов. Сатана противопоставлен Богу не на равных, не как антибожество, но как падшее, мятежное творение Бога, обращающее против Творца силу, полученную от Него же. В конечном счете, сатана против собственной воли содействует исполнению Божьего замысла.

В библейской “Книге Иова” сатана назван в числе “сынов Божиих”: “Был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана” (Иов 1:6-8). Дважды давал Господь сатане власть над телом и имуществом Иова и возможность искушать веру Иова в Господа различными несчастьями, но не дал Господь своему слуге власти над душой человека. “Вот, он в руке твоей, только душу сбереги” (Иов 2:6). А это значит, что Бог не препятствует сатане при жизни человека влиять на его судьбу и, если тот окажется отступником и нечестивцем, то после смерти грешника поступить с его душой по заслугам (но, так сказать, в пределах, предустановленных волею Божией). Постепенно сатана стал наделяться чертами не только клеветника на человека перед Богом, но и клеветника на Бога перед человеком. К сатане стало восходить все моральное зло мира. Одно из имен сатаны – диавол. Оно образовано сложением двух слов Дий (Диа)

и Бел (Бал, Вал) и означает “Божественный Бел”. Теперь дьявол – ругательное слово. Так жрецы Иеговы узаконили свою победу над Ваалом - древнейшим языческим богом.

В период Вавилонского плена начало формироваться наблюдаемое сегодня национальное сознание еврейского народа, обладающего уникальной способностью объединяться и спланиваться в инородной среде. Примечательно, что если оценивать меру национализма у разных народов, то евреи будут на первом, а русские (наследники арийского отношения к миру) на последнем месте. Они как бы определяют два полярных способа существования в мире: евреи стараются сплотить вокруг себя своих соплеменников, русские же, наоборот, отказываются создавать какие-либо объединения по принципу кровного родства. С этой позиции процесс зарождения и оформления иудаизма можно рассматривать как ответную реакцию на проникновение арийской (интернациональной!) идеологии в Переднюю Азию и на Ближний Восток.

Осевое время породило и современную науку. Ее первым центром стало побережье **Малой Азии** (милетские мыслители, Пифагор) – именно те области, над которыми киммерийцы, скифы и союзные с ними ваны Урарту к VI в. до н.э. утратили свой контроль. Греки стали рассматривать мир как упорядоченный Космос, который можно постигнуть с помощью человеческого разума. Они полагали, что природа как целое является выражением всепроникающего Разума, и потому может быть познана рациональными методами. К примеру, Платон отождествлял божественность с порядком, а разум и душу - с совершенным математическим законом. Эти и подобные им взгляды легли в основу формирования западной цивилизации. Они в равной степени остались чужды как древним ариям, так и их потомкам – русским. Поэтому именно в осевом времени надлежит искать корни духовного противостояния Запада и России.

Вместе с тем одну из важных особенностей античной науки следует связать с арийским влиянием. Мы говорим об особом отношении древних греков к окружности. К примеру, тот же Платон, приняв принципиальное допущение, что небесные тела движутся круговым, равномерным и неизменно постоянным движением, поставил перед математиками следующую задачу: какие из равномерных, круговых и упорядоченных движений должны быть положены в основу теории, объясняющей движение небесных светил? Почему Платон ограничил эту задачу круговыми движениями? Историк науки И.Д. Рожанский в книге “История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи” отвечает на этот вопрос так: “Да потому, что в его эпоху круг был единственной криволинейной фигурой, о которой могла идти речь в данном случае. К исследованию конических сечений греческая математика в то время еще не приступила. Неподвижные звезды совершают свое суточное движение по окружностям – в этом не могло быть никаких сомнений. Согласно общепринятым представлениям того времени окружность считалась совершенной кривой, а сфера – совершенным телом (Аристотель позднее подробно обоснует эту точку зрения), и Платон, конечно, разделял эти представления. А поскольку, по мнению Платона, небесные светила имели божественную природу, то им подобало двигаться по совершенным кривым. На основании всего этого можно заключить, что платоновская постановка задачи была не только естественной, но для того времени – единственно возможной. Другое дело, что в позднейшую эпоху приверженность к круговым движениям вступила в противоречие с данными наблюдений и стала в конце концов тормозом для развития теоретической астрономии”. Все правильно, но стоит добавить, что общепринятое представление о совершенной форме окружности и сферы родилось под влиянием арийского закона “*rta*”, утверждавшего цикличность космических процессов. Одно из имен верховного бога, почитавшегося нашими предками, было Коло (Коляда), то есть буквально “круг”. Циклопы, по-другому, - это кругопоклонники. От

древнерусского “коло” происходят римские “календы” и само слово “календарь” (первым на это, по-видимому, указал С. Лесной в книге “Русь, откуда ты?”). Словом, античная картина Космоса – суть разработка религиозных представлений ариев, а “обожествление” ими окружности – дань древней традиции. Даже, когда для греков стало очевидно, что траектории планет относительно Земли не являются окружностями, они пытались математически описать путем наложения друг на друга нескольких круговых движений (теория Гиппарха, система Птолемея).

В VIII-VII вв. до н.э. в Греции повсеместно распространился и утвердился культ Диониса. Как божество земледельческого круга, он противопоставлялся солнечному Аполлону. Орфей не почитал Диониса, считая величайшим богом Гелиоса (Бела!) и называя его Аполлоном. В отместку разгневанный Дионис наслал на Орфея менад, которые растерзали бога, разбросав повсюду части его тела Судьбу арийской культуры на Балканах можно сопоставить трагедией Орфея, имя которого можно прочесть как “Яр-бог” или “Бог ариев”. Словно плоть Орфея, арийские религиозные представления извлекались из единого цельного Закона, препарировались, отвергались и видоизменялись. Так рождалось новое мировоззрение мира, мировоззрение современной цивилизации. “Мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью пришел конец. Основные идеи греческих, индийских, китайских философов и Будды, мысли пророков о Боге были далеки от мифа. Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа), затем борьба за трансцендентного Бога, против демонов, которых нет, и вызванная этическим возмущением борьба против ложных образов Бога. Божество неизмеримо возвысилось посредством усиления этической стороны религии. Миф же стал материалом для языка, который теперь уже выражал не его исконное содержание, а нечто совсем иное, превратив его в символ. В ходе этого изменения (по существу, тоже мифотворческого), в момент, когда миф, как таковой, уничтожался, шло преобразование мифов, постижение их на большой глубине. Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания” (К. Ясперс. Истоки истории и ее цель).

Стоит особо подчеркнуть, что именно в осевое время (V в. до н.э., Геродот) зарождается историческая наука. И если к тому времени Египет, Индия, Китай, Греция существовали на карте мира, то Средиземноморской Руси уже не было. Геродот ничего не пишет даже о хеттах! Арии, учителя Древнего мира, буквально выпали из мировой истории. Здесь сошлись и объективные, и субъективные причины. Во-первых, у ариев не нашлось своих геродотов. Во-вторых, геродоты других народов описывали уже новые времена и мифами о русской Палестине не интересовались. Культуры осевого времени явились своеобразным откликом разных народов на обычаи, традиции и мировоззренческие установки, которые исповедовали арии. Этим объясняется синхронность этих откликов во времени. Соприкасавшиеся с ариями народы, проявляя свою самобытность, рушили общую духовную преграду, в качестве которой в данном случае выступал Вселенский закон “гта”. Каждая из осевых культур имела национальную “окраску”, но, поскольку все они рождались как отрицание одного и того же культурного явления, то в них проявились и некоторые схожие черты.

Вытесненная из глубин Азии, арийская цивилизация продолжала существовать. Ее пределы были по-прежнему огромны – от Алтая до Дуная и Балтики. Она переживала кризис, но он не был смертельным.

РУССКИЙ ОБРАЗ НАУКИ

Чья мысль парит над жизнью тленной
И выше предрассудков вер,
Тот ощущает пульс Вселенной
И музыку небесных сфер.

Прекрасно это ощущение –
О мирозданье размышлять
И, побеждая нетерпенье,
Его строенье постигать!

Прежде всего, уточним предмет нашего исследования. Результаты науки, как известно, являются объективным отражением природных процессов, и в этом смысле лишены какой бы то ни было национальной окраски. И англичанин, и китаец в итоге придут к одной и той же формуле закона, откроют одни и те же закономерности, присущие природным системам. Но пути и способы достижения этих результатов у ученых различных национальностей могут не совпадать. Более того, образы, к которым обращаются они в своих рассуждениях, оказываются принципиально непохожими друг на друга, поскольку заимствуются (зачастую бессознательно) из “генофонда” национальной культуры.

Впервые на это обратил внимание, по-видимому, французский физик, философ и историк науки Пьер Дюгем (1861-1916 гг.). По его мнению, французы и немцы, с одной стороны, и англичане – с другой, заметно разнятся своими методами построения научного знания. Умы “узкие и сильные”, присущие первым, стремятся сократить число образов, соединяя их по возможности в неразрывную, но маловыразительную, мало говорящую воображению цепь дедукций. Умы “широкие и слабые”, а так именно П. Дюгем характеризует англичан, стремятся, напротив, к разнообразию ярких и взаимно независимых моделей. “Для английского ума, - говорит Дюгем, - теория – не объяснение и не рациональная классификация физических законов, а модель этих законов. Не для удовлетворения требований разума, а для воображения она строится. Вследствие этого она свободна от велений логики. Английский физик может построить одну модель, которая воспроизводила бы одну группу законов, и другую модель, совершенно отличную от первой, для другой группы законов, и он может это сделать даже в том случае, когда некоторые из этих законов общи обеим группам. Геометр из школы Лапласа или Ампера считал бы абсурдом давать одному и тому же закону два разных теоретических объяснения и утверждать, что правильны оба. Физик из школы Томсона или Максвелла не видит никакого противоречия, если один и тот же закон фигурирует в двух различных моделях” (цитируется по [1, с. 113]). Классический трактат гениального Максвелла об электричестве и магнетизме француз Дюгем квалифицировал как “кишащий противоречиями, тёмными местами и очевидными ошибками”.

Великий Пуанкаре фактически вторит своему соотечественнику, говоря: “Когда француз впервые открывает сочинение Максвелла, к его чувству восхищения примешивается какое-то чувство недовольства, часто даже недоверия <...> Английский учёный не пытается построить здание, которое имело бы цельный и окончательный вид, все части которого были бы подчинены общему плану; скорее он как бы возводит

множество предварительных, независимых одна от другой построек, сообщение между которыми затруднительно, а иногда и невозможно” [2, с.131-133]. Задавшись вопросом, отчего французы до конца XIX в. не восприняли теорию англичанина Максвелла, Пуанкаре увидел причину в непохожести их идеалов научности. Для французов был действителен идеал строгости и дедуктивности построения, англичанин же был склонен демонстрировать иной способ рассуждения – индуктивный, строя теорию для каждого случая “как множество временных, независимых одна от другой построек”.

Наблюдения Дюгема и Пуанкаре можно расширять в двух направлениях. Во-первых, интересно проследить, к какому способу построения точного знания тяготеет та или иная национальная школа – к “франко-немецкому” или “английскому”. Русским, очевидно, более близка и понятна незавершенность и широта “новостроек” островитян, нежели систематичность и идеальная разработка теорий немцами и французами. Ни один русский философ не создал своей законченной системы, или по-другому, никто к этому не стремился. Дмитрий Иванович Менделеев строил знаменитую периодическую систему очень “по-русски”: часть клеточек остались незаполненными, а некоторым химическим элементам ученый предсказал другой атомный вес, а значит, и другой порядковый номер в общей последовательности элементов. Ученый-германец ни за что не стал бы действовать таким “варварским” способом. Идея нестационарной Вселенной, всколыхнувшая умы физиков после публикации работы А.А. Фридмана, породила принципиально незамкнутую космологическую модель, поскольку два важнейших вопроса: что было до Большого Взрыва и что находится вне границ расширяющегося мира – “повисли в воздухе”. И не случайно так активно против этой теории протестовал Альберт Эйнштейн, представитель немецкой научной школы.

Второй путь развития, идущей от Дюгема и Пуанкаре, состоит в выделении внутри разных национальных научных школ других определяющих качеств. Ясно, что по какой-то системе признаков те же французская и немецкая школы могут и диаметрально отличаться. При достаточно полном переборе и описании характерных черт, свойств и признаков той или иной национальной школы можно в итоге говорить о воссоздании ее образа. Основоположником такого рода анализа является Георгий Дмитриевич Гачев, автор книги “Наука и национальные культуры”. Она была написана в 1971 году, но вышла только в 1992. Так непривычно и оригинально ее содержание. Искомая целостность каждого национального бытия трактуется Гачевым как Космо-Психо-Логос, то есть как единство “тела” (природы), души (национального характера) и духа (склада мышления, типа логики). При этом Космос и Логос более дискретны, а Психея (связь между ними) – “структура”, “мировая душа” (как её именовали древние) – скорее непрерывна. Сверхзадача исследователя – выявить, так сказать, “национальные логики”, “менталитет”.

В ядре своем каждый народ остаётся самим собой до тех пор, пока сохраняются природа страны, особенный климат, пейзаж, пища, этнический тип, язык, память о своей истории и культуре, ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления. Соответственно, и о Едином – материальной системе (Космос) или Духе (Логос) – у каждого народа складывается свой образ. Единость бытия видится каждым народом в особой проекции, как единое небо – сквозь атмосферу, определяемую разнообразием поверхности Земли. По существу, Гачев предлагает понять присущие тому или иному национальному типу внутренние силы, питающие творчество, “энтелехию” народа (“целевую природу” по Аристотелю), первичные интуиции в сознании всех членов данной национальной культуры, их образный априоризм.

Г.Д. Гачев – филолог по образованию, и его анализ образов национальных наук опирается на изучение текстов классиков науки – Ньютона, Галилея, Декарта, Паскаля, Лапласа. Но их тексты – это только основа, и мысль исследователя то и дело пытается дать обобщение отдельных научных положений в контексте национального восприятия мира. Примечательны даже названия глав его книги: “Физика Декарта и гуманитарная культура Франции”, “Английский образ мира и механика Ньютона”, “Галилей и итальянская картина мира” и т.д. Удивительное дело, но, например, образы пространства и времени у разных народов несхожи! Германское чувство пространства есть “от-странство”, “у-странение” (пустота!), а не распро-странение – протяжение – растекание некоей полноты – жидкости, как у французов. В гидродинамике существуют два способа описания движения жидкости. Один из них предполагает изучение поля скорости в данной точке и называется эйлеровским. Это немецкий образ гидродинамики. Другой, альтернативный подход состоит в наблюдении за движением отдельной жидкой частицы и вычислением соответствующих компонент скорости. Его называют лагранжевым, и он более отвечает французскому мировосприятию.

Немецкое понимание пространства как рас-стояния и пустоты есть жизненное пространство света, без которого ему не жить и где он – демиург и мироустроитель: его скорость постоянна (константа). А скорость как константа есть просто бытие, пребывание, стояние. Для французского сознания более характерным и привычным было принимать пространство эфиropодобным, вытягивающим само из себя (*ex-tension* у Декарта). С этой точки зрения совершенно проясняется история с приоритетом открытия специальной теории относительности. Как известно, её содержательная математическая часть была создана Лоренцем и Пуанкаре. На основании их работ Эйнштейн написал статью, придав известным формулам иное толкование. Он попросту отказался от идеи эфира. Но после прочтения книги Гачева мы можем сказать: главная заслуга Эйнштейна состояла в том, что он сформулировал новую теорию в немецком духе! Он выступил блестящим переводчиком с одного языка национальных образов на другой, ничего более. Другое дело, что для большинства физиков такой взгляд был более “прозрачным” и понятным, и за специальной теорией относительности закрепилось название “теория Эйнштейна”. Сам физик, кстати, признавался, что он совершенно не интересовался результатами Майкельсона-Морли по обнаружению эфирного ветра, ему это было неважно. Внутреннее (немецкое) ощущение устройства мира и красота логических рассуждений в данном случае перевешивали все остальное.

Еще одна поразительная для всякого физика подробность. Немцы выступали приверженцами корпускулярной теории света (частицы в пустоте), а французы – волновой. При этом примечательно, что к “согласительной” идее корпускулярно-волнового дуализма пришел не физик, а юрист по образованию – Луи-де-Бройль. Сами по себе, узкие специалисты-профессионалы не могли преодолеть внутренний барьер своих национальных бессознательных образов. Если французам по душе категория непрерывности, то немцев умиротворяет дискретность: найти единицу отсчёта и всё пересчитать. Именно Нострадамус, Фауст и Парацельс заговорили о микрокосме, Лейбниц разработал учение о монаде, а Планк открыл квант.

Особенность русского пространства ориентирована на бытие Света, который есть в нём обитатель, а оно – его обитель. Гачев вводит даже новое понятие – “светер” (свет + ветер). Подобно французам, русские не терпят пустоты пространства, они “эфиропоклонники”. Для эфира-светера движение вперёд и растекание в стороны сопряжены. В нас заложено сказочное “пойти туда – не знаю куда”. У русских про-

странство – страна, сторона, этого нет в других языках. И в принцип неопределённости нам легче “въезжать”, чем тем же немцам или французам.

Теперь о времени. Немцы понимают его как рубленый отрезок, отсюда и гётевское “остановись, мгновенье”. Для французов уже постановка такого вопроса выглядит непривычной. Время для них течёт непрерывно, безостановочно, линейно. Такое ощущение времени близко русскому человеку, но оно не тождественно с французским. Русское слово “время” происходит от “веремья”, “вертеть”, то есть связано с вращением, возвращением, коловоротом (сравни санскритское “vartman” – “путь, колея, след колеса”). Приводя эту этимологию, Гачев подчеркивает: “Кроме содержания линейности, в этих значениях времени есть еще и содержание качения: прямая линия пути-дороги, образуемая не тянутием, а циклоном. Недаром так по душе пришлось выражение “колесо истории”. Тут путь-дорога, и природный кругооборот. Линия эта не простая, а с заковыкой вспять. Ведь при качении вперёд – точка колеса идёт назад, потом вперёд, потом назад, туда-сюда” [3, с. 35]. Русские репку обязательно тянут – потянут, а о стариках в сказках говорится, что они жили-были. То есть не просто коптели на свете, тянули “лямку времени”, а ещё и делали дело. Как ни крути, но приходится признать, что понятия пространства и времени у нас и впрямь не механические (мёртвые), а какие-то живые. И положи руку на сердце, скажем откровенно, что русскому человеку открыть принцип относительности Галилея или механику Ньютона было бы в тысячу раз сложнее, чем западноевропейцу.

* * *

Почему же в России так поздно возникает наука? Отчего мы так задержались в своём научном развитии? Гнёт церкви? Но и в Европе в своё время горели костры инквизиции. Нелюбознательность? Вот уж чего нет, так нет. Социальная и экономическая неразвитость в послемонгольский период? Очень может быть, но ведь, что ни говори, в эпоху Киевской Руси составлялись и редактировались летописи, на высочайшем (превосходящем западноевропейский) уровне была рукописная книжная культура. Что же мешало цветению “древа науки”?

Для научного постижения природы необходимо усмотреть и выделить в ней какое-то отдельное явление, “отрывая” его от всего остального; затем открыть в нем какие-то закономерности и, наконец, изложить свои наблюдения на формальном уровне (например, с помощью формул). Ученый “препарирует” природу, как Базаров лягушку. Ему важно выхватить основное, самое существенное в данном явлении. Все многообразие мира даже у самого искушенного исследователя сужается до размера частной реакции, формулы, закона и т.д. Для “широкого и слабого” русского ума это противоестественно, он воспринимает природу в ее целостности. Не случайно именно русский поэт написал:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Научное платье узко русскому человеку. Если хотите, тютчевские строки – манифест метафизики. В нём утверждается существование у природы как раз тех качеств, которые естествоиспытатель должен исключить при построении научной картины мира. Весьма примечательно, что если источником развития природы Кювье считал природные катастрофы, Ламарк тренировки органов, Дарвин борьбу за существование и выживание

наиболее приспособленных, Лоренц агрессию, то русский князь П.А. Кропоткин – способность к взаимопомощи. Любовь движет миром – вот русская формула развития, и она, очевидно, не вмещается в рамки рационального описания природных процессов.

Н.А. Бенедиктов, выстраивая систему русских святых [4], поместил природу на первое место. Гармоничное сосуществование с природой – отличительный момент русской жизни, тут многие цивилизованные народы на нас совсем не похожи. Попробуйте, например, найти в западноевропейском эпосе описание природных явлений или красочную деталь окружающего героев пейзажа, они отсутствуют. Напротив, вся русская культура пронизана природными образами. Наука требует не любования природой, не воспевания её красот, а строгого, последовательного описания её избранных явлений. Русскому человеку, чтобы заговорить учёным языком, нужно затратить больше усилий, чем тому же немцу. Не случайно первые русские учёные ехали жить и учиться за границу, им нужно было изменить свой стиль мышления, зажить на европейский манер. Ломоносов – самый великий из них, но он также легче других встроился в европейскую культуру: не только женился на немке, но и прожил с ней всю жизнь.

Было бы неправильно говорить, что русский ум оппозиционен науке. Совсем нет, но он очень остро и болезненно ощущает разрыв между научным знанием и жизнью, теорией и реальным фактом. Широкая русская натура не терпит “золотой середины”, и потому, как правило, впадает в крайности: либо обожествляет математику, становясь теоретиком - “умозрителем”, либо старается заглянуть в самый “корень” мироустройства и превращается в экспериментатора с “золотыми” руками. Уделом русского теоретика после получения заслуженных степеней становится ... философия.

Русский учёный ориентирован на запредельные задачи. Велика страна Россия, и также масштабна должен быть труд исследователя. Геометрия Лобачевского, логика Васильева, ракета Циолковского – вот достойные ориентиры. Если уж придумать что-то, так необыкновенное и небывалое. Проблемы средней сложности русского исследователя не вдохновляют. По этой причине многие наши соотечественники остаются без научных степеней. Точно так же очень часто учёный перестаёт заниматься проблемой, потому что ему и так всё ясно. Это наши родные обломовы. В противоположность им немцы-штольцы испытывают наслаждение от расстановки окончательных акцентов, доведения работы до логического конца.

Русские стремятся “оживить” науку, оторвать её от застывших схем и наполнить реальным содержанием. Русские мыслят не в рамках отдельных дисциплин (физики, химии, биологии), а в поле единого Естествознания. Это стремление к целостности восприятия мира. В недрах русской культуры выросло своеобразное направление исследований, названное русским космизмом. Это причудливая “смесь” науки, философии и даже религии. Но можно сказать, что это и есть русская наука в чистом виде. Это книга В.В. Докучаева о русском чернозёме, учение В.И. Вернадского о биосфере, работы К.Э. Циолковского, выдающиеся открытия А.Л. Чижевского, теория этногенеза Л.Н. Гумилёва. Русская мысль нацелена объять необъятное, она призывает мысль других народов оторваться от “приземлённых” теорий (фрейдизма, лоренцизма и т.д.), и, может быть, в этом её историческая миссия.

* * *

Всякое теоретическое рассуждение хочется проверить на каком-либо примере. Сравнить свои умозаключения с другими мнениями и, тем самым, подтвердить или

уточнить свою позицию. К счастью, у нас есть такая возможность. Рассказ Василия Шукшина “Упорный” написан как раз на интересующую нас тему.

Его герой – Митя Квасов – задался целью изобрести вечный двигатель. Фамилия Мити выдаёт, что он стопроцентный русак, а имя заставляет вспомнить о фонфизинском Митрофанушке. Правда, он мечтает не жениться, а одолеть проблему, которую учёные относят к числу нерешаемых. Митя и проникся-то ею именно после того, как прочитал, что вечный двигатель невозможен, и многие уже погорели на этой задаче.

Образование у него какое-никакое имелось. Митя окончил семилетку в деревне и полтора года проучился в сельскохозяйственном техникуме, так что вникнуть в формулы он вполне мог. Но не захотел! “Что трение там, законы механики – он всё это пропустил, а сразу с головой ушёл в изобретение”. Не так ли и мы не любим разбираться в чужих системах доказательств? Человек, изучающий досконально инструкцию, для нас белая ворона. Мы лучше выдумаем что-нибудь сами. Такова природа умов “широких и слабых”. Максвелл, к примеру, перед тем, как открыть свою знаменитую систему уравнений, сознательно отказался от чтения теоретических работ других авторов: усвоение чужого образа мыслей сужает пределы собственного творчества.

И что вы думаете? Митя придумал свою оригинальную схему, которая должна была, безусловно, работать вечно. Что же он почувствовал? Как вообще русский человек переживает свой творческий взлёт? “Моня (так называли Митю друзья – А.А.) придумал это ночью... Вскочил, начертил колесо, жёлоб, стерженёк, грузик... И даже не испытал особой радости, только удивился: чего же они столько времени головы-то ломали! Он походил по горнице в трусах, глубоко гордый и спокойный, сел на подоконник, закурил. В окно дул с улицы жаркий ветер, качались и шумели молодые берёзки возле штакетника; пахло пылью. Моня мысленно вообразил вдруг огромнейший простор своей родины, России, - как бесконечную равнину, и увидел себя на той равнине – идёт спокойно по дороге, руки в карманах, поглядывает вокруг... И в этой ходьбе – ничего больше, идёт и всё, - почудилось Моне некое собственное величие. Вот так вот пройдёт человек по земле – без крика, без возгласов, поглядит на всё тут – и уйдёт. А потом хватятся: кто был-то! Кто был... Кто был... <...> Покой, могучий покой объял душу Мони. Он лёг на кровать, но до утра не заснул. Двигатель свой он больше не трогал – тут всё ясно, а лежал поверх одеяла, смотрел через окно на звёзды <...> Люди начали вставать. Моня всё лежал на кровати и смотрел в окно. Ничего вроде не изменилось, но какая желанная, дорогая сделалась жизнь. Ах, чёрт возьми, как, оказывается, не замечаешь, что всё тут – прекрасно, просто, бесконечно дорого”.

Шукшин – гений, неоцененный в должной мере, во многом замолчанный, но истинно великий. Как он всё “разложил по полочкам”! И как это всё нам близко и понятно. Вроде бы и начал-то Моня с размышлений о железках, но пришло озарение, и они уходят на второй план. Не в них смысл творчества, а в тех ощущениях, той внутренней радости, которые приходят к исследователю. И почему-то начинаешь думать о России, о Природе, о Мире. Да, пусть наш ум “слабый”, но он необыкновенно “широкий”.

Моню ждало разочарование. Школьный физик из поволжских немцев (!) забраковал двигатель. Но Моня не поверил ему, ведь учитель начитался как раз тех книжек, которым Моня ни капельки не доверял. И пришлось нашему упорному герою пройти весь путь исследователя до конца – до создания опытной установки. Только после того, как Моня убедился, что его “вечное колесо” отказывается крутиться безостановочно, он сдался. Была ночь, Моня пошёл на речку, сидел, смотрел на её непрерывное течение и отходил душой. “Моня не страдал. Ему даже понравилось, что вот один он здесь, все над ним надсмеялись и дальше будут смеяться: хоть и бывают редкие глупости, но вечный

двигатель никто в селе ещё не изобретал <...> Пусть посмеются, ничего. Он в эту ночь даже любил их за что-то. Он думал о них спокойно, с сожалением, даже подумал, что зря он так много спорит с ними. Что спорить? Надо жить, нести свой крест молча...”

Это не просто рассказ, это притча. Исследователь, не побывавший хотя бы однажды в “шкуре” Мони Квасова, не способен ничего выдумать. Над ним никто никогда не посмеётся, потому что он всё делает правильно. Но он работает по стандартным образцам и поёт с чужого голоса. Он будет преуспевать на “службе” и копить награды за добросовестный труд. Но он никогда не испытает того удивительного чувства единения с Природой, которое пережил Мона Квасов в ночь своего памятного изобретения.

Литература

1. Флоренский П.А. Сочинения в двух томах. Т. II. М.: Правда, 1990.
2. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1983.
3. Гачев Г.Д. Наука и национальные культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. С.35.
4. Бенедиктов Н.А. Русские святыни. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1998.

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Природоведение – понятие более широкое, чем естествознание. Ведение – это не только знание, но и нечто большее: особые ощущения и предвосхищения, основанные на житейском опыте и врожденном (бессознательном, иррациональном, интуитивном) мировидении. Природоведение содержит естествознание в качестве составной части. Народные приметы о погоде и астрологическая статистика тоже относятся к природоведению, но это не естествознание. Можно сказать, что естествознание – это природоведение в “узком” (научном) смысле.

Естествознание – универсальное знание о Природе, оно внационально. Этого нельзя сказать о природоведении. Помимо научной составляющей (естествознания), оно содержит также культурологическую компоненту, которая уже имеет этническую окраску. Дух и традиции народа накладывают свой отпечаток на восприятие Природы. Поэтому природоведение – национально, или точнее, оно не исключает наличия национальных особенностей природо-видения.

Для русских Природа – святыня [1]. Мало, кто из нас об этом задумывается, но это едва ли не важнейшая черта русского менталитета. Она оформилась в дохристианские времена. В языческую эпоху русские почитали священный закон “роты”. Наши летописи и “Русская Правда” сохранили множество примеров, когда русские люди клялись “ротой”. Как убедительно доказал М.Л. Серяков [2], так они называли универсальный Космический закон, поддерживающий гармонию во Вселенной. Древние арии именовали его “rta”. Согласно выводам исследователей, в нем следует видеть универсальный принцип, частное и повсеместное проявление которого способствует сохранению определенного (соответствующего должному положению вещей) видения Вселенной и ее элементов.

Модель мира для почитавших этот закон была ориентирована на космос, а сам закон “rta”-“роты” отражал регулярный, циклический характер мировых событий, предполагающих возврат к исходной точке. По этому закону встает и заходит солнце, одно время года в установленном порядке следует за другим. Все повторяется, как было в незапамятные времена. Следуя “роте”, человек воспроизводит цикличность космических явлений в своей жизни. Тем самым, он поддерживает порядок в космосе и в человеческом обществе, создавая условия для нормального и успешного существования своего народа.

Хранителем “роты” на Руси выступал бог Род. Он играл исключительную роль в жизни древних русичей [3]. Род – первейший русский бог, творец, “родитель” Вселенной, всего видимого и невидимого мира. Это “отец и мать” всех богов, воплощение нерушимости русского племени, все многочисленные потомки которого произошли от одного общего предка. В поучениях против язычества Род выставляется главным соперником Бога-творца. Образ Рода связывался и с солнечным светом, и с дождем, и с огнем. Слово “природа” – русское по происхождению и означает бытие “при Роде”, то есть, созданная и охраняемая им данность, явь.

Православное духовенство всеми правдами и неправдами стремилось искоренить в народном сознании память о “роте”. С этой целью даже редактировались летописи, но скрыть полностью следы почитания “роты” не удалось. В каждом русском человеке продолжает жить языческое мироощущение, связанное с особым культом Рода и Природы – “супруги” (!) Рода. Почему, к примеру, русские люди так трепетно относятся к стихам Сергея Есенина? В чем заключена их “магия”? Тут присутствует загадка, которая и служит своеобразным “ключиком” для вхождения в мир русской идеи. Поэзия Есенина воскрешает “формулы” закона “роты”, это живая “вода”, возвращающая родовую память, способность думать и мыслить по-русски. Очеловеченная Природа, мир живых существ, окружающий человека, - это и есть русский взгляд на мир. Редкая наша народная песня не обращается к природным образам. Некоторые из них попросту являются душевным разговором с животным, деревом, рекой. Та же традиция наблюдается и в текстах современных эстрадных песен (“Там, где клен стоит над речной волной”, “Кто тебя выдумал, звездная страна?”, “Я мечтала о морях и кораллах” и т.д.). Попробуйте сопоставить с ними переводы текстов иностранных западных песен. Разница будет очевидной: ничего подобного там вы не обнаружите! И это не случайно. Западное мышление более “научнообразно”, оно в большей степени оторвано от Природы. И наоборот, русский ум стремится наполнить любое научное понятие живым содержанием. Русские хотят “оживить” естествознание, вдохнуть в него реальный смысл. Это желание целостного восприятия мира. Русский исследователь искренно удивляется, что данные эксперимента совпали с теорией, а западный ученый, что не совпали.

В недрах нашей отечественной культуры вызрело своеобразное направление исследований, названное русским космизмом. Это причудливая “смесь” науки, философии и даже религии. Но это и есть русское Природоведение в чистом виде. Учение космизма возникло во второй половине XIX – начале XX века. Оно отражает попытку русского образованного общества выразить древнейший закон “роты” в терминах современных науки, философии и религии. Ведь все новое, как говорится, есть хорошо забытое старое.

Выдающиеся русские космисты неизменно критиковались узкими профессионалами, олицетворявшими современную науку. Циолковского не признавали физики, Чижевского - биологи, а Гумилева - историки. Их идеи не вписывались в научную традицию, но они в наибольшей степени отражают характер русского природоведения. Русская мысль нацелена объять необъятное. Это не просто не соответствует методам построения научного знания, но прямо противоречит им. Научная модель предполагает,

насколько это возможно, максимальное упрощение природного явления. В этом смысле естествознание – “физика” мира. Природоведение же, напротив, – метафизика. Русская традиция нацеливает на постижение мировой гармонии без разрушения тайны бытия, тайны необъятного. В результате зачастую теории и гипотезы, выдвигаемые отечественными учеными и мыслителями, опираются на основания, не верифицируемые опытом, на неведомо откуда взявшуюся глубинную веру в истинность своей гипотезы или столь же сильное неверие в постулаты современной науки.

Прошло уже сто с лишним лет, как физики отказались от концепции эфира. Но ее сторонники у нас не только существуют, но и активно отстаивают свои идеи, публикуя, часто за свой счет, тоненькие и толстенные брошюры. Научными их назвать нельзя, это, как правило, наукообразная “беллетристика”. Но важно как раз другое: число эфиропоклонников не иссякает со временем. В их умах существует мощная оппозиция современным представлениям физики о структуре пространства и времени. Наличие этой оппозиции – факт, о котором следует задуматься. Он не является следствием невежества или необразованности приверженцев эфирной теории. Как раз, наоборот, это попытка корректировки научной картины мира. Эфиродинамика – это бунт против идеи пустого пространства!

Но не только. Яростными сторонниками эфира являются проповедники эзотерических доктрин. Они верят в реальность новых, еще не открытых физиками, типов взаимодействий, не сводящихся к четырем ныне известным. Биополе, торсионные поля, энерго-информационные взаимодействия – терминология современной паранауки (направления, параллельного науке, то есть не пересекающегося с ней). Однако проблемы, которые она ставит, от этого не становятся менее значимыми и важными. Это опять-таки попытки приблизиться к тайнам живой материи. Знаменательно, что в начале 90-х годов группой подмосковных ученых издавался “самиздатовский” журнал “Русская физическая мысль”, где публиковались работы, отвергнутые научными изданиями. Здесь более важно даже не его содержание и правильность опубликованных в нем идей; впечатляет название журнала.

Среди ученых сегодня популярно мнение, что теоретическая биология оформится в будущем на основе достижений нелинейной физики и химии (так называемая синергетическая парадигма). Но такого рода редукционистские проекты вдохновляют отнюдь не всех естествоиспытателей. Например, А.И. Опарин был убежден, что существует иерархия законов природы (социальные, биологические, физико-химические), и что они действуют на разных уровнях организации материи. Лорен Р. Грэхем отмечает [5]: “Антиредукционистский подход к проблемам биологии имеет глубокие корни в истории русской и советской мысли, и многие работы, посвященные проблеме происхождения жизни, питаются именно от этих корней”.

Нет нужды говорить, насколько губительной для науки была “лысенковщина”. Но взглянем на обратную сторону агробιологических споров. Лысенко утверждал, что проблемы наследственности коренятся в отношениях, складывающихся между организмом и окружающей средой. В число “питательных веществ”, потребляемых организмом, он включал при этом солнечный свет, температуру и влажность воздуха, химические элементы, содержащиеся в почве или органических кормах, различного рода газы, присутствующие в атмосфере. При всей неопределенности и надуманности эта доктрина была связана с понятными для всех природными элементами и их характеристиками. Она была притягательна для русской души, “живущей” в Природе.

Лысенко тоже следует причислить к когорте русских космистов. Лысенковцы в России имели несомненный психологический перевес над “менделистами”. Да и что в

противовес Трофиму Денисовичу могли предложить генетики? Теорию генов. Она была правильная, и, скорей всего, Сталин понимал это. Но теория генов выглядела сугубо академической и не обещала никаких практических выгод. Хотя к началу 30-х годов генетики доказали возможность влияния на ген внешними факторами, но они еще не представляли, как путем такого воздействия можно было получить желаемые результаты. И это в значительной степени предопределило их поражение.

После 1948 г. еще одна новая попытка Лысенко удержаться “наверху” была связана с осуществлением грандиозного плана посадки лесозащитных полос, выдвинутого Сталиным в целях борьбы с эрозией почв и суховеями в степных районах Советского Союза. Этот план, названный планом “преобразования природы”, был принят в октябре 1948 г. Согласно ему, в 1948-49 гг. предусматривалось посадить восемь огромных лесополос общей длиной 5320 километров и площадью 117900 гектаров. Выбранные для преобразования области были исключительно засушливыми и непригодными для выращивания деревьев. По признанию тогдашнего министра сельского хозяйства, история лесоводства еще не знала примеров посадки лесов в подобных условиях. Лысенко предложил сажать деревья гнездовым способом. Свое предложение он обосновывал тем, что в органической природе соперничество происходит только между различными видами, а не внутри самого вида. Лысенко был убежден в том, что в природе жизнедеятельность каждого индивида того или иного вида подчинена благосостоянию вида в целом. Он утверждал также, что, хотя внутривидового соревнования не существует, в природе идет интенсивный процесс борьбы между представителями различных видов одного и того же ботанического или зоологического рода. Таким образом, считал Лысенко, численное преимущество представителей одного вида помогает им одержать победу над представителями другого вида. “Эта позиция была похожа на концепцию “взаимопомощи”, разделявшуюся Кропоткиным, Чернышевским и некоторыми другими мыслителями XIX в., которые рассматривали принцип выживания наиболее приспособленных как “отвратительный” и надеялись заменить его принципом сотрудничества” [5, с.145]. Кропоткин не отрицал существования соревнования между представителями одного вида, он также признавал и правильность самого выражения “выживание наиболее приспособленных”, но считал, что “наиболее приспособленными” являются те животные, которые сотрудничают между собой. Новизна взгляда Лысенко состояла в том, что концепцию “взаимопомощи”, разработанную ранее (в противовес дарвинизму) для сообществ животных и человека, он обобщал на растения.

Идеи Лысенко прекрасно вписывались в философию космизма. Они ненаучны, но это и есть национальная особенность нашего отечественного природоведения. Драматург Сухово-Кобылин в своем философско-естественнонаучном трактате “Всемир” рассуждал о возможном в будущем “летании” человека, а Владимир Вернадский об автотрофности человека. Лысенко черпал вдохновение из того же источника идей, что и остальные космисты. Другое дело, что в его истории не обошлось без большой политики, но это, похоже, было все-таки вторично.

Целая плеяда русских мыслителей думала о победе над смертью. Николай Федоров вообще пророчествовал о воскрешении всех умерших. Здесь, думается, проявляется, в том числе, и наше национальное отношение к времени. Немцы понимают его как рубленый отрезок, для французов течёт непрерывно, безостановочно, линейно, а для русских по кругу, циклично. Воскрешение человечества, о котором мечтал Федоров, есть инициация нового цикла существования. Человек с линейным восприятием времени до такого не додумается. Солнечные периоды Чижевского, циклы этногенеза Гумилева, волны Кондратьева в экономике – это все примеры из той же серии. Бессознательное русского

человека хранит воспоминание об открытом их предками законе “роты”, утверждающем цикличность всего происходящего в Природе.

А движение по созданию новой хронологии? Это тоже наше родное, только вывернутое наизнанку. Сторонники исправления временных датировок хотят исключить цикличность исторического развития и утвердить его линейность (не было Древнего мира, античности, а вся летописная история происходила, начиная со Средневековья). На новомодную “наживку” клюнули преимущественно ученые-естественники – физики, математики и т.д. И дело не в том, что большинство из них просто плохо знает мировую историю. Их мышление в большей степени оторвано от родной “почвы”, оно научно и уже лишь в малой степени опирается на внутренние бессознательные установки (память Рода). В физике время (в соответствии с преобразованиями Галилея) течет линейно (по-западному), поэтому для представителя точных наук естественно устранить витки исторической спирали развития. И то, что вновь созданная картина истории “не лезет” ни в какие ворота, его мало волнует.

Стоит особо сказать об оригинальной концепции времени астрофизика Николая Александровича Козырева (1908-1983). Курс физики учит нас, что в нерелятивистской механике время течет одинаково в любой системе отсчета. Но в теории Козырева ход времени во вращающейся системе меняется. Опять-таки, не обсуждая содержания этой идеи ученого, отметим ключевые слова при ее формулировке - время и вращение. Отсюда можно сделать единственный вывод: у Козырева было русское восприятие времени, восходящее к древнейшим заповедям закона “рта”-“роты”.

Не секрет, что западные ученые более склонны работать в предзаданных рамках. Выйти за пределы парадигмы русскому ученому легче. Западный человек настроен оформлять и систематизировать знание, русский же искать его нестыковки с живой реальностью. Западные ученые более нас преуспели в конкретных дисциплинах, но мы сильнее в междисциплинарных исследованиях. Мы менее “ученые”, но лучше чувствуем, где наука “проскальзывает”. Мы больше, чем западные люди, думаем о слабостях и недостатках науки, а значит, более способны предугадать ее будущий путь. И это тоже важная особенность нашего национального природоведения.

Литература

- [1] Бенедиктов Н.А. Русские святыни. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1988.
- [2] Серяков М.Л. Вселенский закон. Незримая ось мироздания. М.: Изд-во Яуза, Изд-во Эксмо, 2005.
- [3] Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988.
- [4] Гачев Г.Д. Наука и национальные культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992.
- [5] Лорен Р. Грэхем. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991.

НОВАЯ ХРОНОЛОГИЯ В КНИГЕ БЫТИЯ

Из книги “Древние цивилизации Русской равнины” (М.: Алгоритм, 2012).

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет.
И снова скальд чужую песню сложит.
И как свою произнесет.

Есть в Библии свидетельства, которые не дают покоя своей заведомой нереальностью. И одно из них – это фантастическое долголетие допотопных патриархов. Они живут более девяти веков или около того, и лишь Енох выбивается из общего списка. Бог отвел ему на земле 365 года. Можно ли эти числа воспринимать всерьез?

Другое хронологическое “откровение” Библии касается времени сотворения мира. Разные религиозные направления высчитывают его по-своему. Наша Православная церковь, опираясь на византийскую традицию, называет 5508 год до н.э. Другие церкви уточняют эту дату на свой лад, но в целом остаются примерно в тех же временных рамках. С естественнонаучной точки зрения все эти даты выглядят как очевидный казус. Археологические раскопки свидетельствуют о существовании в VI-V тыс. до н.э. уже развитых цивилизаций. Если же к этому вопросу подходить в более узком смысле и говорить о времени появления первого человека или какого-либо его вида, то и здесь дату рождения Адама следует значительно удревнить. В этом смысле историки уже давно махнули рукой на древнейшую библейскую хронологию. На их взгляд, она не имеет содержательного смысла. Богословы, правда, пытаются говорить здесь о трудных вопросах Библии, но это не более, чем уловка. Налицо явное несоответствие библейских датировок реальному ходу исторических событий.

Можно, конечно же, не задумываться на этот счет и списать все на богатую фантазию создателей книги Бытия. Но мы предлагаем взглянуть на данную ситуацию по-другому. Исследователи Библии неизменно напоминают нам о священности каждой буквы в ней. Подобно всякому эпическому сочинению, все в ней имеет и смысл, и значение. И вереница чисел в книге Бытия – не исключение. Она тоже содержит какую-то важную информацию, но при ее передаче произошёл “сбой”. Древние документы редактировались, и внесенные в них правки не всегда соответствовали их изначальному смыслу. Не произошло ли то же самое и с библейскими фрагментами, посвященными хронологии патриархов и их ближайших потомков? Давайте проанализируем принцип её составления, вникнем в её внутреннюю структуру и попробуем определить, а не является ли она исправленным вариантом более древнего текста? Подчеркнем ещё раз, что у нас нет никакого желания переиначить содержательную часть Священного Писания, его канонические установки. Речь идет лишь о гипотетической возможности разрешить одну из тупиковых проблем в истолковании сведений, содержащихся в Книге Книг.

Родословные патриархов составлены единообразно. Библейский автор, начиная с Адама, придерживается все время одного и того же порядка. Назвав имя патриарха, он указывает на его возраст в момент рождения у него следующего члена генеалогии, затем определяет количество лет остальной жизни этого патриарха, подводит общий итог его долголетию и заканчивает все это упоминанием о его смерти. Приведем для примера отрывок, касающийся Адама (Бытие 5, 3-5):

“Адам жил сто тридцать [230] лет и родил [сына] по подобию своему [и] по образу своему, и нарек ему имя: Сиф. Дней Адама по рождении им Сифа было восемьсот [700] лет, и родил он сынов и дочерей. Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер”.

Не будем заостряться пока на том, что ни в 130, а тем более, и ни в 230 лет зачинать дитя у нас как-то не получается. Эти числа только добавляют недоумения. Они из той же серии,

что и общая продолжительность жизни Адама. К их объяснению мы еще вернёмся. Обратим же внимание на существование в тексте исправлений, заключенных в квадратные скобки. Они были сделаны во время перевода Библии на греческий язык (III век до н.э.).

Этот перевод именуется переводом Семидесяти, или Септуагинтой, что по-латински означает семьдесят. Основание для такого названия заключается в легенде о происхождении этого перевода. Узнав о существовании в Иудее закона Моисеева, египетский царь Птолемей Филадельф (III в. до н.э.) поручил своему придворному, еврею Аристею, организовать перевод этого закона на греческий язык. Тот, в свою очередь, отправил письмо иерусалимскому первосвященнику с просьбой о присылке переводчиков. Прибыли 72 человека – по 6 от каждого из 12 колен израильских. Их поселили на острове Фарос, где каждый в течение 72 дней осуществил свой перевод Пятикнижия (первых пяти книг Ветхого Завета, приписываемых Моисею). Цитаты из Ветхого Завета в Новом Завете чаще всего приводятся по греческому переводу, а не по древнееврейскому тексту, принятому иудеями и именуемому учеными масоретским (по названию сообщества древних еврейских библеистов-богословов, “упорядочивавших” священные для евреев рукописи). Древнейшие христианские церкви – восточные, православные, и западная, католическая, принимают Ветхий Завет по тексту Септуагинты.

Задумайтесь, дорогой читатель. При переводе с одного языка на другой можно изменять смысл фразы, дополнять ее новым содержанием. Но в тексте исправлены величины чисел. Причем, корректировки внесены таким образом, что время жизни Адама не изменилось. Но это означает, что священным (неприкосновенным!) было только это число. Оно и составляло “пласт” древнейшей информации. Возраст, в котором Адам зачал сына, к таким сведениям не принадлежал. Связанная с этим информация была вставкой в первоначальный документ, и переводчики знали об этом. Отсюда и проистекает их смелость. Какую же они преследовали цель?

Тут самое время поговорить о способе составления хронологической таблицы. Чтобы, например, узнать, какой период времени охватывает жизнь двух первых патриархов, надо к возрасту Адама, в котором он произвел Сифа, прибавить время жизни последнего. При этом длительность жизни Адама становится совершенно несущественной. При подсчете периода жизни трех патриархов выпадет и время жизни Сифа, и так далее. В результате на первый план выходят числа, обозначающие возраст, в котором патриарх рождает сына, то есть “придуманные” числа, введенные составителями книги Бытия искусственно. Числа же, обозначающие время жизни патриархов и представляющие собой первичную (важнейшую!) информацию, становятся чисто декоративными. Отталкиваясь от этого наблюдения, мы утверждаем, что составители книги Бытия намеренно изменили принцип построения древнейшей хронологии.

По нашему мнению, в качестве изначальной информации они имели только данные о времени жизни патриархов. Причем, это время, конечно же, соответствовало вовсе не продолжительности жизни какого-то отдельного патриарха. Нелепо говорить о человеке, живущем несколько веков. 930 лет род Адама возглавлял первых людей, ему на смену пришел род Сифа и так далее. При нашей интерпретации библейского летоисчисления определяющими становятся времена жизни патриархов, которые принимаются за время правления человеческим сообществом определенной династии (рода). Вместо параллельного способа построения библейской хронологии мы предлагаем последовательный. В результате она “расправляется” и обретает, как станет ясно, содержательный смысл.

Изложим нашу версию создания библейской хронологии. У её создателей имелся исходный текст примерно следующего содержания:

Род Адама – 930 лет;
Род Сифа – 912 лет;
Род Еноса – 905 лет;
Род Каинана – 910 лет;
Род Малеилила – 895 лет;
Род Иареда – 962 года;
Род Еноха – 365 лет;
Род Мафусала – 969 лет;
Род Ламеха – 777 лет;
Род Ноя – 950 лет и т.д.

Не надо быть большим математиком, чтобы сразу же увидеть, как удревняется эра Адама, время сотворения мира. Ной приплыл с севера с какой еще стороны можно было причалить к горе Арарат? Но это значит, что все библейские патриархи до Ноя, начиная с Адама, проживали к северу от Кавказского хребта. Чтобы “перенести” центр мира, райский сад в Междуречье, создатели Книги Бытия решили “отрезать” период северной истории человечества, сократив хронологию.

В ее новой схеме название целого рода теперь присваивалось одному человеку, а в систему летоисчисления вводился возраст, когда данный патриарх родил своего наследника. Последовательная схема летоисчисления родов превращалась в параллельную схему наследования патриархов, и время сотворения мира, тем самым, сокращалось. При этом, однако, в тексте появились весьма странные для здравомыслящего человека утверждения. Патриархи зачинали первенцев и в 130, и в 187, и даже в 500 лет, как Ной, а жили, чуть ли не тысячелетие. Может быть, сочинителями и это тоже учитывалось: фантастические детали снижали интерес к действительной хронологии. Читатели в своем большинстве не придавали содержащимся там числовым указателям никакого значения. А для сомневающихся Любомудров современная Толковая Библия специально разъясняет: “В Библии нет полной и точной хронологии, а имеющаяся – довольно условна и относительна, и, по крайней мере, в некоторых своих отделах, по всей вероятности, внесена в нее позднее”.

Но для переводчиков Библии на греческий язык вопрос датировок был очень даже принципиален. При изложении родословной от Адама до Авраама они внесли 25 хронологических исправлений. Главным образом, увеличивался возраст патриархов, в котором они родили сына. Переводчики не меняли текст, но своими правками в числах удревняли библейскую историю мира (увеличивали дату сотворения мира). В итоге у иудеев и, например, у православных она не совпадает. Но отличие в числах не очень существенно. Эффект “греческой” корректировки носит лакировочный характер. Переводчики Библии не восстановили правильное летоисчисление, но своими действиями они как бы подсказали нам, что древнейшая библейская хронология несёт в себе глубокий содержательный смысл и к ней надо присмотреться внимательнее.

Мы предлагаем принять вариант последовательной схемы. Для всех лиц от Адама до Авраама считается, что их время жизни – это период существования правящего рода, олицетворением которого они являются. Для подсчета периода, прошедшего от Адама до соответствующего патриарха, надо просто сложить время жизни всех патриархов, которые жили до него. В качестве истинных дат их земного существования, естественно, примем данные еврейской (изначальной) Библии.

Посмотрим на хронологическую схему книги Бытия взглядом беспристрастного историка. Она представляет строго датированную генеалогию по мужской линии от Адама до прихода Авраама в Ханаан (Палестину). Согласно изначальной (еврейской) Библии этот период составляет 11581 год. Оценив время появления Авраама в стране обетованной, мы можем найти абсолютные даты жизни библейских патриархов и всех потомков Сима, вплоть до Авраама.

Евреи не были коренными жителями Палестины. До прихода туда они проживали в Месопотамии. Традиционно начальную волну еврейского переселения относят к XVIII в. до н.э., но при этом родословная, собственно, еврейских патриархов, которую дает Библия, по временным рамкам своего существования не вписывается в общую канву мировой истории. Специалистам эта проблема известна как «400-летний провал в хронологии избранного народа».

Иную версию еврейского этногенеза сформулировал историк А.А. Немировский. Одно из ключевых его положений состоит в том, что следует, безусловно, довериться Библии в той ее части, где прослеживаются «привязки» к реальным историческим событиям. Или, по-другому, к тем утверждениям, которые однозначно характеризуют ту или иную историческую эпоху. Забвение архаической племенной общностью собственного прошлого трех-, четырехсотлетней давности с подменой его новой искусственной компилятивной версией А.А. Немировский считает «совершенно невозможным». Этому противоречат, в первую очередь, архаическое отношение к предкам и элементарный здравый смысл. «Таким образом, - заключает исследователь, - нам представляется целесообразным относиться к ядру традиции – то есть к ее исходным сюжетам, очищенным от фольклорных деталей позднейших наслоений и связей, - с предварительным доверием». В сущности, А.А. Немировский предлагает с предельным уважением отнестись к поколениям хранителей той части исторической традиции, которая была облечена в форму мифов, сказок и народных преданий. Это совершенно естественная мысль живет внутри любого человека. Другое дело, что профессиональные историки противопоставляют свидетельства мифов информации, почерпнутой непосредственно из источников, и придают им, как правило, более низкий статус. А.А. Немировский же, напротив, утверждает, что «мы вправе не просто использовать традицию при исторической реконструкции, но и считать ее приоритетным источником».

Для большинства современных ученых эта мысль покажется новой. Но об этом давным-давно уже писал наш выдающийся соотечественник – Алексей Степанович Хомяков – в своем историческом сочинении «Семирамида»: «Повторяю еще: важнее всяких материальных признаков, всякого политического устройства, всяких отношений граждан между собой, предания и поверья самого народа». Воссозданная на сегодняшний день история Древней Греции опирается в значительной степени на мифологическое наследие греков. Только благодаря безусловному доверию к поэмам Гомера, Шлиман открыл Трою. Соединение знаний, донесенных до нас древней народной традицией, с достижениями исторической науки – одно из перспективнейших направлений изучения прошлого. Писатель В.И. Щербаков даже дал ему название – метаистория, то есть то, что лежит за пределами собственно исторического знания (данных источников, документов и т.д.). В России такого рода исследования проводятся, главным образом, непрофессиональными историками. Поэтому знаменательно, что А.А. Немировский выполнил свое исследование в рамках кандидатской диссертации, результаты которой приняты научным сообществом. Что ж, как говорится, «лёд тронулся»...

Древние евреи выделились из племенной общности сугиев. Сугийские племена, засвидетельствованные в XII в. до н.э. в Заиорданье, обозначались как «ибри». Это

буквально значит “перешедший (через реку)” (под рекой понимается, конечно, не Иордан, которого они тогда не переходили, а Евфрат), т.е., по существу, “пришедшие из Месопотамии”. Но понятие “ибри” здесь отнюдь не равнозначно еврейскому народу позднейших времен (древнееврейское “ибри”, современное “иври”) – под этим обозначением имеются в виду все потомки легендарного патриарха Авраама.

За действительную точку отсчета еврейской этноистории А.А. Немировский принимает “переход” (древнееврейское “эбер”) через Евфрат, при этом он признает патриархов Авраама Исаака и Иакова историческими личностями, связанными с общностью “ибри” (“перешедших”). Переселение же этой общности к западу увязывается с крупномасштабной кампанией касситского царя Вавилона Кадашман-Харбе I по изгнанию за пределы Месопотамии всех сугиев. Кампания эта датирована началом XIV в. до н.э. Таким образом, А.А. Немировский предлагает “сместить” эпоху патриархов на четыре века ближе к нашему времени. В качестве важнейшего обоснования своей точки зрения он выдвигает свидетельство Библии о том, что, придя в Ханаан, Авраам вступил в контакт с народом хеттов, которые укрепились здесь только во второй половине XIV в. до н.э.

Итак, у нас появилась твердая дата появления исторического Авраама в Палестине – около 1350 г. до н.э. Прибавив к нему вычисленное ранее время жизни предшествовавших ему библейских патриархов - 11581 год, - получаем 12 931 год до н.э. Это приблизительное время начала библейской истории, время Адама и Евы, действительное время “сотворения мира”. Соответственно с каждым из патриархов можно соотнести определенный исторический период или эру. Округляя даты, их последовательность можно представить следующим образом:

Эра Адама: 13 тыс. лет до н.э.;
Эра Сифа: 12-11,1 тыс. лет до н.э.;
Эра Еноса: 11,1-10,2 тыс. лет до н.э.;
Эра Каинана: 10,2-9,3 тыс. до н.э.;
Эра Малелеила: 9,3-8,4 тыс. до н.э.;
Эра Иареда: 8,4-7,4 тыс. лет до н.э.;
Эра Еноха: 7,4-7 тыс. до н.э.;
Эра Мафусала: 7 тыс. до н.э.;
Эра Ламеха: 6-5,2 тыс. лет до н.э.;
Эра Ноя: 5,2-4,2 тыс. лет до н.э.

Эта таблица представляет хронологию правящих родов северной цивилизации, и потому уже имеет исторический смысл. Стоит воздать должное хранителям библейской традиции, которые были полны уважения к священным числам, обозначающим время жизни патриархов. Многие века богословы пытались обосновывать их на потеху атеистам. Но теперь это можно не делать. Объясняя и логически обосновывая появление трудных мест в Библии, мы снимаем с души всех почитающих Книгу Книг тяжелый камень. Правда, при этом следует отказаться от одного, навязанного всем нам стереотипа, будто вся библейская история разворачивалась исключительно в Месопотамии и на Ближнем Востоке.

Вполне понятно, что читатель ждет дополнительных доказательств в правильности введенной нами хронологии. В связи с этим обратим внимание, что эра Ноя (5,2-4,2 тыс. до н.э.) – первого библейского патриарха, появившегося в Передней Азии, накладывается на время зарождения цивилизации Шумера (древнейшей из всех “южных”). Это указывает

на согласованность библейской картины развития человеческой цивилизации и нашей хронологии с реальной историей.

С другой стороны, дата сотворения мира, которую предлагает параллельная хронология, приблизительно тоже соответствует эре Ноя. Что же получается? Составители Книги Бытия сокращали время существования от Адама таким образом, чтобы исходная точка человеческой истории совпала с датой возникновения древнейших государств в Месопотамии. Причины редакционной правки, таким образом, обнажаются совершенно явным образом. Жрецам был дан политический заказ “сверху”, и они остроумно исполняли, не потревожив ключевые даты “южной” истории человечества.

Всякая историческая эпоха становится на порядок ясней и содержательней, когда обретает временные вехи. Последовательная хронология определяет их и вместе с тем открывает новые горизонты в исследовании истории северной цивилизации. Библия обозначает 13-е тысячелетие до н.э., как эпоху первых людей на Земле. Чем же знаменательно это время?

Будем в своем интересе последовательны. Заявляя книгу Бытия в качестве реального исторического источника, мы вправе надеяться, что все ответы заложены в ней, надо лишь всерьез отнестись ко всякого рода непонятной, на первый взгляд, информации. Так, к числу одного из трудных мест относится история создания человека. И главным вопросом здесь выступает, казалось бы, совсем несуразная подробность, присутствующая в тексте: Господь Бог создает человека дважды. Первый акт совершенно естественно вписывается в общую схему творения мира: “И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их” (Бытие 1, 26-27). Но вот дальше, когда рассказывается об Эдеме, в текст включено крайне любопытное дополнение: “И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою” (Бытие 2, 7). Библия говорит о важнейшей метаморфозе, произошедшей с человеком в раю: он обретает бессмертную душу.

Пытаясь внести в символический текст Книги Бытия свое рациональное толкование, мы, разумеется, будем оставаться в области догадок. Но представляется разумным предположить, что, коль в научном контексте вопросами души занимается психология, то перемены в человеке коснулись именно его психологической “составляющей”.

Современная антропология в значительной степени изменила ранние представления о самих кроманьонцах, т.е. об ископаемых неантропах начальной поры верхнего палеолита, которые оказались не тождественными позднейшим неантропам. Кроманьонцы – не то, что о них обычно воображали. Было общепринято, что кроманьонцы – это мы сами. Детальное исследование черепов обнаружило эту ошибку. Так, черепа группы ископаемых неантропов (*Homo sapiens fossilis*) серьезно отличаются – по крайней мере, в некотором проценте экземпляров и тем самым в среднем – от величин типичных и устойчивых для ныне живущих неантропов, т.е. людей современного типа. Мало того, выяснилось, что это отклонение характеризует людей первой половины верхнего палеолита (в частности, представителей ориньякской культуры). Такие верхнепалеолитические индивиды, как Кро-Маньон III, Маркина Гора, оказались по макроморфологии головного мозга, вообще ближе к палеоантропам, чем к неантропам.

В книге Б.Ф. Поршнева “О начале человеческой истории” приводятся таблица (составленная на основе исследований В.И. Кочетковой) изменения длины определенных

участков черепа для различных представителей рода *Homo*. Некоторые показатели, нарастающие по всей цепи от шимпанзе к австралопитекам и далее, достигают своего максимума именно в среде ископаемых неантропов, после чего кривая падает. Другие показатели, наоборот, достигают пика накануне появления этой группы, т.е. у палеоантропов, а с ископаемых неантропов уже начинается нисходящая линия, характерная для неантропов вообще по сравнению с ростом соответствующей кривой у архантропов. Б.Ф. Поршневу подчеркивает, что вся группа ископаемых неантропов представлена сравнительно немногочисленными находками. Но предлагает видеть в этом начальный шаг на пути становления современного человека. Ученый связывает этот процесс с формированием у человека второй сигнальной системы, попросту говоря, речи и абстрактного мышления.

“Развитие второй сигнальной системы у людей ни в коем случае не было следствием разрастания общего объема головного мозга по сравнению с объемом (весом) тела и прямо никак не связано с этим процессом энцефализации (церебрализации) в филогении троглодитид (человекообразных приматов и архантропов – А.А.). Во-первых, в биологической эволюции вообще налицо тенденция увеличения мозга (независимо от размеров тела), и по этому показателю прямоходящие высшие приматы, включая человека, вовсе не оказываются специфичными: степень энцефализации увеличивается у всех ископаемых млекопитающих. По степени развития неокортекса (“новой коры”), т.е. по степени “неоэнцефализации”, можно выделить весь отряд приматов из общей родословной млекопитающих, но невозможно отдифференцировать собственно человеческую линию. Во-вторых, разрастание объема головного мозга в эволюции семейства троглодитид было прямым морфологическим следствием прямохождения и прямым биохимическим следствием плотоядения, т.е. повышенного усвоения протеина; эти два фактора влекли за собой широкий размах индивидуальных вариаций объема мозга, иначе говоря, делали структурно и гистологически возможными колебания в сторону повышенной массы мозга, а естественный отбор закреплял эти отклонения, несомненно, потому, что они были биологически выгодны. По Боне, это разрастание мозга происходило в том же темпе, как и другие морфологические показатели в плейстоцене (ледниковье – А.А.). Но у *Homo sapiens* средний размер и вес головного мозга не возрастал и не возрастает сравнительно с поздними. При этом размах индивидуальных вариаций данного признака у *Homo sapiens* весьма увеличился сравнительно с палеоантропами, нередко встречается объем мозга, значительно превышающий среднюю величину, но ничто не закрепляет этих отклонений: они биологически нейтральны и средняя величина остается неизменной для черепов любого времени с верхнего палеолита до наших дней. Между тем, речевая функция мозга в корне отличает неантропа от палеоантропа” (Б.Ф. Поршневу). Социальность и разум человека никак прямо не связаны с общей величиной его головного мозга. Зато корреляция начинает проступать, когда измерению подвергаются по отдельности длиннотный, широтный и высотный диаметры роста головного мозга в филогенетической цепи: шимпанзе – австралопитек – археантроп – палеоантроп – неантроп. До неантропов наиболее интенсивно увеличивался тотальный длиннотный размер (за счет роста задних областей). Напротив, только мозг неантропов дает интенсивный сдвиг высотного диаметра. В лобной и теменной долях эпицентры роста перемещаются из нижних отделов в верхние, происходит усиленный рост префронтальной области, а также поднятие и выравнивание поверхности мозга в его своде.

Итак, палеоантропологи четко фиксируют момент возникновения человека современного типа и определяют его временем 15 тысяч лет назад, то есть XIII-м тыс. до

н.э. Точь-в-точь как наша, последовательная хронология Книги Бытия! Такого рода совпадения не могут не впечатлять...

И в заключение главы несколько замечаний относительно использованного в названии статьи словосочетания “новая хронология”. Среди нашей интеллигенции в последние два-три десятилетия сложилось модное поветрие к радикальному пересмотру датировок событий мировой истории. Основывается оно, главным образом, на идеях народовольца Н.А. Морозова и многочисленных трудах академика А.Т. Фоменко и его последователей. Свое движение по ревизии исторической картины прошлого человечества они так и назвали - “Новая хронология”. Вполне возможно, что кто-то из читателей по наивности или от излишнего желания, не мудрствуя лукаво, поспешит записать нас в сторонников Фоменко и К^Л. На сей счет поспешим предупредить их, что делать этого ни в коем случае не следует.

Наши корректировки касаются лишь библейских датировок, относящихся ко времени жизни патриархов “доеврейской” поры (то есть до Авраама). Мы, безусловно, принимаем традиционную хронологию исторических событий. Если участники проекта “Новая хронология” стремятся укоротить известную нам историю, найти параллельные ее фрагменты, то мы, наоборот, удлиняем библейскую историю: эпохи деятельности разных патриархов не накладываются друг на друга, а следуют одна за другой.

И последнее отличие. Мы предельно четко формулируем причину хронологических правок, сделанных месопотамскими жрецами, – предать забвению Великую северную цивилизацию.

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЁЛ РУССКИЙ ДУХ?

Литературная Россия, 2014. №№ 24, 25

“Есть две России: одна – Россия видимостей, громада внешних форм с правильными очертаниями, ласкающими глаз; с событиями, определённо начавшимися, определительно оканчивающимися, - “Империя”, историю которой “изображал” Карамзин, “разрабатывал” Соловьёв, законы которой кодифицировал Сперанский. И есть другая – “Святая Русь”, “Матушка-Русь”, которой законов никто не знает, с неясными формами, неопределёнными течениями, конец которых непредвидим, начало безвестно: Россия существенностей, живой крови, непечатой веры, где каждый факт держится не искусственным сцеплением с другим, но силой собственного бытия, в него вложенного”.

В.В. Розанов

Вторая половина марта 2014 года. Крым вновь стал частью России. Событие глобального масштаба, крупнейшая геополитическая победа России после развала Советского Союза. Душа ликует! Через какие только унижения не прошли русские, когда всё в родной стране перевернулось с ног на голову, когда бывшие союзные республики обрели независимый голос и в большинстве своём ударились в оголтелую русофобию. Казалось бы, народ наш на исходе XX века вконец истратил свою энергетику, истощил силы в революциях и войнах, “сгорел” заживо, и верить в возрождение русского национального начала, русского духа может только неисправимый романтик. Но “невозможное” свершилось.

Главной причиной, всколыхнувшей русское национальное море, стал шовинистический смерч, налетевший с Киева. Одно дело – продажная политика властей, материальные трудности, но когда миллионам людей объявили, что их родной язык отныне перестаёт быть государственным, они восстали. Самое удивительное, что этот всплеск гражданской активности не готовился российской стороной, а был спровоцирован киевскими политиками и их бандеровской гвардией. Неожиданно в русских высветилось что-то глубинное, таившееся до поры, до времени в тайниках сознания и вспыхнувшее спонтанно сразу в миллионах душ.

В ситуации с Крымом и на юго-востоке Украины мир воочию увидел пробуждение русского духа. Это грандиозное явление не смогли просчитать американские и западные спецслужбы. Это сродни чуду или, по крайней мере, череде чудесных “случайностей”, хранящих Россию. Люди верующие увидят в этом Божье покровительство и спасительный покров Богородицы, распростёртый над нашей Родиной, а мистики обязательно вспомнят знаменитое тютчевское четверостишие “Умом Россию не объять”. Но мы всё-таки попробуем абстрагироваться от лирических формулировок и попытаемся вьявь разгадать тайну русского мирозерцания и дать рациональное объяснение феномену русскости.

Русские древнее славян

Для начала сдуем пену скепсиса с высказываний разного рода ёрников, отрицающих саму возможность такого исследования. Словосочетания “русский дух”, “русская душа” – устойчивые обороты нашей речи. Они возникли и прочно укоренились в нашем национальном сознании. Ни у одного другого народа подобных выражений нет. В философии используются термины “душа нации” или “национальный дух”, но они равно применимы к любому народу, и сами по себе не несут никакой этнической окраски. С русскими это правило даёт сбой. Особо подчеркнём, что нет также и отдельных понятий - “славянская душа”, “славянский дух”. Любопытно, не правда ли? Выходит, что русские выделяются особенными духовными свойствами, в том числе, и внутри славянского братства.

Все (или почти все) известные нам “схемы” развития мировой истории рассматривают русских как часть общеславянской общности. При этом совершенно игнорируется, что русские и славяне в геополитическом аспекте по-разному смотрят на мир. Различие славянского и русского мировоззрений принципиально. Про это прекрасно написал Константин Леонтьев в работе “Панславизм и греки”:

“Россия знает, что, кроме чехов, болгар и т.д., есть еще *румыны, мадьяры и греки*: она знает, что две первые не соплеменные ей нации самую природой вещей *вставлены*, так сказать, в славянскую оправу, принуждены быть инородными островами в этом славянском море... У России будут всегда какие-нибудь частные несогласия с западно- или юго-западным славянским миром... Особенности их (славянской – А.А.) истории сделали для них магическим слово “свобода”... При образовании того оборонительного *союза государств* (т.е. *всеславянского – А.А.*)... непременно выработается у юго-западных славян такая мысль, что крайнее государственное *всеславянство* может быть куплено только ослаблением *русского единого государства*, причем племена, более нас молодые, должны занять первенствующее место не только благодаря своей молодой нетерпимости, своей подавленной жажде жить и властвовать, но и необычайно могучему положению своему между Адриатикой, устьями Дуная и Босфором. Образование *одного сплошного и всеславянского государства* было бы началом падения Царства Русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России. “Русское море” иссякло бы от

слияния в нем “славянских ручьев” (А.С. Пушкин)... Повторяю вам. Россия не была и не будет чисто славянской державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для её всемирного духа... Россия, при сношениях с этой восточной федерацией независимых государств, неизбежно будет во многом больше сходиться с инородными племенами этого союза, с румынами, греками, даже и мадьярами, чем с юго-западными славянами. Россия будет естественным защитником этих слабейших и отчасти старейших наций против весьма возможных посягательств со стороны славян юго-западных, жадных, упорных и властолюбивых, как все долго, но неискусно подавленные молодые и грубые народности”.

Русские никогда не объединяются по “принципу крови”. Единое славянское государство во главе с Россией, за которое некогда ратовали панслависты, было чистой утопией. Но Леонтьев также прекрасно понимал, что оно невозможно ещё и потому, что внутренняя природа славянства лишена ощущения наднационального (всемирного) духа. Это признак молодых народов, и его со всей очевидностью демонстрирует нам современная Украина, где “жадные, властолюбивые, упорные” славяне объявили своего старшего брата врагом номер один.

Русские стремятся к сплочению с самыми разными народами, созданию “империи”, славяне, наоборот, всегда толкуют о своем обособлении, собственном национальном интересе, они “республиканцы”. Достаточно напомнить, что новгородцы-словене не смогли ужиться с чудью, мерей и весью и призвали русов во главе с Рюриком, чтобы те “управляли ими по праву”. Новгородцы не оставляли попыток отделиться от Руси, пока Иван Грозный не расселил их на просторах Московского царства. Ещё более яркий пример славянского сепаратизма дают Украина и Польша. Из всех южнославянских народов только сербы готовы строить общеславянское государство. Но, удивительное дело, оказывается, что “римляне называли сербов рессияне, некоторые называют их руссы, сами они зовут себя рессане и рашане; у них есть город Раса; жупан сербский носил титул Расский. Иллирийские сербы даже и вышли из Галицкой или Чарвонной Руси. Одноплеменность сербов с руссами свидетельствуется и тем, что сербский язык ближе всех к древнему русскому” (Классен Е.). Но отсюда вытекает, что именно русские хранят память о былом единстве славян.

Русские – древнейшая “ветвь” славянского древа. Формулируя эту мысль, мы ни в какой степени не хотим умалить роль и значение других славянских племён, мы попросту, вслед за Константином Леонтьевым, отмечаем важнейшую особенность русских – сплачивать вокруг себя другие народы. Это реликтовая черта нашего национального характера, а не вновь приобретённое качество. Нет в мире народа, в большей степени интернационального, чем русские, и это опять-таки доказывает очень древние корни нашего национального духа.

Академические историки ведут историю русского народа от князя Рюрика (X век) и отказываются признавать его более глубокую древность. Согласно их постулатам, русский народ сформировался из тех славянских племён, которые в V-VI веках переселились в Волго-Окское междуречье с берегов Дуная. Другими словами, учёные утверждают, что русские не являются коренными обитателями Русской равнины. Нас записали в пришельцев, “юных” переселенцев, перебравшихся на земли, освоенные к тому времени угро-финскими племенами (теми же мордвой и чувашами). В связи с такого рода взглядами Андрей Битов в “Уроках Армении” приводит слова живописца Сарьяна: “Я понимаю, откуда армяне, понимаю, откуда евреи. Но откуда русские?”

Придётся объясниться. Славянские племена пришли на Русскую равнину после развала Римской империи. В то время здесь уже были русские. Причерноморские русы в IV-VII вв. были прекрасно известны византийцам, а на берегах Дона и Северного Донца в

VIII-IX вв. существовало целое государство русов – Русский каганат. Славяне расселялись на землях, уже обжитых и обустроенных к тому времени русскими. Русские приняли их в свой дом, правда, не на первых ролях. В “Русской Правде” (своде законов Ярослава Мудрого), в первой статье сказано:

“Аще не будет кто мстят, то 80 гривен за голову, аще будет русин, любо гридень, любо купчина, любо ябетник, любо мечник; аще изгой будет, любо словенин, то 40 гривен положить за нь”.

Как видно, русин и славянин в XI веке ещё не были уравнины в правах, статус первого был выше, и понятно почему: русин был здесь коренной житель, а славянин – пришлый. Статус славянина приравнивался к статусу изгоя! Покидая берега Дуная, славяне возвращались на свою прародину, к тем своим русским братьям, которые никогда её не покидали. Неожиданно? Не спорим, но зато теперь всё становится на свои места: прародина русского народа находится на территории России, точно так же, как родина армян – Армянское нагорье, а родина евреев - Месопотамия.

Ещё в VI-V тыс. до н.э. предки русских и славян входили в единую общность европейских народов. Местом её сосредоточения выступали южные и центральные области Русской равнины. В западную Европу предки славян (праславяне) пришли позднее. Правильнее было бы называть славян западными русами, поскольку именно славяне “отпочковывались” от единой общности, местом проживания которой была Восточная Европа. Племена, остававшиеся на землях прародины, продолжали беречь традиции этнической общности (интернационализма). Они и составили в будущем ядро русского народа.

Для армянина Сарьяна не было секретом то, что, к примеру, в Урарту - “предтече” современного Армянского государства, - правили цари Руса I, Руса II и Руса III, а в Библии упоминается грозный северный “народ Рош”, хозяйничавший в Малой Азии. И поскольку было всё это за полторы с лишним тысячи лет до образования Киевской Руси, когда славяне ещё не вышли на историческую сцену, то у Сарьяна естественно возникал вопрос: “Откуда же тогда русские?” Ведь записывая русских в славян, учёные “отрезают” у них огромный пласт древнейшей истории, происходивший на территории Восточной Европы и Азии.

При этом учёные не в состоянии объяснить, отчего в русском народе так неистребимо интернациональное начало. Почему оно распространяется не только на славянские, но и на все другие народы? Наверняка, многие подумают здесь о великом значении Православия и сошествии Святого Духа на Русскую землю. Так, к примеру, объясняли русский дух славянофилы. Но суть ответа не в этом. Православных народов много, но по способности сплачивать вокруг себя самых разных людей ни один из них не сравнится с русскими. Да и веру христианскую наш народ обрёл достаточно поздно, чуть больше тысячи лет назад. Интернациональное видение, наш народный дух – явление более древнее, глубинное. С незапамятных пор он витает над пушкинским Лукоморьем, “где чудеса, где леший бродит”, и это, безусловно, наследие языческих тысячелетий.

Урок Аристарха Самосского

Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт. Люди издревле знали, что имя непостижимым образом может влиять на сознание человека, его характер и привычки. Есть все основания предполагать, что это наблюдение останется справедливым и применительно к названиям народов. Во всяком случае, исследователи, объясняющие имена народов, неизменно соотносят их с отличительными свойствами этих племён.

Каково же тогда значение слова “русский”? Начнём с версии, предлагаемой нашими академическими филологами. Они обращают внимание, что само это слово является прилагательным, и потому в своём первоначальном значении имело смысл “те, кто относится к Руси”. Следуя этой логике, вопрос о нашем национальном имени сводится к прояснению термина “Русь” (роль суффикса “ск” игнорируется), которое объявляется производным от финского слова “ruotsy” – “гребцы”. Именно этим именем финские племена обозначали выходцев из Скандинавии, из той её области, которая впоследствии стала Швецией. Вот такая гипотеза была высказана в 1876 году А. Куником и в настоящее время признана академической общественностью самой аргументированной точкой зрения.

Подчеркнём сразу же, что эта теория выставляет русских полными идиотами, воспринявшими в качестве своего родового имени прозвище, данное им другим народом. Причём, сделали они это так неуклюже, что потеряли сразу две буквы “о” и “т”. Добавим к этому, что русские – единственный народ, чьё имя служит прилагательным, и этот факт также ставится нам в укор – мол, нашли причину выделиться, да ещё придумали для этого свой суффикс, которого нет в других языках. В общем, академическая версия насквозь пропитана русофобией, только такой прилизанной, залакированной, что вроде бы всё по науке и ни к чему не придерёшься. Но это, разумеется, не так.

Начнём с того, что в качестве “матрицы” нашего родового имени выбран финский язык. На этот счёт уместно вспомнить урок Аристарха Самосского (II в. до н.э.), преподанный им научному сообществу. Осознав, что по своим масштабам Солнце гораздо больше Земли, он заявил, что именно наша планета должна вращаться вокруг него, а не наоборот. Современники учёного отвергли его рассуждения, но сегодня самое время вспомнить об их заблуждении. Зачем объяснять слово, исходя из финского языка, если русские принадлежат к другой, причём, более широко распространённой языковой семье народов? Это не только непонятно с методической точки зрения и бездарно в профессиональном отношении, но ещё и унижительно в чисто человеческом аспекте. Ну, на кой ляд, скажите, пожалуйста, надо было русским приватизировать косноязычное, совершенно неблагозвучное для русского уха финское словцо?

Гораздо верней считать, что когда древние русы-корабелы приплыли в страну финнов, те стали сопоставлять их родовое имя с понятием “гребцы”. Тогда становится понятным, почему исказился изначальный корень “рус” при заимствовании. Более простая форма слова является и более древней. На факт иностранного происхождения слова “руотси” указывает также и то, что финский язык никак не объясняет значение его корня. Налицо надуманная гипотеза, явная подтасовка, и это ясно каждому здравомыслящему человеку, способному высказывать и отстаивать независимое мнение. Что же говорить о профессионалах-филологах? Естественно, они всё прекрасно понимают, но молчат. Причины у всех разные и большей частью прозаические, но можно совершенно определённо говорить об академическом заговоре молчания...

Суть его – поддерживать идею об относительной молодости русского народа и русского языка. Это одна из основополагающих парадигм в современных гуманитарных исследованиях. Самое удивительное (и страшное), что эту идею иногда поддерживают и отстаивают даже те, кого общественная традиция причисляет к числу избранных русских патриотов, чей голос слушает нация. К их числу относятся, например, академик Д.С. Лихачёв, Л.Н. Гумилёв и В.В. Кожин. Все они с тем или иным перепевом поддерживали норманнскую теорию, но пример последнего учёного наиболее показателен, поскольку он не только считается одним из наиболее выдающихся представителей русской духовной элиты конца XX века, но и неоднократно публично причислял себя к числу русофилов.

Комментируя куниковскую гипотезу, В.В. Кожин в книге “История Руси и русского слова” пишет:

“Эта история названия “Русь” – ещё один повод для резких возражений заострённо патриотически настроённых публицистов и историков, усматривающих в таком объяснении истоков имени “Русь” некое беспрецедентное “принижение” своего славянского народа. Между тем перед нами довольно “типичная” история названия народа и страны. Так, тот *романский* народ, который ныне все знают под именем французов, получил сие название от *германского* племени *франков*, завоевавшего этот народ в конце V-VI века и взявшего в свои руки всю власть в стране, а в конце концов ассимилированного преобладающим романским населением. Не исключено, что те или иные французы сокрушались по поводу того, что они и их страна называются по имени чуждых и поработивших коренное население завоевателей. Но совершенно ясно, что у нас, русских, гораздо меньше оснований сокрушаться, нежели у французов. Ибо если имя “Франция” действительно произошло от названия чужого племени, то история названия “Русь” имеет совсем иной характер.

<...> Имя “Русь” происходит вовсе не от имени чужого – шведского – племени, а от названия двигающейся по воде дружины. В финский язык “tuotsy” вошло в древнейшие времена как название шведов, но нет сведений о том, что оно имело подобное значение в языке *славянских* племён.

В представлениях тех историков, которые склонны полагать, что словом “русь” вначале назывались шведы (свеи, свеоны – А.А.), считаются очень важными сведения так называемых “Бертинских анналов”, где сообщено, что в 839 году к германскому императору прибыли люди, “которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос... Тщательно расследовав... император узнал, что они принадлежат к народности шведской”.

<...> Находившиеся среди восточных славян шведы уже в 830-х годах считали себя принадлежащими к “народу Рос”, а не шведами. И в последнее время достаточно прочно утвердилось представление, согласно которому “русью” в восточнославянских землях первоначально называлась определённая часть их населения, а именно та часть, которая сыграла основную роль в создании и развитии государственности. В эту часть входили люди, принадлежавшие к различным племенам (в том числе, без сомнения, и шведским), но осознававшим себя единой силой, даже как бы единым “народом”.

Средневековые русы (росы) не являются славянами. Этот вердикт современных учёных мы, безусловно, разделяем, и подробно обосновали это в предыдущем разделе. Но считать русов частью шведов, как это делает Кожин, никак не можем. В самом деле, как свидетельствуют источники, “народ Рос” проживал в то время не только на Балтике, но и в Причерноморье, и на Дону. Неужели, это тоже были шведы? Для объяснения сведений, приводящихся в “Бертинских анналах” уместно ещё раз вспомнить урок Аристарха Самосского. Всё ж таки русский народ и многочисленнее, да и распространённее шведского. Группа русов в своё время пришла в Скандинавию, обжила там свой “кусочек” территории, которую называла Русью. Впоследствии, смешавшись с другими племенами, они стали называть себя свеями, свеонами или по-современному шведами. Ведь послы, прибывшие к германскому императору, ясно сказали ему, что принадлежат к народу Рос. Подозрительность императора, затеявшего расследование, опять-таки понятна и легко объяснима. Он прекрасно знал, что росы проживали не только на Балтике, но и на Русской равнине. После изучения вопроса он твёрдо установил, что это балтийские росы или по-другому свеи-шведы. Вот и вся “головоломка”! Чуть позже, когда мы предложим своё объяснение названиям русов и свеев, станет очевидно, почему они у какой-то части русов-

шведов стали синонимами, а потом второе из них вытеснило первое. Русы древнее шведов

В.В. Кожин, вслед за коллегами-филологами, отказывается видеть в именах “рос”, “русский” – родные по происхождению слова, не признаёт в них самоназвания народа. Это прискорбнейший момент, свойственный нашей академической элите, начиная с ломоносовских времён. Профессиональные учёные отказываются признавать за словом “Русь” сакральной по силе своего воздействия силы, которая может произрасти только на собственной языковой почве. Учёные, пропагандирующую норманнскую теорию А. Куника, неявно утверждают, что средневековые русы находились под влиянием более культурных финнов. Но всё было как раз наоборот, и карело-финский эпос “Калевала” – ярчайшее тому свидетельство.

Главный герой “Калевалы” – Вяйнемейнен или по-нашему Ваня-муж. Его страна Вяйнемейнена называется Вяйнела, почти так же, как финны именуют Россию - “Венайя”. Вяйнемейнен – прародитель людей Лапландии (северного края, включающего часть Кольского полуострова и север Финляндии, Швеции и Норвегии). Согласно текстам рун, Лапландия ещё называлась Рутья, то есть Русь (в финском произношении “т” замещает “с”, как и в случае с “руотси”). Но еще более впечатляет то, что в западно-финских (“балтийско-финских”) языках та страна, которую русские называют Швецией, зовётся Руссией. Это указывает на то, что значительная колония русских Иванов издревле уже проживала там.

Когда один из более юных богатырей Еукахайнен – “тощий молодой лапландец”, “юноша дрянной лапландский” - попробовал оспорить право старшинства у Вяйнемейнена, тот ему резко возразил:

Лжёшь ты выше всякой меры!
Никогда при том ты не был,
Как пахали волны моря,
Как выкапывали глуби
И как рыбам ямы рыли,
Дно у моря опускали,
Простирали вширь озера,
Выдвигали горы кверху
И накидывали скалы.

Вяйнемейнен – создатель мира, он “построил свод небесный”, “вширь Медведицу раздвинул и рассыпал звёзды в небе”, и никаких еукахайненов во времена творения в Лапландии он не видел. Вяйнемейнен, тем самым, олицетворяет русских первопоселенцев в этих краях. Еукахайнен же представляет племя финнов, пришедшее на эти земли позже. Это обстоятельство также естественным образом проясняет, почему древнейшим названием Лапландии было Русь.

Мы готовы признать этимологическую связь русского слова “руссы” и финского “руотси”, но с одной существенной поправкой: имя нашего народа первично. В связи с этим обратим внимание, что одного из персонажей “Калевалы” зовут Руотус. В эпическом произведении случайных совпадений не бывает, поэтому можно смело утверждать, что Руотус – это Рус. Чем же он знаменит? Да тем, что у него, единственного в деревне, есть баня. Уже одно это обстоятельство говорит о том, что мы не ошиблись: русские и баня неразделимы. Руотус живет в достатке:

За столом сидит в рубашке
Из льняной отличной ткани.

По законам эпоса мы должны заключить, что такой же безбедной была жизнь его соплеменников. Более того, судя по тому, что Руотуса просили предоставить баню, где лапландская девушка должна была родить будущего короля Карелии, русские были в числе верховных правителей страны. Отказ жены Руотуса пустить рожаницу не следует воспринимать как проявление жестокосердия, тут замешана политика. Ребёнок должен сменить на троне Вйнемейнена, поэтому “русская партия” не хочет способствовать его рождению и, следовательно, перевороту в стране. Но она и не прибегает к насилию. Точно так же никто не поддерживает Вйнемейнена, требующего умертвить младенца сразу после рождения. Отстранённый от власти, он с обидой уплывает из страны, где к власти пришла финская династия. Очевидно, вместе с ним страну покинули и многие русы. Финны называли их “руотси”. Но только это слово вторично по отношению к имени “русь”.

“Калевала” изображает Руотуса богатым, мирным селянином. Эпос даже не намекает на то, что он входит в число воинов-гребцов, составлявших в те времена военную дружину. Нет также никакого указания на то, что он является шведом: временем создания эпоса считается II-I тыс. до н.э., когда никаких свеев в Лапландии не было. Но это как раз и означает, что его имя – “калька” с родового имени народа русов (не шведов). Все события в калевальской Руси вращаются вокруг Вйнемейнена точно так же, как Земля движется вокруг более крупного Солнца. И было бы очень странным, если бы хозяева страны – русы, - взяли бы в качестве своего родового имени прозвище, данное им их подданными - финнами. Эпос ясно указывает, что в какой-то момент “эра Вйнемейнена” приходит к закату. Воин-рус покидает Лапландию, и на первый план выходят уже финские богатыри. Они запомнят русов, как опытных и смелых гребцов (мореплавателей) и запечатлеют это воспоминание в своём слове “руотси”.

Конечно, можно, следуя В.В. Кожинуву думать совсем по-другому, равно, как можно изучать движение Солнца вокруг неподвижной Земли. Но история астрономии учит нас, что при таком подходе невозможно открыть законы движения планет в Солнечной системе. Человечеству понадобилось почти две тысячи лет, чтобы осознать это. Может, нашим историкам и филологам пора усвоить урок Аристарха Самосского?

Сказка-подсказка или тайна белой кости и голубой крови

Русы являются более древней этнической общностью, чем славянские и угро-финские племена. Это вынуждает нас погружаться в те давние времена, которые не отражены в древнерусских исторических источниках. Собственно, на этом основании академическая наука и отказывает нам в праве на древность. Но, к счастью, у нас сохранились сказки, которые не только указывают на существование многотысячелетней истории русских, но и помогают абсолютно убедительно прояснить значение нашего родового имени.

Русские сказки принято относить к категории детского чтения. В зрелом возрасте мы их открываем, как правило, лишь для того, чтобы почитать своим детишкам. Но в сказочных эпизодах закодирована наша древнейшая история, точнее, в сказках зафиксированы отдельные этапы развития русской мифологии, которые могут быть привязаны к определённому историческому времени. Так, знаменитые Баба-Яга и Кощей

Бессмертный олицетворяют богов каменного века, это древнейший слой отечественных “небожителей”. В свою очередь, Иван – бог нового поколения, пришедший сменить их на верховном Олимпе (буквально, преломить иглу жизни Кощея). Да-да, бог, не удивляйся, дорогой читатель! Это азбука мифологии, другое дело, что про неё большинству из нас ничего не известно.

Мотив борьбы сказочного героя со Змеем известен в мифологиях самых разных народов. У европейских племён этот сюжет называют основным мифом индоевропейцев. Время его возникновения датируют серединой III тыс. до н.э. Это и есть приблизительная дата возникновения образа Ивана. Не надо пугаться погружения в столь отдалённые времена, тем более, что это ещё не предел. Приводя данную датировку, мы воспроизводим общеизвестные выводы сравнительной мифологии. Сказки содержат в качестве отдельных фрагментов, в том числе, древние мифы или, чаще, их обрывки, время создания которых учёные определяют достаточно уверенно. Время рождения бога Ивана – третье тысячелетие до Рождества Христова, место рождения – Русская равнина. Иван – прародитель русов, и именно в такой роли “Калевала” изображает богатыря Вяйнемейнена, которого мы отождествили с нашим главным сказочным героем. Скажете, случайность? Конечно же, нет! Просто, разгадывая тайну имени “русь”, мы движемся в правильном направлении.

В качестве фрагментов древнейших мифов, присутствующих в наших сказках, служат диалоги Ивана с разного рода нечистью. В них присутствует не только хрестоматийный оборот “русским духом пахнет”, но также и такие выражения, как “Фу, Русь-кость пахнет!”, “Фу, русска коска воня!” Они-то и наводят на мысль, что речь здесь идёт, может быть, не только об этнической принадлежности героя. Читатель, не пропустивший название данного раздела, наверняка, уже понял, куда мы клоним, но будем последовательны в изложении.

У сказки свои жёсткие каноны, и следует сознавать, что всякое путешествие Ивана в “тридевятое царство, тридесятое государство” – это переход героя в потусторонний мир, царство мёртвых, обитель мёртвых душ. Поэтому встреча Ивана с той же Бабой-Ягой или Кошеем Бессмертным – это “соприкосновение” живого и мёртвого начал. Живой человек обладает запахом, он, извините, воняет. Персонажи же иного мира – суть фантомы, призраки, они бесплотны, в них нет ни жизни, ни связанных с ней запахов, и присутствие Ивана определяется ими по запаху.

Все упомянутые сказочные обороты традиционно объясняются как реакция на запах руса, русского человека. Но у них есть также и более глубокий, изначальный смысл. Живые кости вовсе не сухие, белые и хрупкие, как у музейных скелетов. Они имеют сероватый цвет и покрыты упругой плёнкой надкостницы, ткань которой пронизана нервами и кровеносными сосудами. Из-за последних цвет кости имеет розоватый оттенок, и его вполне можно передать словом “русый”, так что “Русь-кость”, “русска кость” – это кость живого человека, попавшего в загробный мир. Слова “Русь”, “русска” в такой интерпретации используются для обозначения цвета живой кости, а русский дух – это дух жизни. Таков первоначальный смысл сказочных выражений. Отражать, в том числе, и национальность Ивана они стали позже, когда сложился народ русов.

Но в таком случае сказки “дают ключ” к объяснению тайны нашего родового имени. И происходит оно вовсе не от чуждого финского термина, а от абсолютного ясного для каждого русского человека слова. **Название народа “русы” возникло, как обобщённая характеристика русских (то есть русоволосых) людей.**

Словари определяют русый цвет как светло-коричневый. Но в действительности охватываемый им спектр оттенков гораздо шире. Со словом “русый” люди связывают

самые разные цвета волос, кроме, пожалуй, что чисто черного, светло-серого и ярко-рыжего. Все промежуточные цвета в их понимании считаются русыми. Русые люди – это не брюнеты, не блондины и не огненно рыжие. Это, как правило, нечто смешанное по цветовой гамме между брюнетом и блондином, между ярко-рыжим и блондином и, одновременно, брюнетом, но всё-таки ближе к светлому тону.

Эта характеристика в наибольшей степени присуща русскому и ряду европейских народов. Образовавшаяся некогда локальная общность русоволосых людей (русов) распространилась и стала проживать в достаточно широких пределах Европы. Прародина этой общности, очевидно, находилась там, где процент русоволосых людей в настоящее время наиболее высок. Не пытаясь умалить отдельные племена и народности, осмелимся утверждать, что находится она всё-таки на Русской равнине. Историкам известно и название древнего народа, в котором, согласно свидетельствам древних авторов, доминировали светловолосые и голубоглазые люди. Это арии, и проживали они изначально на берегах Волги.

Имя “арии” переводят с санскрита как “благородные”. Племена ариев, покинув Русскую равнину, разошлись в самых разных направлениях – Греция, Ближний Восток, Иран, Индия, Скандинавия. И повсюду местные племена принимали их как представителей высшей культуры, посланцев богов. С их приходом на Восток белый цвет стал считаться там признаком высшего посвящения и благородных кровей. Арии выступали носителями, так сказать, белой кости и голубой крови. Не случайно, слово “аристократия” по-гречески значит “власть лучших” (то есть “власть истинных ариев”). Белая кость, как мы установили, означает “русская кость” – плоть русов. Что же до понятия “голубая кровь”, то напрашиваются два объяснения. На теле белого человека явственно проступают голубые вены, из чего можно сделать вывод, что кровь в них не красная, а цвета вен. Но возможно и другое объяснение. Голубой цвет глаз ариев вполне мог породить миф о том, что внутри них течёт голубая кровь. В таком случае запечатлённый традицией образ светловолосого и голубоглазого ария обретал также и аллегорическую характеристику – “белая кость и голубая кровь”.

Арии – предки русских. Отдельные их “ветви”, мигрируя с территории Русской равнины, несли в другие концы Земли имя “Русь”. Выходцев из арийских племён, пришедших в Малую Азию и на Ближний Восток, в Библии именуют “народом Рош”; из ариев происходили и урартские цари Русы; наконец, представители “народа Рос”, которые прибыли к германскому императору, были из числа ариев, обустроившихся в Скандинавии. Будучи излишне светловолосыми, они, изменив слову “русый”, предпочли называться “сивыми” или свеями (свеонами). Это прозвище впоследствии превратилось в имя “шведы” (на санскрите “швета” значит “белый”, “седой”). Кстати, на скандинавском полуострове и в Северной Европе наблюдается максимальный процент блондинов, и это прекрасно подкрепляет наше предположение.

Слова “рус”, “русый” были распространены в арийской среде. В переводе с санскрита “рус” означает “свет, блеск”, “руса” – “светлый, ясный”, а “русия” – “роскошный, прекрасный”. Понятие “рус” в языке ариев имеет более широкий смысл. Рус – это подобный свету, излучающий свет, блестящий. Русами (ришами) арии называли своих жрецов. Русалка в переводе с санскрита означает “светловолосая”, так в глубокой древности наши предки называли жриц Великой богини – создательницы и хранительницы материального мира. Образ этой богини возник в глубинах каменного века, и персонажи светловолосых дев-берегинь тоже очень древнего происхождения. Русские писатели XIX века активно разрабатывали сюжет о русалках, как о юных девушках-утопленницах, красавицах, по ночам выходящих на речной берег и водящих там

хороводы. Но совершенно очевидно, что это лишь очень слабое и поверхностное отражение той огромной роли, которую реальные жрицы-русалки играли в языческих обрядах наших предков. Представление о них, как об утопленницах, могло возникнуть после того, как часть Русской равнины в результате глобального катаклизма была затоплена, и культура древнейшей цивилизации, существовавшей здесь, в буквальном смысле оказалась погружённой на дно. Не будем утомлять читателя вычислением возможных сроков этой катастрофы, но она исчисляется не одним и не двумя тысячелетиями до нашей эры, это была эпоха матриархата, предшествующая периоду главенства верховных богов-мужчин. И то, что в русской культурной среде сохранился образ русалки – ещё одно важное указание на древность наших исторических корней.

Странно и удивительно, но современные учёные-мифологи не понимают истинного масштаба девы-русалки. Они даже включили её в число персонажей низшей мифологии, вроде героев массовой культуры. И это настолько нелепо, что невольно приходит мысль, будто делается это намеренно. А ведь ещё в XIX веке А.С. Фаминцын в книге “Божества древних славян” назвал русалку “светлой, златовласой, русовласой Богиней”. Одно из народных названий русалки – “краса – русая коса”. В заговорах забайкальских казаков русалка – это русая девица. И.П. Сахаров в сборнике “Сказания русского народа” приводит предания о “русалках-девицах с русыми косами”.

У Константина Бальмонта есть стихотворение:

Я русский, я русый, я рыжий.
Под солнцем рожден и возрос.
Не ночью. Не веришь? Гляди же
В волну золотистых волос.

Я русский, я рыжий, я русый.
От моря до моря ходил.
Низал я янтарные бусы,
Я звенья ковал для кадил.

Я рыжий, я русый, я русский.
Я знаю и мудрость и бред.
Иду я - тропинкою узкой,
Приду – как широкий рассвет.

Поэт соединяет слова “русый” и “русский”. Нам их соединение видится правомерным только при одном важнейшем дополнении. Русы – имя арийских жрецов, а русские – это те, кто воспринял арийские верования. Широко разойдясь по планете, арии смешивались с другими народами. Со временем среди них появились и брюнеты, и блондины, и ярко-рыжие. Но русые волосы были обязательным условием для арийского жреца, точно так же, как и для русалки-берегини.

Возвращаясь ещё раз к значению имени “русский”, мы берёмся также утверждать, что суффикс “ск” появился в нём совсем не случайно. Для начала вспомним, что именно эти буквы лежат в основе названия “скифы”. Их имя происходит от индоевропейского корня *skaī – “светлый”. Звёздочка здесь означает, что данный корень относится к гипотетическому языку, на котором разговаривали все индоевропейцы в эпоху своего единства. Изначальное значение корня восстанавливается путём анализа слов, содержащих его, или производных от его основы. К примеру, в английском языке такими

служат “sky” – небо, “ski” – кататься на лыжах, “skate” – кататься на коньках. Все они, так или иначе, связаны с понятием “светлый”: небо днем светит солнечным светом, а ночью лунным, зимние катания на лыжах и коньках возможны только при наличии снега. Конечно, смысловые значения этих слов связаны со светом опосредованно, но это лишь означает, английский язык достаточно юный.

А какова ситуация с русским языком? Можно сказать, что это момент истины для нашей концепции. В этой части статьи мы постоянно подчёркивали, что наше родовое имя имеет самое непосредственное отношение к прилагательному “светлый”. Есть ли в русском языке созвучные слова, подчёркивающие русский цвет обозначаемого им термина. Да, есть! Но прежде, чем открыть наши “козыри”, мы попросим у читателя извинения, поскольку нам придётся прикоснуться к самому низшему слою нашей бытовой лексики. Эти важнейшие для нас слова – “сики” и “саки”. Их до сих пор употребляют в основном дети, но родились они в глубинах тысячелетий. Обозначаемые ими сущности бывают и белесого, и золотистого, и рыжего цвета, но всё это светлые тона. В древности эти слова имели священный смысл и соотносились с именами богов.

“Скифское племя - рыжее”, - писал Гиппократ, причем, имел в виду не только цвет волос, но и обычный для европейцев цвет кожи. Когда европейцы появились в Азии, то наиболее естественным названием для них должно было стать обозначение “светлые”. Это самый характерный признак, отличающий людей, пришедших с севера, от более южных народов. И если название “скифы” означает “светлые”, то “русский” – это “светло-светлый”. В нашем прочтении понятия “русский” и “белорус” выступают абсолютными синонимами. Да и могло ли быть по-иному? Вся известная история с очевидностью свидетельствует, что это воистину два братских народа. И ещё, изначально наше родовое имя звучало как “русски” и означало “руссы-скифы”. Прилагательным же оно стало считаться уже во времена “новейшей” лексики. Вот так, господа-руссофобы, и не надо обвинять русских в неуёмном желании выделиться.

Этнонимы “рус” (“русый”) и “скиф” имеют одно и то же смысловое значение, и потому могли взаимозаменять друг друга. Первые упоминания о русах на юге Русской равнины появляются именно тогда, когда пропадают упоминания скифов. Средневековые авторы называли русов скифами. И это, разумеется, не случайно. Скифы никуда не исчезли, а попросту стали именоваться русами. Таким образом, русы - прямые потомки скифов и наследники их славы, а скифская история – часть древнерусской.

Если же говорить о преемственной линии истории русского народа, то её можно обозначить следующей формулой:

Арии → Скифы → Русы

Арийская среда породила скифов, а внутри их общности выросло ядро русского народа. Таким образом, русской истории уж никак не меньше пяти-шести тысячи лет.

В послескифскую эпоху наши предки выбрали для себя имя, совпавшее с названием арийских жрецов. Это с очевидностью свидетельствует не только о наличии этнической, но и религиозной преемственности. Русский дух – это дух арийских традиций, унаследованный нами с древнейших времён. Украинцы до сих пор называют нас кацапами по имени самого великого арийского жреца-руса Кашьяпы – божественного мудреца, который, воплотившись в черепахе, создал всё живое. Его внук Ману стал прародителем людей. Имена Ка(шьй)ап и Кацап практически совпадают, а появление срединной “ц” в украинском воспроизведении слова выглядит совершенно естественно. Называя русских кацапами, украинцы подчёркивают их более тесную связь с ариями, и,

сами того не сознавая, демонстрируют свою этническую молодость и оторванность от арийских религиозных традиций.

К настоящему времени исследователи достаточно подробно восстановили историю ариев и установили географические пределы их миграций. Они воистину огромны и охватывают практически всю Евразию и Северную Африку. Во все эти земли жрецы-русы несли дух своей религии, дух созидания общего дома. Но толи всё это происходило слишком давно, то ли местные народы проявили с тех пор широкую самостоятельность, но следы этой религиозной экспансии остались видны разве что в современной России. Что это случайность или следствие какой-то важной закономерности?..

Дух белой расы

В 1991 году во время раскопок на берегу Дона, в окрестности деревни Костёнки Воронежской области археологи обнаружили самую древнюю в Европе стоянку Человека Разумного. Долгое время считалось, что человек современного типа (*Homo sapiens sapiens*) начал заселять Центральную и Западную Европу с благоприятных по климату Балкан, с территории нынешней Турции, Греции, Болгарии, а потом уже, много позже, стал расселяться и на равнинах Восточной Европы. Однако в Костёнках были найдены скелеты людей современного типа, то есть, по устаревшему теперь определению, кроманьонцев. И самое главное - они обитали здесь не двадцать тысяч лет назад, а почти сорок пять тысяч. Выходит, современный человек появился в среднем течении Дона, намного раньше, чем в Европе.

Останки гигантских млекопитающих находили в Костёнках издавна. Отсюда и название деревни. В петровскую эпоху думали, что это кости слонов заблудившейся армии персидского царя Дария. Однако впоследствии стало ясно, что на берегу Дона покоятся останки мамонтов. Здесь же находят орудия труда кроманьонцев. При раскопках ниже 7-метровой глубины археологи наткнулись на толстый слой вулканического пепла. Выяснилось, что это следы средиземноморского извержения, которое 40 тысяч лет назад накрыло даже Русскую равнину. Под слоем пепла археологи обнаружили несколько стоянок кроманьонцев. Правда, единственные человеческие останки, обнаруженные здесь, – это человеческие зубы, которые сложно идентифицировать. Однако найдено множество орудий труда, украшений и, более того, произведений искусства, характерных для кроманьонцев. Российские учёные с помощью анализа найденных в раскопах спор и пыльцы, палеомагнитного и радиоуглеродного исследования костей и вулканического пепла установили возраст находок в сорок - сорок две тысячи лет. Американские лаборатории термолюминесцентным методом, ещё более точным, “прибавили” им три тысячи лет. Столь древних стоянок первобытного человека в Западной и Средней Европе не обнаружено. Там вообще не прослеживается эволюция от среднего палеолита (периода неандертальцев) к верхнему (периоду кроманьонцев). Этот разрыв в развитии подтверждает, что верхний палеолит пришел в Европу извне.

Но стоянки в Костёнках интересны не только своей уникальной древностью. Именно здесь обнаруживаются те новые способности сознания древнего человека и удивительные практические достижения, которые сформировали зачатки человеческой цивилизации. Жившие в основном охотой и собирательством, здешние люди уже знали многие ремёсла и элементы художественного творчества. В нижнем слое раскопа были обнаружены кремниевые орудия труда, костяные и каменные статуэтки женщин и животных, которые можно отнести к самым древним произведениям первобытного искусства. Найдены морские ракушки, которые могли быть принесены только с берегов

Чёрного моря, за пятьсот-шестьсот километров, украшения из уральской яшмы, топоры из чешского кремния и горного хрусталя. Но ещё более удивило учёных то, что техника пиления, сверления и шлифования найденных предметов оказалась абсолютно такой же, как в артефактах, найденных в южнороссийских и украинских степных стоянках эпохи неолита, которые на тридцать - тридцать пять тысяч лет моложе.

Открытие в Костёнках порождает очень серьёзные сомнения в общепринятой схеме возникновения вида *Homo sapiens sapiens* на африканском континенте. Михаил Аникович, руководитель одной из археологических экспедиций, работающих в Костёнках, сказал по этому поводу: “Наши раскопки подтвердили, что верхний палеолит не мог прийти на средний Дон с юга или с юго-запада. И с Кавказа тоже не мог. А откуда пришли кроманьонцы, ещё предстоит выяснить. Возможно (это пока даже не гипотеза, а мысли вслух), они пришли с востока – с Алтая, например, где есть аналогичные (и даже чуть превосходящие) по возрасту поселения верхнепалеолитической культуры. А на Алтай они, возможно, пришли с юга (территория Ирана, Афганистана). Но эта гипотеза также требует тщательной проверки, которая пока (в современных геополитических условиях) невозможна”.

Осторожны, очень осторожны академические учёные. Ведь вот открыли центр мировой цивилизации каменного века, и не могут поверить глазам своим. Как же глубоко въелся в сознание современных россиян комплекс исторической неполноценности. Всё-то мы у всех заимствуем, ничего оригинального сами не придумали. Мы уж не говорим насчёт норманнской теории. Даже могучий наш многотысячелетний мат приписали татарскому влиянию. Вот и в вопросе о прародине белой расы учёный спасовал и с какой-то стати вспомнил про Иран и Афганистан. Может, хоть таким способом отместить наше африканское происхождение? Но самый напрашивающийся вывод так и не произнёс. **Прародина европеоидов – Русская равнина, центральная Россия – родина людей белой расы.** Именно отсюда европеоиды пришли в те же Иран и Афганистан, а не наоборот.

Зачастую, выводы огромной познавательной значимости рождаются из очень простых наблюдений. Задумывались ли вы, к примеру, почему дети европейцев по преимуществу рождаются светловолосыми? Уже потом, с возрастом волосы у многих из них темнеют, но жизнь свою они начинают русоволосыми. Как это объяснить? Может быть, тем, что первые кроманьонцы были русыми? В межвидовой борьбе они победили черноволосых неандертальцев и, тем самым, утвердили свой господствующий статус на планете. Впоследствии цвет волос европеоидов приобрёл новые дополнительные цвета и оттенки, но память о первичном, изначальном их цвете хранится в глубинах человеческого генофонда. Человек современного типа изначально был русоволосым!..

Мы не будем затрагивать здесь биологические проблемы межвидового влияния и процесса формирования рас, оставим их на суд антропологов, историков и политиков. Но что касается культурного и хозяйственного влияния белой расы на остальную часть человечества, то оно было исключительным. Уровень развития костёнковских кроманьонцев был гораздо выше и по сравнению с их негроидными, и с монголоидными современниками. Русы-кроманьонцы выступили духовными наставниками и религиозными учителями первых людей. И как бы это далеко не отстояло от нас по времени, но это было время рождения русского духа – духа русого человека, объединяющего всех людей планеты, духа белой расы.

Арии называли своих жрецов русами, что прямо указывает на их культурную и религиозную преэминентность по отношению к русам-европеоидам. Ядро обеих общностей формировалось на территории центральной России, на берегах Дона и Волги.

Всё это исконно русские пространства, и они до сих пор выступают сокровищницами и хранительницами русского духа. Русское сознание утверждает приоритет духа над кровью, именно в этом и состояла древнейшая традиция древнерусских (арийских) жрецов, и она исключала проявление расовой и национальной ненависти. Во второй Мировой войне арийцы по крови пытались победить арийцев по духу. Чем это закончилось, хорошо известно...

Русский дух предполагает наличие человечности, совести. Ни Америка, ни Запад, ни нынешний Киев их не демонстрируют. Как и сорок тысяч лет назад русским противостоят сильные и наглые “неандертальцы”, жаждущие только личной выгоды и готовые уничтожить всех несогласных с их диктатом. Их связывает дух наживы, молебны золотому тельцу и ненависть ко всему, что проникнуто русским духом. Эта ненависть их и погубит...

Да здравствует русский дух! Ура!!!

ПАМЯТКА РУССКОМУ ЧЕЛОВЕКУ: СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ РУСЬ

Вертикаль. XXI век. № 47.

Мы никого и ничто не забыли. <...> И мы не будем вытирать слезы с нашей души и сердца. Это останется с нами навсегда.

В.В. Путин. Из интервью, посвященного событиям на Ближнем Востоке

Октябрь-декабрь 2015-го года. Военно-космические силы России планомерно и последовательно наносят удары с воздуха по боевикам Исламского государства, а обозреватели и комментаторы всего мира с жадной кладоискателей ищут ответа на вопросы: “Что России нужно в Сирии? Почему русские, сдав в свое время позиции в Ливии и Ираке, непреклонно встали на защиту правительства Асада? Правильно ли это, и каковы будут последствия такой политики?”

В самом деле, зачем нам Сирия? Николай Коньков (газета “Завтра”, №48), вынося этот вопрос в название своей статьи, отмечает: “Шепот о том, что Россия зря ввязалась в “сирийскую авантюру”, уже перерос не в разговоры, а в крики...” И вместе с тем добавляет: “Внятный ответ на вопрос: “Зачем нам нужна военная операция в Сирии?” пока отсутствует...” Под внятным ответом исследователь-аналитик понимает строго логическое объяснение всех конкретных шагов и детально разработанную стратегию на

будущее. А что, если такого ответа в принципе нет, и главной причиной является попросту наше искреннее стремление к добру и верность своим друзьям? Разве мало известно примеров, когда Россия приходила на помощь другим чисто в силу союзнических обязательств? Исламское государство олицетворяет материализовавшееся наяву мировое зло, стремящееся разрушить основы современной человеческой цивилизации, и Россия взяла на себя миссию остановить зарвавшегося “зверя”. Это официальная позиция, излагаемая нашими руководителями и одобряемая большинством народа. Но эксперты-политологи убеждены, что это все отговорки и за действиями России стоит некий секретный план. Для них, привыкших объяснять все, исходя из того, насколько это выгодно и что принесет в дальнейшем, такой поступок нашего руководства остается совершенно непонятным. Они не готовы даже допустить, что, подобно сказочному богатырю, страна может вступить в военный конфликт исключительно ради общей справедливости. Аналитики упорно отказываются видеть в наших действиях причины духовного плана. И совершенно напрасно.

Разумеется, у каждого правительства есть долгосрочная политика и выработаны определенные принципы следования ей. Наверняка, не последнюю роль в ней играют вопросы экономической безопасности в случае перераспределения газовых потоков в мире (строительства газопровода из Катара в Турцию через территорию Сирии). Но, похоже, что в сирийском вопросе нашим политическим руководством движут еще и силы совсем иного характера. Напомнить слова Ивана Ильина, высвечивающие, как нам представляется, суть происходящего сегодня: “Трозные и судьбоносные события, постигшие нашу чудесную и несчастную родину, проносятся опаляющим и очистительным огнем в наших душах. В этом огне горят все ложные основы, заблуждения и предрассудки, на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции. На этих основах нельзя было строить Россию; эти заблуждения и предрассудки вели ее к разложению и гибели. В этом огне обновляется наше религиозное и государственное служение, отверзаются наши духовные зеницы, закаляется наша любовь и воля. И первое, что возродится в нас через это, - будет религиозная и государственная мудрость восточного Православия и особенно русского Православия. Как обновившаяся икона являет царственные лики древнего письма, утраченные и забытые нами, но незримо присутствовавшие и не покидавшие нас, так в нашем новом видении и волеии да проглянет древняя мудрость и сила, которая вела наших предков и строила нашу святую Русь!” Приведенная цитата предваряет работу философа “О сопротивлении злу силою”. Ее название может служить выражением той гражданской позиции, которую разделяет абсолютное большинство россиян в сирийском вопросе. В Сирии Россия противопоставила злу свою военную силу. И сделано это было, без каких бы то ни было изначальных замыслов что-то для себя выгадать.

Во многих публикациях подчеркивается, что Сирия находится достаточно далеко от наших границ, а потому и не стоит нам расширять так далеко пределы своего влияния. Некоторых это сбивает с толка, они обращаются к истории и видят, разве что помощь советских военных специалистов сирийцам в брежневскую эпоху. С той же Турцией, неожиданно для нас поддержавшей боевиков Исламского государства, в этом смысле все гораздо понятней. После того, как турки предательски сбили наш военный самолет, мы, восстанавливая в памяти историю наших взаимоотношений, вспомнили, в том числе, и все прежние русско-турецкие конфликты. Александр Проханов в передовице уже упоминавшегося номера газеты “Завтра” написал: “Убийство турками нашего самолета вызвало в воспоминаниях народа все русско-турецкие войны: балканский поход, победы Ушакова и Суворова над турками. Даже в моих фамильных преданиях живет рассказ деда,

который воевал на турецком фронте – на кавказском его участке, и под Карсом отбил прямой наводкой атаку турецкой пехоты, за что получил “Золотое оружие”. И это негодование, эти тайные воспоминания, затронутые трагедией коды, не могут остаться без ответа”. Но наши внутренние, “затронутые трагедией коды” ведут еще далее вглубь времен, и, развивая прохановскую мысль, мы вправе дополнить, что задолго до появления турок в Малой Азии первые русские князья от Аскольда и Дира до Святослава ходили на грозный Константинополь. Значит, были у русских в этой части планеты свои законные интересы, которые приходилось отстаивать и мечом, и словом.

Если же углубляться еще далее по времени, то необходимо указать еще один, крайне важный факт, который остается совершенно неизвестным для большинства наших соотечественников. Дело в том, что во II тысячелетии до н.э. на территории Малой Азии, Сирии и Палестины существовало государство по имени Русена (Русь). В исторических источниках название этой страны воспроизводится в самых разных огласовках – Рутена, Ретену, Рузена, Арзена, Арсава, но сути это не меняет. За три тысячи лет до Киевской Руси уже существовала страна с точно таким же названием, и находилась она частично в тех самых пределах, на которые сегодня претендует Исламское государство. Так что земли Сирии для нас, мягко говоря, не совсем чужие. А если говорить по существу, то выходцы с Русской равнины, предки современных русских в свое время, создав в Малой Азии и на Ближнем Востоке свое государство, определяли духовный и политический климат в этом регионе.

Восточным соседом Русены было Хеттское царство, занимавшее центральную и восточную часть современной Турции, а на юге она граничила с Египтом. Название Русены (Арсава) фигурирует как в документах египетских фараонов, так и хеттских царей. Их свидетельства – доказательства более, чем надежные, и потому факт существования Средиземноморской Руси является абсолютно достоверным. Вы скажете, ну и что из того? Какое отношение имеет существовавшее на территории Турции, Сирии и древней Палестины образование Русь к современным русским? Да и разве существует генетическая память на масштабах трех-четырёх тысячелетий? Ну, во-первых, существует. И примерами тому – китайцы, индийцы или те же евреи. Все эти народы бережно хранят свои древнейшие традиции, которым не одна тысяча лет. Отчего же не допустить, что и родовая память русских не ограничивается временами Рюрика и “Слова о полку Игореве”, а простирается гораздо дальше? А что, если на бессознательном уровне россияне помнят деяния своих предков – скифов и ариев, не единожды покорявших Ближний Восток, и оставивших в его пределах следы своей цивилизаторской деятельности? Наши предки упоминаются в Коране (25:40, 50:12), как древний народ Аравии – “обитатели ар-Расса” (Русены). В поэзии древних шумеров Средиземноморская Русь именуется далекой страной Араттой. Название “Русена” фигурировало также в девяти местах Библии – Левит (26: 5), Числа (10: 9), Книга Иисуса Навина (9: 11), Книга Судей (16: 24), Псалтырь (84: 10,13), Песнь Песней Соломона (2: 12), Книга Иеремии (5: 19), Книга Михея (5: 4), но редакторы заменили его словами “страна”, “наша страна”. Любопытно, не правда ли?

Государство Русена существовало с конца III тыс. до н.э. – до XII в. до н.э. Историки-профессионалы прекрасно знают об этом факте, но старательно избегают говорить о нем. К примеру, Ю.Б. Циркин, автор книги “От Ханаана до Карфагена” (М.: Астрель, АСТ, 2001), умудрился вообще ни разу не упомянуть имя “Русена”. Вместо него историк использует топоним Ханаан, он даже вынесен в название книги. Так называется древняя Палестина в Библии. Но египетские источники о Ханаане вообще не упоминают, в них присутствует страна Русена. Ю.Б. Циркин, следуя академической традиции, исключил всяческие упоминания имени “Русь” применительно к существовавшему в

Средиземноморье государству, заменив его библейским аналогом. Можно ли после этого относиться к его труду, как объективному и научному?..

Имя страны “Русена” родилось вне пределов Русской равнины, и в этом есть глубочайший смысл. Светловолосые и светлокожие европейцы, выходцы с Русской равнины, оказались в среде черноволосых семитов и заимели в соседях чернокожих негров. Русые волосы были отличительным признаком пришельцев-северян. Оттого и названо было их государство Русеной (Русью) – страной русых или страной русов. Современные русские – их потомки.

Мы древний народ, и наши внутренние коды, направляя сознание, постоянно восстанавливают связь времен. Есть невидимые “нити”, которые скрепляют поколения единого народа и диктуют его выдающимся представителям путь действия и способ его реализации. Вот почему русские защищают Сирию.

В нынешних действиях России, в этом “новом видении и волеии”, признаем мы вслед за Иваном Ильиным, проглядывает “древняя мудрость и сила, которая вела наших предков и строила нашу святую Русь”. Но если наш выдающийся философ подразумевал при этом тысячелетнюю Русь, ведущую свое начало от Рюрика и опирающуюся на “религиозную и государственную мудрость Православия”, то мы предлагаем относить его мысль ко всей многотысячелетней истории русского народа. Средиземноморская Русь – это тоже история нашего народа, созидательная работа наших прародителей, и мы имеем к ней самое прямое отношение. Иначе, как объяснить столь необыкновенное единодушие россиян в сирийском вопросе? Мы возмущены преследованиями людей по религиозному признаку и уничтожением памятников древней культуры, и потому поддерживаем в Сирии именно те силы, которые оберегают традиции, заложенные на этих землях еще в далекие времена нашими прародителями. Тем самым, мы как бы продолжаем их дело, связываем единством действий разделенные по времени эпохи.

В этом смысле чрезвычайно интересен и показателен глубинный смысл термина “православие”. Он восходит к двухсоставному греческому слову “орто-доксия”, первая часть которого означает “прямой, правильный”, а вторая – “мнение, слава”. Но, в свою очередь, греческое “ортос” происходит от древнеарийского “rta (arta)” – названия основного закона, управляющего, по представлениям древних ариев, Вселенной и действующего, как в материальной, так и в духовной ее сферах. Русы-язычники называли этот закон “ротою” и соотносили его с деяниями верховного бога Рода. В названии нашей христианской религии, таким образом, отражен тот факт, что русское Православие следует тому древнейшему закону, которому поклонялись предки русских – арии, и который чтит язычники в Киевской Руси. Как это ни покажется удивительным, но в плане восприятия мира и проведения государственной политики и православная, и языческая Русь исповедовали схожие подходы и следовали близким по смысловому содержанию кодам. Современное политическое руководство выступает в рамках той же преемственной линии, и в этом состоит главный содержательный смысл внешнеполитических действий Кремля, его “тайный” план.

* * *

Первое упоминание о Русене относится ко времени фараона Сенусерта III (XIX в. до н.э.), который в своей надписи сообщает о победоносном походе в соседнюю страну. Можно предположить, что в этот период египтяне доминировали над русенами. Но ответом на их давление стал приход на Ближний Восток из южнорусских степей новых

воинов-ариев. В исторических сочинениях они фигурируют, как киммерийцы или великие марины (воины-марианны), а в Библии – как амореи. На севере Месопотамии они создали новое государственное образование – страну Митанни. Среди народов, входивших в нее, были самые разные этнические племена, но правящая династия была арийской.

В Библии русены называются хананеями (или ханаанами). Для русского уха эти имена кажутся непривычными и чуждыми, но так древние семиты называли Иванов (Вань). Современные филологи выводят русское имя “Иван” из древнееврейского “Иаханан” – “бог Яхве смилостивился”. Но Иван изначально русский образ, это имя одного из наших древнейших богов, о чем еще в XIX веке прекрасно написал выдающийся фольклорист А.Н. Афанасьев в своем знаменитом сочинении “О поэтических воззрениях славян на природу”. Русские сказки по своему происхождению старше и самой Библии, и самих евреев. Именно слово “Иван” (“Ваня”) как родовое имя переселившихся в Средиземноморье ариев породило название народа ханаанцев и их страны Ханаан. Стоит отдельно подчеркнуть комическую роль отечественных языковедов, записавших главного персонажа наших сказок в евреи. В действительности, имя “Иван” возникло из праформы (Яван, Йаван), в основе которой лежит корень “явь”. Таким образом, Иван – русское имя и означает “сущий”. Имя Бога-отца христиан – Яхве, образовано от того же корня, имеет тоже значение и тоже русское по происхождению. И мы не только вправе, но и попросту обязаны говорить об определяющем языковом и культурном влиянии древних русов на семитов, а не наоборот.

Уже давно пора во всеуслышание заявить, что под именем ханаанцев в Библии упоминается народ, пришедший в Палестину с Русской равнины. В исторических сочинениях он известен под именами ванов, венетов (энетов, венедов) и антов. Все эти названия происходят от имени Ваня (Иван) – родового имени русского народа. И в высшей степени примечательно, что именно от народа венетов, защищавшего Трою, первые русские историки – Ломоносов и Татищев, - выводили историю русского народа. “Мы ленивы и нелюбопытны”, но обратим внимание на топоним “Финикия” – обозначение прибрежной области на карте древней Палестины. В своем изначальном (неискаженном) виде ее название читалось, как Венеция, то есть страна венетов – древнего народоморехода, предка современных русских и славян. Исторические финикийцы – это семито-арии или, по-другому, венеты, смешавшиеся с местными народностями. Причем, абсолютно ясно, кто в этом дружественном союзе верховодил. Если же к этому добавить, что Финикия – родина первого алфавита, то картина доминирования пришельцев с севера в тот период становится более, чем очевидной. Именно семиты учились у русенов, а не наоборот.

На рубеже XVIII и XVII вв. до н.э. русены в союзе с митаннийцами обрушились на Египет. Племенной союз обитателей Южной Сирии и Северной Аравии египтяне называли гиксосами, что традиционно переводят, как “цари-пастухи”. Гиксосы владели Египтом более века, в полной мере передав египтянам достижения своей цивилизации. Все исследователи сходятся во мнении, что колониальным иггом назвать это никак не возможно. Более того, Египет при гиксосах настолько окреп, что, освободившись от их господства, стал вести непрерывные войны против своего северного соседа – Русены.

Особо жестоким противостояние двух держав было во времена правления Тутмоса III (XV в. до н.э.). Русена в то время была страной городов. В одной из своих надписей фараон говорит о завоевании 119 городов и земель. Информация Библии о множестве городов в Ханаане полностью подтверждается. Только жили они в эпоху Тутмоса III отнюдь не мирной жизнью. Четырнадцать (!) походов совершил этот фараон в страну Русену (Ханаан). Первый из этих походов был важнейшим и самым значительным из них.

Решающая битва между египтянами и русенами состоялась при городе Мегиддо. Историки относят ее к 1469 г. до н.э. К союзу русенов примкнули финикийские хары (арии) и хетты. Индоевропейцы сражались с африканцами за право обладание Палестиной, и если какие-то семитские отряды и были в их войсках, то они заведомо играли второстепенную роль.

Битва при Мегиддо – первое сражение, описанное в истории. Тутмос III вторгся в Центральную Палестину с 20-тысячной армией. Его противники сосредоточили свои силы в долине Мегиддо, севернее горы Кармель, выслав сторожевые заставы, задачей которых было удержать три ведущих с юга перевала. Однако, египтяне прорвались через них, рассеяв защитников смелой атакой, которую возглавил сам фараон. В долине за перевалами армия русенов заняла возвышенность возле крепости Мегиддо. Тутмос выстроил свои войска выгнутым фронтом, и в то время, как южное крыло предприняло отвлекающий маневр, лично повел северный “рог” в атаку, направив его между флангом русенов и крепостью. Результатом стало окружение русенов и полная победа египтян.

Крепость Мегиддо имела важное стратегическое значение, так как преграждала путь из Египта в долину реки Оронта. Кадеш был политическим центром союзной коалиции русенов. Как только египетское войско разбило своего противника на подступах к Мегиддо, Тутмос приказал немедленно обложить город. “Они измерили город, окружив его оградой, возведенной из зеленых стволов всех излюбленных ими деревьев”; его величество находился сам на укреплении, к востоку от города, осматривая, что было сделано. Однако царь Кадеша сумел бежать из города. После нескольких недель осады город Мегиддо капитулировал. Трофеями Тутмоса были: 924 колесницы, 2238 лошадей, 200 комплектов оружия, жатва в долине Ездраелона, снятая египетским войском, 2000 голов крупного и 22500 голов мелкого скота. Перечень трофеев показывает, что египтяне снабжались за счет местных средств. Для закрепления успеха они двинулись дальше, захватили еще три города и построили крепость, которая была названа “Тутмос – связывающий варваров”. Теперь египтяне владели всей Палестиной. Но для упрочения владычества и подготовки базы на побережье потребовалось еще четыре похода. В конце шестого по счету похода была взята крепость Кадеш.

Согласно египетским документам, неприятельским городам, прежде всего, предлагалось сдаться. Если его жители соглашались капитулировать, то с ними обходились дружелюбно, и они облагались умеренной податью. В противном случае город брался приступом, на жителей накладывалась тяжелая контрибуция и, кроме того, они облагались значительной ежегодной податью. Упорно повторявшееся сопротивление вызывало разрушение городов, уничтожение плантаций и насаждений, взятие заложников и увеличение выплаты военных податей. Из Русены вывозились, помимо взятых в заложники царских детей и благородных марина (господ), рабы и рабыни, лошади, рогатый скот, козы, клыки слоновьи, зерно, мука, фрукты, елей, бальзам, медь, серебро, золото, зеленый камень, лазоревый камень, разные другие ценные камни, военные колесницы, шлемы, доспехи (брони медные и кожаные), оружие, в том числе боевые топоры и каменные молоты, изящные произведения из золота и серебра, статуи, утварь и разные домашние принадлежности (отличной работы с инкрустацией), кедровое и черное дерево.

Совершив одну из инспекторских поездок, Тутмос III засвидетельствовал, что “получил от Русены дань в этом году” в виде лошадей, колесниц, различных серебряных сосудов местной работы, а также “сухую мирру, 693 кувшина с благовониями, сладкое масло и зеленое масло в количестве 2080 кувшинов и 608 кувшинов вина”. Об одной из его военных кампаний сказано так: “Дань князей Русены, которые пришли выразить

покорность... Теперь каждое поселение, в которое прибывал его величество, снабжало хлебом и разными хлебами, и маслом, благовониями, вином, медом, фруктами - в изобилии, превосходящем все... Урожай в земле состоял из обилия чистого зерна, зернышка к зернышку, ячменя, благовоний (ладана), зеленого масла, вина, фруктов, всего привлекательного, что есть в этой стране”.

Различные произведения из Русены очень высоко ценились в египетской столице. Художники-арии доставлялись в Египет как пленники, чтобы заниматься там своим ремеслом. На стенах комнат гробницы Рекмира, визиря Тутмоса III, изображены медники и написано: “Доставка азиатских медников, которых его величество взял в плен, победив Русену”. Над изображением столяров видны слова: “Изготовление сундуков из слоновой кости и эбонита”. Есть здесь и каменщики, которые трудятся на строительстве храма. Все это наглядно говорит об искусности ханаанеев (русенов – А.А.) в ремеслах. Западные историки с удивлением пишут о “поразительной цивилизации” в Сирии. Во времена Тутмоса III “сирийцы стояли на более высокой стадии развития, чем даже удивительно одаренная раса египтян. Добыча, привезенная в Египет и состоявшая из кольчуг позолоченных колесниц и колесниц, отделанных серебром, свидетельствует о таком промышленном и художественном развитии, которое могло оказаться поучительным для Египта. Вместе со всем этим удивительным богатством прибыли пленники, которые стали работать в долине Нила, занимаясь ремеслами, привычными для них дома; и пока они работали, они обучали египтян... “ (Rogers R.W. Cuneiform Parallels of the Old Testament).

Каждый египетский поход завершался не включением пройденной территории в состав Египта, а лишь грабежом сел и городов (особенно дворцов), угоном скота и людей. Год за годом Тутмос III возвращался в Палестину, чтобы собирать дань. На стенах Карнака он выбил изображения деревьев и растений с такой надписью: “Растения, которые его величество нашел в земле Русене. Все растения, которые произрастают, все цветы, которые находятся в Земле Бога и были обнаружены его величеством, когда его величество направлялся в Верхнюю Русену”. Упоминание Верхней Русены позволяет предположить, что к тому времени некогда единая страна разделилась на Верхнюю и Нижнюю части. Нижняя непосредственно прилегала к территории Египта, а Верхняя охватывала север Сирии и запад Малой Азии. В пользу такой точки зрения говорит то, что в хеттских документах второй половины II тыс. до н.э. фигурирует Нижняя страна, бывшая некогда частью государства Арсава (Арцава, Арзава), занимавшей западную часть полуострова Анатолия. В одной из хеттских табличек сказано, что их первый царь Лабарна отвоевал часть средиземноморского побережья и расширил пределы страны “от моря до моря” (обеспечил выходы к Черному и Средиземному морям). Тем самым, он, по всей вероятности, разделил Русену на Верхнюю (Арсаву) и Нижнюю (Нижнюю страну хеттов или Ханаан Библии).

На территорию Палестины евреи пришли в середине XV до н.э. Это совпало со временем непрерывных походов египетских фараонов на Русену, поэтому очевидно, что расселение евреев на Синае было чисто египетским проектом. На место уничтожаемых ими ариев они приглашали селиться евреев, обещая им свою защиту. В Библии об этом, понятное дело, нет ни пол-словечка, но существование тайных договоренностей между двумя сторонами кажется очевидным.

Воюя в Палестине и Сирии, египтяне неизбежно сталкивались с Митаннийским царством. Оно являлось оплотом переднеазитских народов (в первую очередь, ханаанеев-русенов) в их борьбе с египтянами и поддерживало силы непрекращающегося сопротивления им. В конце концов, фараон Тутмос IV (годы правления 1397 – 1388 гг. до н.э.) вынужден был договориться о мире и разделе сфер влияния с митаннийским царем

Артадамой I. Северная Сирия с выходом к Средиземному морю осталась в зоне Митанни, а в своей зоне (Ханаане) египетские фараоны сделали попытку наладить выкачивание средств без ежегодных военных погромов.

Если на юге союзу Митанни и Русены противостояли египтяне, то на севере им угрожали некогда бывшие союзники хетты (В Библии Хет назван сыном Ханаана). В конце XV в. до н.э. воины Арсавы предприняли сокрушительный натиск на контролировавшиеся хеттами внутренние районы Анатолии. По свидетельству самих хеттских царей, их страна была буквально “уничтожены врагами”, причем, “враг из стран Арсава” сжег хеттскую столицу Хаттусас. О том, что в словах об уничтожении стран Хатти содержится лишь очень небольшая доля преувеличения свидетельствует сохранившаяся переписка фараона Аменхотепа III (последние годы XV в. до н.э. - XIV в. до н.э.) с царем Арсавы Тархунорадусом. Поводом для письма послужила просьба фараона дать ему в жены дочь царя Арсавы, переданная ранее последнему в устной форме египетским послом. Тархунорадус, в свою очередь, попросил подтвердить это предложение письмом, составленным по-хеттски. Из него-то мы и узнаем о полном крушении Хеттского царства: “ныне страна Хаттусаса погибла”. Женитьба Аменхотепа III на дочери царя Арсавы означала прямое признание этой страны на рубеже XV-XIV вв. до н.э. главенствующей силой в Анатолии, заступившей место “погибшего” Хеттского царства. К этому важно добавить, что митаннийцы установили гегемонию в Северной Сирии и распространили свое влияние вплоть до Палестины. При этом, надо полагать, единство Средиземноморской Руси было восстановлено. После ряда серьезных столкновений с Египтом митаннийские цари вступили в дружбу с фараонами и скрепили ее династическими браками. Таким образом, остатки страны хеттов оказались плотно замкнуты в кольце враждебных сил и перестали, как могло показаться фараону, играть сколько-нибудь значительную роль в большой политике Передней Азии.

Но Аменхотеп ошибся. Через несколько лет даровитый полководец Суппилулимас (1380-1340 гг. до н.э.), напрягая силы своего государства, разорвал сплошной фронт врагов и, отбросив войска Арсавы на запад и совершив вслед затем удачные походы в Сирию, вновь добился возвышения Хеттской империи до ранга одной из великих держав Востока. Аменхотеп III еще застал это время. В поздравлении его сыну Аменхотепу IV (будущий знаменитый Эхнатон) по случаю воцарения Суппилулимас вспоминал о добрых отношениях между Египтом и воспрянувшей хеттской державой в последние годы жизни его отца.

Суппилулимас не только очистил области “стран Хатти” от войск Арсавы, но, идя по пятам последних, вторгся во внутренние районы этой страны. С воцарением Мурсилиса II (1340-1315 гг. до н.э.) отношения между хеттами и Арсавой предельно накалились. По словам этого хеттского правителя, царь Арсавы Уххацитис откровенно насмеялся над юностью нового хеттского властителя и отказывался выдавать ему хеттских подданных, бежавших в Арсаву. Эта дерзость и была поставлена в вину Уххацитису как предлог для войны. Мурсилис II сумел завоевать страны Арсавы. Знаменитая Троя, ранее неизменно входившая в конфедерацию “стран Арсавы”, была тоже переподчинена хеттам. С каждой из подвластных стран хетты заключили мирные договоры. Правители арсавских стран обязались регулярно отправлять в Хатти военные вспомогательные отряды вместе с боевыми колесницами, систематически посылать дань хеттскому правителю, своевременно выдавать беглецов из Хатти и т.д. Хетты же обещали помогать Арсаве в случае появления врага. Мирные договоры скреплялись клятвой верности, но она была непрочной, ибо правители стран Арсавы, уловив момент, сразу же отлагались от хеттов.

Незавидной в то время была судьба и народа Нижней Русены. В одном из гробничных сооружений XIV в. до н.э. царь изображен торжественно восседающим на престоле; перед ним стоят два его наместника южных территорий. К берегу Нила у Фив пристали корабли, богато нагруженные даями и дарами негритянских народов. С ними прибыла поклониться царю и негритянская царица; она изображена едущей на повозке, запряженной быками, окруженная своими слугами, которые кладут к ногам фараона богатые дары, привезенные их черной повелительницей. Двор фараона находится в ликовании. Здесь же появляются из далекой страны севера князья народа Русены. Князья одеты в богатое разноцветное платье, черные волосы их тщательно убраны в локоны. Они прибыли, чтобы поднести царю дорогие по материалу и превосходные по исполнению произведения искусства своей страны как залог их мирного настроения и уважения к Египту. Картина эта подписана египтянами так: “Прибытие податей владельцу земли, приносимых презренными Русен(ами) под предводительством царского (египетского) посла во все страны, царского сына Куш, наместника юга Аменхотепа”. Над князьями Русенов стоят следующие, не лишённые значения слова: “Эти цари из страны Верхняя Русена не знали ничего о Египте со времени божественного. Они спрашивают у царя мир, говоря: “Даруй нам свободу от руки твоей; не описаны твои победы и в твоё время нет у тебя врагов, все земли покоятся в мире”. Дары подносят и ведут лошадей светлокожие слуги (или рабы) князей Русены. Несущие на себе тяжести, они изображены с красными бородами. Надпись над этим изображением гласит: “Это самый лучший выбор всякой утвари земли их серебра, золота, лазоревых камней, зелёных камней и всяких других драгоценностей”. Эти подарки севера весьма ценны по материалу, художественной форме и отделке. Под руководством способнейших в изящных искусствах хару-финикийцев вдоль восточного берега Средиземного моря развилась и оформилась школа высокого искусства. Её мастера придавали изящные формы не только предметам роскоши, но и вещам повседневного спроса. Эти предметы развозились финикийцами в разные страны и повсюду служили примером для подражания.

В XIV-XIII вв. до н.э. фараоны XIX династии Сети I, Рамзес II и Мернепта совершили новые завоевательные походы в Ханаан. С одной стороны, это были карательные акции по отношению к местному населению, а с другой – акции, связанные с длительными и крупномасштабными войнами с хеттской державой. Так, поход Сети I против Русены закончился взятием Кадеша в “земле амореев”. Часть своей добычи фараон посвятил своему покровителю – богу Амону. В надписи, посвященной этому событию, говорится: “Царь приносит добычу отцу своему Амону, возвратившись из презренной страны Русены; (она) состоит из серебра, золота, голубых, зелёных, красных и других самоцветных камней, и из царей народов, которых он держит связанным в руке своей, - дабы наполнить ими запасные склады отца своего Амона за победу, дарованную им царю”. К этому добавляет надпись о пленных: “Цари народов, не знавших Египта, приводятся пред фараоном вследствие победы его над презренной землей Русены. Они так говорят, чтобы превознести его святость и воздать хвалу его великим деяниям: Хвала тебе! Сильно имя твое, велика слава твоя, радоваться может народ, подвластный твоей воле, но скованным является тот, который переходит твои границы. (Клянемся) именем твоим! Не знали мы Египта, не входили в него отцы наши. Подари нам свободу из руки твоей”. В изображениях даров храму мы видим золото, серебро, драгоценные камни в кошельках или мешках, а также разные золотые сосуды, в числе которых мы упомянем о рогах, из которых пили вино; все эти вещи украшены головами животных и другими изящными украшениями.

Любопытна та связь, которую устанавливает надпись между русенами и хеттами: “ Великих царей презренной земли Русены ведет сюда царь вследствие своих побед над народом хита, чтобы наполнить хранилища своего отца Амона-Ра, господина Фив, потому что он ему даровал победу над миром юга и подчинение мира северного”. Под “миром северным” здесь понимается Нижняя Русена, которая до похода Сети I контролировалась хеттами.

В середине XIV в. до н.э. хетты разгромили митаннийцев. После этого нашествия государство Митанни вступает в полосу смут и раздоров. В ходе борьбы за высший престол арии утрачивают здесь свои позиции: с середины XIII в. до н.э. среди имен митаннийской знати пропадают арийские имена. Свою возросшую силу хетты продемонстрировали и Египту. На рубеже XIII-XII вв. до н.э. объединенная коалиция азиатских стран во главе с хеттским царем Муваттали отразила набег египтян на Сирию. Для войны в Азии фараон Рамзес II собрал двадцатитысячное войско. Армия Муваттали состояла из 30 тысяч воинов. Решающее сражение состоялось у города Кадеш на реке Оронт (близ современного города Хомс в Сирии). В этой битве египтянам устроили засаду, и хотя Рамзесу II удалось вырваться из окружения и отразить противника, он так и не сумел победить хеттов и овладеть городом. Однако и хетты не сумели продвинуться на юг. Для ариев Митанни, Русены и Арсавы ее исход, думается, был безразличен, поскольку сражались их враги. Но воины-арии, как подданные хеттского царя, входили в состав его войска.

Египтяне при поддержке семитских племен планомерно “выдавливали” арийские племена с территории Ханаана. Союз с митаннийцами позволил русенам несколько приостановить этот процесс, правители с арийскими именами известны в Палестине вплоть до XIV в. до н.э., что объясняется сильным влиянием здесь митаннийцев, но в целом арии все более и более “растворялись” в местной среде. В восьмой год царствования Рамзес II совершил карательную экспедицию в Ханаан. Египтяне воевали в той части страны, которая позднее называлась Галилеей. Жители этой области и соседних с ней местностей так упорно возмущались против фараона, что он специально предпринял против них поход, закончившийся взятием их укрепленных мест и отправлением в Египет военнопленными их царей, старшин и всех способных носить оружие. Раздражение египтян против этих возмущившихся народов высказалось в изображениях, в которых победители злословят над побежденными, бьют их и, для обозначения презрения к ним, дергают их за длинные ханаанские бороды. Изображение взятых городов находилось на одном из пилонов Рамзесова храма западной части Фив. Для каждой крепости была начертана особая надпись, начинающаяся словами “Это город, взятый царем в год 8-й”; к этому добавлялось название местности. В частности, был захвачен ряд городов в земле амореев, а также Салем (по-древнееврейски “мир”). Традиционно полагают, что это укороченное название Иеру-салима, т.е. “Яр-мира” – или “Мира ариев”.

После многолетней кровопролитной войны между египтянами и хеттами был заключен мирный (скрепленный женитьбой Рамзеса II на дочери хеттского царя) договор. “Это был оборонительный и наступательный союз, имевший целью держать в повиновении беспокойный и буйный мир ханаанских народов, находящийся посередине между договаривающимися сторонами, и, кроме того, воспрепятствовать всякому восстанию и движению враждебно настроенных семитов и вогнать их в те пределы, которые были им назначены. Мы заметим, что в этом договоре обращено особое внимание на тех дурно настроенных подданных Египта, которые стремились выселиться из долины Нила. Между строками, кажется, можно читать о народе израильском, который со времени своего вошествия в Египет умножился чрезмерно и, по всей вероятности, готовился уже

выйти из-под власти своих притеснителей” (Г. Бругш. Все об Египте). Важно добавить, что этот договор был направлен и против арийских племен, которые героически пытались отстаивать свою независимость. Достаточно сказать, что в это время для обозначения витязя египтяне стали использовать слово “аризель”. В этом слове только суффикс “эль” можно считать семитским по происхождению, но корневая основа арийская. Семиты называли богатырей-ариев на свой лад – ариэлями, и это название прижилось у египтян в значении “прекрасного воина”, “героя”.

Приблизительно в середине XIII в. до н.э. малоазийская Арсава сумела освободиться из-под власти хеттов. В то время это был единственный “островок” в Передней Азии и на Ближнем Востоке, где русены могли считать себя независимыми. Но впереди уже маячил призрак Троянской войны – войны, в ходе которой Средиземноморская Русь погибла.

* * *

Когда осенью 1880 года оксфордский профессор Арчибальд Генри Сэйс прочитал в лондонском Библейском обществе лекцию “Хетты в Малой Азии”, это вызвало настоящую сенсацию. Дело в том, что профессор утверждал ни больше, ни меньше, как то, что на территории нынешней Турции и Северной Сирии тридцать или сорок веков назад жил великий и могучий народ, о котором историки каким-то образом забыли. Не только современные историки, но уже и греческие и римские!

Журналисты сравнивали Сэйса со Шлиманом, раскопавшим на глазах у потрясенных современников гомеровскую Троию. И даже ставили его выше: ведь в данном случае речь шла не об одном городе, каким бы знаменитым он ни был, а об открытии целого народа! Правда, титул первооткрывателя хеттов должен был бы получить скорее ирландский миссионер Уильям Райт, который за два года до лекции Сэйса опубликовал статью с подобными же тезисами, а в 1884 году – книгу под вызывающим названием “Империя хеттов”. Вызывающим казалось уже само величание Хеттского государства империей. В глазах среднего англичанина таковой была лишь Британская империя или в крайнем случае царская Россия, в прошлом еще наполеоновская Франция, империя Карла Великого и, конечно, Римская империя. Но называть империей государство, забытое человечеством, а может, и вовсе не существовавшее, – это было уже чересчур. Поэтому восторги скоро превратились в сомнения, а сомнения – в насмешку.

Сэйс и Райт, однако, имели веские основания защищать свою точку зрения. Разумеется, они во многом заблуждались, но одна из их ошибок впоследствии оказалась особенно грубой: они недооценили значение и роль Хеттской империи!

Мы вспомнили эту поучительную историю потому, что находимся в точности такой же ситуации, что Сэйс и Райт. Даже в еще более худшей, ибо через сто с лишним лет после них заявляем, что на территории нынешней Турции, Северной Сирии, Палестины и Израиля во II тысячелетии до н.э. по соседству с хеттами существовало государство, роль и значение которого современные профессиональные историки тщательно замалчивают. Надеемся, читатель в достаточной степени убедился, что это именно так.

Введение Средиземноморской Руси в контекст древнейшей истории имеет фундаментальное значение. Мы подтверждаем гениальные предчувствия Ломоносова, Татищева и их последователей, указывавших на существование островков нашей отечественной истории, в том числе, и вне пределов Русской равнины. Покинув ее и разойдясь в самых разных направлениях, разные ветви русов собрались на ее пределах в конце I тыс. н.э., чтобы создать Киевскую Русь. У нас нет никаких сомнений, что первые русские князья рассматривали ее, как восприемницу славы Русены и ее историческую

наследницу. Оттого и не было у них разного рода надуманных проблем, типа норманнской теории, поскольку, подобно всем выдающимся деятелям нашего Отечества, они в полной мере осознавали и истинный масштаб, и истинный размах истории русов.

О СКИФАХ, РУССКОМ МОРЕ-ОКЕАНЕ И ГРАДЕ КИТЕЖЕ

Вертикаль. XXI век. № 47

Советский и российский географ Михаил Григорьевич Гросвальд (1921-2007) выпустил в 1999 году книгу “Евразийские гидросферные катастрофы и оледенение Арктики”. Она невелика по объёму, да и тираж её составил всего 1000 экземпляров. Но значение её со временем будет только расти. Выдающийся гляциолог, М.Г. Гросвальд высказал и научно обосновал теорию возникновения евразийских потопов. Его основная идея состоит в том, что ледники формируются не на континентальном шельфе, а непосредственно вблизи Северного полюса, в толще воды. Одним из следствий этого служит то, что ледниковые щиты могут перекрывать проливы (пути оттока воды) и способствовать образованию гигантских арктических озёр (по Гросвальду с высотой до 200-400 метров над уровнем океана). В моменты потепления климата подводная “плотина” разрушается, и вода из озера прорывается на континент. Из-за большого перепада высот она несётся с огромной скоростью, уничтожая всё на своём пути. М.Г. Гросвальд предполагает наличие в прошлом шести таких катастроф. Три последние по времени происходили соответственно 11,5; 9,6 и 7,6 тысяч лет назад. Первый из этих потопов совпадает по времени с традиционной датой гибели Атлантиды. Из трёх выделенных потопов он, видимо, был наиболее разрушительным, а тогда именно его следует называть Всемирным.

Теория Гросвальда гениально просто объясняет причину затопления Евразийского пространства в послеледниковую эпоху. На физической карте Евразии, согласно принятой картографами традиции, светло-зелёным цветом раскрашены области суши с высотой от 0 до 200 метров над уровнем моря. Тёмно-зелёный цвет на карте имеют более низкие, а светло-коричневый и коричневый более высокие участки суши. Во время Всемирного потопа, когда уровень океана поднялся до 150 метров, затопленными должны были оказаться только области с зелёной раскраской: “тёмно-зелёные” полностью уходили под воду, а “светло-зелёные” – частично, в зависимости от своей высоты над уровнем моря. К ним относятся европейские равнины, Западно-Сибирская низменность, приаральские земли и т.д. Одним из следствий потопа было образование в самом центре Евразии огромного моря или, лучше сказать, океана. Можно спорить о его границах, но он включал, очевидно, Чёрное, Азовское, Каспийское и Аральское моря и “залезал языком” в Сибирь. Воды океана также поднялись далеко вглубь Русской равнины по руслу

впадающих в него рек, затопив в значительной степени её территории и образовав водоём, который естественно назвать Русское море. Предпоследний и последний по времени “гроссвальдовские” потопа подпитали его, залив русскую Атлантиду ещё дважды.

Русское море напоминало гигантского змея, распластавшегося с юга на север, и по ассоциации с санскритским словом “phani” – “змея” его стали называть Понтом. Как супруг богини земли Геи, Понт представлялся Великим Змеем, создателем мира. В пользу нашей этимологии говорит также и то, что внучка Понта – Эхидна, – изображалась змеедевой.

Нижегородец Дмитрий Владимирович Квашнин в книге “Русь от Столпа Святогора” попытался обозначить реальные контуры Русского моря и восстановить историю его гибели. По мнению исследователя, максимально стабильный подъём его вод соответствовал 85-90 метрам над уровнем океана (для сравнения, уровень современных Волги и Оки в районе Нижнего Новгорода более, чем на 20 метров ниже). Д.В. Квашнин пишет: “Единое Русское море, поднявшись по руслам текущих в него рек, доходило до современных городов: Киева по Днепру, Воронежа по Дону, Ярославля и Костромы по Волге, Владимира по Клязьме, Ветлуги по реке Ветлуге, Алатыря по Суре, Уржума ” по Вятке, Сарапула по Каме и Уфы по реке Белой. На берегу этого моря или в его близости стояли такие современные города как Кишинёв, Кривой Рог, Днепропетровск, Черкассы, Полтава, Запорожье, Луганск, Элиста, Оренбург и Грозный. Все эти города (их исторические центры) занимают территории, находящиеся на абсолютных высотах около 90 метров. Образ этого моря, отразился во многих старинных русских сказках под названием “море-окиян”.

Неожиданно, не правда ли? Но это только часть, бесспорно, выдающегося открытия Квашнина. Причём, не самая шокирующая. К ещё более удивительному выводу он приходит, изучая рельеф и современные русла рек центральной России. Исследователь выдвигает (и обосновывает) гипотезу, что Гороховецкий отрог не имел современного разрыва между городами Гороховец и Горбатов, а был частью Мещерских гор. Но если это верно, то изначально целостный отрог мог выступать в виде плотины, сдерживающей воды прилегающей к нему котловины. По мысли Квашнина, это было громадное озеро, из которого путём прорыва Гороховецкого отрога впоследствии образовалась река Ока. Этот водоём “находился на территории Московской, Владимирской, Нижегородской, Тамбовской, Рязанской областей и республики Мордовия. Своими водами он заполнял естественную чашу, ограниченную с запада восточными склонами Среднерусской и Смоленско-Московской возвышенностей, с востока – западными отрогами Приволжской возвышенности, с юга – Окско-Донским водоразделом, с северо-востока – Гороховецким отрогом Мещерских гор” (Д.В. Квашнин. Указ. соч.). По своим размерам очерченный водоём не уступал современному Азовскому морю, а его абсолютный уровень составлял, как минимум, 125 метров, то есть на 40 с лишним метров был выше уровня Русского моря. Образованию современной Оки, таким образом, предшествовал прорыв водою части Гороховецкого отрога (его ширина в самом узком месте менее двух километров).

Не торопитесь утверждать, что это невероятный сценарий. Вода, как говорится, камень точит. А что до границ необычного водоёма, то судите сами. Высота центра Коломны – 125 м, Шатуры – 125 м, Гусь Хрустального – 125 м, Меленок – 130 м, Шатков – 130 м, Ряжска – 125 м, Рязани – 130 м. Все эти города расположены примерно на одном уровне, и объясняется это тем, что они находятся на месте древних поселений, которые ранее стояли на берегу водоёма. Квашнин придумал сценарий потопа, в общих чертах схожий со схемой Гроссвальда. В обоих случаях формируется “озеро” с повышенным уровнем составляющих его вод. Но если у Гроссвальда этот процесс происходит в океане,

то у Квашнина – на континенте. Перепад высот воды у “океанских” потоков на порядок выше, но их эпицентры отстояли дальше от центра Русской равнины. Поэтому масштабы катастроф в центре и на юге России для обоих случаев могут быть сопоставимы.

Согласно сценарию Квашнина, прорвав Гороховецкий отрог, огромная волна прокатилась вдоль современного русла Волги, губя её прибрежных обитателей, и вырвалась на простор Русского моря. Поселения людей, находившихся на его берегах, были снесены потоком, который в своём движении добрался до морей Евразийского океана, а через черноморские проливы и до Средиземного моря. Сам автор гипотезы датирует потоп временем глобального катаклизма, т.е. X тыс. до н.э.. Но с этим нельзя согласиться. При всей масштабности воображаемой картины потопа он всё-таки охватывал только области Русской равнины и Восточное Средиземноморье и не затрагивал северные районы. Более того, есть одно очень веское доказательство в пользу более поздней датировки этой катастрофы.

Основной удар стихии пришёлся на земли Нижегородской области. Но именно на её территории с незапамятных времён живёт легенда о граде Китеже. Народное предание, однако, связывает это название не только с озером Светлояр, но и с городом Городец на Волге. Его называют ещё малый Китеж в противоположность большому граду, который якобы приказал построить князь Юрий Всеволодович. Никаких следов большого Китежа не найдено, и самое время признать, что его в действительности никогда не было. Реально же существовал только малый Китеж. Он стоял на месте нынешнего Городца и был затоплен водами потопа (город находился поблизости от Гороховецкого отрога). Произошло это, конечно же, не во время Батыева нашествия, а гораздо раньше. Люди, выжившие после потопа, сохранили память о катастрофе, но в силу своей древности легенда обросла новыми подробностями и даже приобрела христианский смысл.

Запомнилось главное – факт затопления города и его название. А ещё люди говорили, что давным-давно горы по берегу Волги в южной части Городца назывались Китежскими. Потом их стали звать Пановы, поскольку по легенде они представляют курганы, где были погребены в древности огромные, рослые люди – “паны”, “старые, настоящие хозяева” этих мест. Историки соотносят “настоящих хозяев” с угро-финским племенем мери, но угро-финны появились на этих горах позже индоевропейцев.

Когда же, хотя бы приблизительно, случилась эта беда? Возможность датировать затопление града Китежа позволяет древнерусское историческое сочинение XVII века, известное под названием “Сказание о Словене и Русе”. Оно было чрезвычайно популярно в народе. По признанию современных специалистов, общее число списков этого произведения, имевших хождение на Руси, не поддаётся учёту (сегодня известно около 100 текстов, не всегда совпадающих друг с другом). Сказание представляет запись устной легенды, в течение многих веков передававшейся от поколения к поколению.

Оно начинается рассказом о том, что Скиф и Зардан вместе со своими родами спустя некоторое время после потопа обосновались в Ексинопонте (Причерноморье). “И живя там многа лета, и от сих породися сынове и внуцы и умножася зело, и прозвашася по имени прадеда своего Скифа Скифия Великая”.

Сказание сообщает, что рядом со скифами проживал род Зардана. Это имя можно прочесть, как “Царь рек”. Зардана естественно отождествить с Понтом. Он олицетворяет более древних обитателей Русской равнины, из среды которых выделились скифы. Произошло это после потопа, который датируется автором 2242 годом от сотворения мира. Православная Церковь соотнесла его с 5508 г. до н.э. Это условная дата, и самостоятельного значения, очевидно, не несёт. Другое дело, дата потопа, под которым естественно понимать катастрофу в Волго-Окском междуречье. Нам неизвестна методика

расчёта времени древних сказителей, но напрашивается предположение, что жрецы вели счёт годов после потопа, и это число было абсолютным. Поскольку существовала летописная традиция отсчёта времени от начала мира, то точно определяемые сроки пересчитывались соответствующим образом. Итак, у нас есть все основания считать, что время скифские историки отсчитывали от реальной катастрофы, произошедшей на их земле, и потому её датировка 3266 г. до н.э. представляется нам обоснованной. Это время и есть дата гибели града Китежа.

Скифская история, согласно летописцу, начинается позднее. Когда конкретно он не уточняет, но сообщает, что “в лето от сотворения света 3099 (2409 г. до н.э. – А.А.) Словен и Рус с роды своими отлучишася от Ексинопонта” направились на север. После 14-летних странствий первый из них основал город Словенск (Великий Новгород), а второй – Старую Русу. Учёных пугает столь раннее упоминание о славянах и русских, они и скифов-то на исторической сцене видят только с первой половины I тыс. до н.э. Но здесь нужно просто объясниться с терминологией. Автор сказания говорит о прямых предках славян и русских (то есть праславянах и прарусах), которых соотносит со скифами. И в этом смысле он нисколько не оригинален. Античные авторы запросто именовали скифами народы, проживавшие к северу от Причерноморья. Римский историк I века Помпей Трог, к примеру, вёл отсчёт истории скифов с середины IV тыс. до н.э. Летописец освещает единую линию древнерусской истории, поэтому информацию, содержащуюся в “Сказании о Словене и Русе”, следует воспринимать всерьёз. Наступит время, и археологи откроют в районе Новгорода следы городской культуры III тыс. до н.э., обязательно откроют.

Русская история намного древнее, чем пишут в наших учебниках. Чудовищные потопа смывали следы древних цивилизаций на Русской равнине, и теперь исследователям приходится по крупицам восстанавливать их историю. Но мы должны помнить, что уже в середине IV тыс. до н.э. в Волго-Окском междуречье была городская культура с центром в граде Китеже.

“ЛИШНИЙ” ЧЕЛОВЕК ВЛАДИМИР ЛЕНИН

**Из книги “Русский Дьявол: от Кощея до Воланда”
(М.: Яуза-Пресс, 2009)**

В июле 1917 года Леонид Андреев в статье “Veni, Creator” (“Гряди, победитель”) писал: “Ты почти Бог, Ленин. Что тебе все земное и человеческое? Жалкие людишки трепещут над своею жалкой жизнью, их слабое, непрочное сердце полно терзаний и страха, а ты неподвижен и прям, как гранитная скала. Они плачут, - твои глаза сухи. Они молят и проклинают, но ты их не слышишь. Что тебе земное? Ты выше слез, выше проклятий, выше презрения, - ты сам есть великое презрение, ставшее над землею”. Наверное, не все согласятся с этим мрачным впечатлением писателя от титанической деятельности Ильича. Но, похоже, у Андреева был дар предчувствовать мировые катаклизмы и выделять их режиссеров. Еще три месяца до Октябрьской революции, но писатель уже знает, что Ленин победит. Он ведет себя настолько уверенно, что Андреев называет его “почти Богом”. Андрееву страшно лицезреть эту нечеловеческую мощь, этот надвигающийся смерч. “Густится мрак, клубятся свирепые тучи, разъяряемые вихрем, и в их дымных завитках я вижу новый и страшный образ: царской короны на царской огромной голове. Кто этот страшный царь? Он худ и злобен – не Царь-Голод ли это? Он

весь в огне и крови – не царь ли это Вильгельм? Он с веревочной петлей поверх короны – не царь ли Николай это? Сгущается тьма. Мне страшно!”

Страшно и нам после прочтения этих строк. Уже в июле 17-го Андреев знает, что царь приговорен, что большевики “доют” немцев и сполна расплатятся с ними, и что грядет страшный голод. Он видит в Ленине будущего диктатора и абсолютно уверен в его грядущем триумфе. И это не галлюцинация или писательские бредни. “Вон улица и красные флаги. Вон милиция. Вон министры. И все вообще ждут Ленина”. Россиян, чье историческое сознание возросло на почве исторического материализма, такого рода пассажи не могут не удивить. А как же “сотни” агентов охраны, выслеживавших вождя? Как это могли министры Временного правительства и милиция содействовать приходу к власти большевиков? Да, еще вопрос, который Андреев вроде бы не к месту напрямую задает Ильичу: “Гряди, победитель! Еще недавно ты был никто, - ныне ты почти Бог, Ленин... ты знаешь это?” Богами не становятся, богами рождаются, поэтому андреевский вопрос можно перефразировать так: “Верите ли Вы в свою избранность, господин Ленин, или Вас мчит рок событий?” Действительно, что думал и чем жил Ильич в критические моменты своего восхождения к власти? Что творилось в тот момент в его душе?

Мы попробуем подобраться к этой теме с несколько необычной точки зрения, обратившись к истории выбора им своего политического имени – ставшим знаменитым псевдонима “Ленин”.

Для начала немного истории. В 1940 году, отвечая на вопросы, поставленные Институтом Маркса-Энгельса-Ленина, Д.И. Ульянов писал: “... о происхождении псевдонима Ленин должен сказать, что с Владимиром Ильичем лично об этом никогда не говорил, но имею основание предполагать, что этот псевдоним происходит от названия реки Лена”. Какая идея питала такое предположение, Дмитрий Ильич не открыл, но его объяснение стало хрестоматийным. Правда, оно подверглось сомнению, когда историк М. Штейн указал, что в данном случае Владимир Ильич ничего не выдумывал. Попросту в 1901 году он стал обладателем паспорта на имя потомственного дворянина Николая Егоровича Ленина. К Ильичу этот документ попал через Надежду Константиновну, по просьбе которой дочь Николая Ленина стащила из дома паспорт умиравшего отца.

Не будем обсуждать моральную подоплеку этой кражи, согласимся только, что она действительно имело место. Принимая эту историю, казалось бы, следует заключить, что причиной появления псевдонима послужило не пристрастие к сибирской реке, не женское имя Лена (версия большевика Н. Валентинова), а незаконное деяние, связанное с хищением паспорта. Однако так и остается неясным, почему же все-таки Ильич “прикипел” к имени Ленин?

Майкл Коллинз в своем детективе “Страх” написал: “Псевдоним – интересная вещь. Любой специалист скажет, что псевдоним всегда выдаст человека, который его придумал, - нужно только знать побольше о том, что этот человек собой представляет. У каждого из нас, говорят специалисты, нет в голове ничего такого, что не имело бы места где-то в прожитой жизни. Псевдоним стрелкой укажет на какой-то отрезок жизни, если достаточно знаешь об этой жизни. Конечно, иногда многое зависит от того, насколько человек хитер или встревожен в данное время. Большинство мелких преступников берут псевдонимы настолько простые, что их кто угодно может вычислить – обычно это вариация настоящего имени или имя с такими же инициалами. Но и в сложных ситуациях человек не способен придумать ничего такого, что не было бы связано с его жизнью”.

Ильичу не пришлось выдумывать свой знаменитый псевдоним, но чем-то он оказался ему дорог и близок. Чем же? Что в его жизни могло быть связано с этим именем?..

В этой ситуации имеет смысл возвратиться к мнению Дмитрия Ульянова. Скорее всего, оно зиждется на некоторой интуитивной догадке. Припомним фамилии, происходящие от названий рек, какие нам не раз встречались. Самые известные из них – Онегин и Печорин из русской классики. В произведениях русских писателей обнаруживаются и другие интересующие нас фамилии – Бельтов (фамилия образована от названия пролива Бельт, расположенного на севере Европы), Ильменев, Волгин, Волохов (от Волхова), Висленев (от Вислы), Керженцев. Литературные персонажи с этими именами весьма непохожи друг на друга. Но у них есть одна общая черта – все они герои своего времени. Не выведет ли эта идея нас к тайне псевдонима вождя?

“Исторически и биографически имена знаменательны... Имя определяет личность и намечает идеальные границы ее жизни... Не только сказочному герою, но и действительному человеку его имя не то предвещает, не то приносит его характер, его душевные и телесные черты в его судьбу...” (П. Флоренский. Имена). Посмотрим с этой точки зрения на нашу вереницу фамилий. Выделим вначале внутреннюю, объединяющую названные художественные образы символику. Река – живое начало. Не довольствуясь привычным руслом, она ищет новые пути, но вместе с тем размывает почву, подтачивает берега, а вырвавшись из их объятий, подчас творит разрушение. Эта двойственность присуща всем образам “героев нашего времени”. “Что такое Печорин? Существо совершенно двойственное, человек, смотрящийся в зеркало перед дуэлью с Грушницким и рыдающий, почти грызущий землю, как зверенок Мцыри, после тщетной погони за Верою” (А. Григорьев. Взгляд на русскую литературу после Пушкина).

Теперь о внешней или личностной символике “речных” имен. Она определяется географией, масштабом и характером реки. Так, герценовский Бельтов симпатизирует европейскому мироустроению, полон впечатлений, но бездействует, гончаровский Марк Волохов мелок и недалек, а лесковский Висленев “погорел” на польском вопросе. Имена наших персонажей отражают также их относительную общественную значимость. В размере (протяженности) реки, озера, пролива, связанных с именем героя, можно углядеть меру его влияния на современников. В этом отношении писатель и публицист Волгин из романа Чернышевского “Пролог” – тот, в ком отчетливо проступают черты самого пламенного революционера-демократа, - не знает себе равных.

Но вернемся к Владимиру Ильичу. Он был большой охотник до псевдонимов и имел их в общей сложности более сотни. Он прекрасно ориентировался в отечественной классике и часто извлекал из нее прозвища для окружающих. Ко всему прочему, он был осведомлен о слабости Чернышевского и Плеханова к “геройским” псевдонимам: первый из них написал автобиографический роман, в котором назвался Волгиным, а другой, используя герценовскую идею, выступал в печати как Бельтов. Так что глубинный смысл речных фамилий вряд ли остался загадкой для Ильича. Стоит подчеркнуть также, что самые разные литераторы, обращаясь к этой традиции русской литературы, пытались выдерживать сложившуюся иерархию общественной значимости персонажа, где “пальма первенства” отдавалась революционно настроенным личностям. В частности, яркий

консерватор Василий Васильевич Розанов использовал для себя достаточно скромный по сложившимся меркам псевдоним – Ветлугин.

Река Лена по протяженности превосходит все русские реки, и Волгу в том числе, поэтому в начале века псевдоним Ленин сулил своему обладателю взлет, не снившийся Волгину-Чернышевскому. Тот же “закон сравнения” предсказывал Ленину восхождение куда более крутое, нежели Бельтову-Плеханову. Предсказания псевдонима завораживали. Превзойти Плеханова – значит стать первым теоретиком партии, безусловным лидером российской социал-демократии. Затмить же Чернышевского можно было, только осуществив главную мечту его жизни – мечту о социалистической революции. Таким образом, имя Ленин прочно соединилось с идеей грядущей революции.

Новый псевдоним был подарком судьбы, но явился неожиданно кстати – в тот момент, когда подспудно зрел план определяющей книги жизни “Что делать?”. Издавая эту работу, Владимир Ильич подписал ее “Н.Ленин”, как бы освящая этим символическим именем свой первый шаг к организации революции. Публикация книги – особая веха в жизни вождя. В это время Ленин решается открыто проповедовать абсурдную для всех остальных идею о скором пришествии социализма. Именно в 1902 году он решительно заявил Н.А. Алексееву, что надеется дожить до социалистической революции, и при этом добавил “несколько нелестных эпитетов по адресу скептиков”. Валентинов, близко общавшийся с Лениным в 1904 году, также свидетельствует: “Вера в духе Чернышевского и левых народолюбцев, якобинцев-бланкистов в социалистическую революцию и неискоренимая, недоказуемая, глубокая, чисто религиозного характера (при воинственном атеизме) уверенность, что он доживет до нее – вот что отличало (и выделяло) Ленина от всех прочих (большевиков и меньшевиков) российских марксистов”.

Естественно, не всегда огонь ленинской веры горел ровным пламенем. В первые годы после неудавшейся революции он еле тлел. “Удастся ли дожить до следующей революции?” – спрашивал вождь свою старшую сестру осенью 1911 года. Ленин одним из первых увидел восход русской революции, но он и тяжелее других переживал ее закат. Вместе с угасанием революционных надежд у вождя меняется и отношение к имени Ленин. В период депрессии Владимир Ильич возвращается к использованию псевдонима Ильин. Это любимый псевдоним до-Ленинской (до 1901 года) поры. В промежутке с 1902 по 1907 год вождь игнорировал его. Однако позже он был “восстановлен в правах”, хотя и не получил права первенства. Фамилия Ильин, красовавшаяся на обложке “Материализма и эмпириокритицизма” – самой, наверное, воинственной в истории философии материалистической книги, являлась своеобразным противовесом романтическому, с налетом мистицизма псевдониму Ленин. “Борьба” двух псевдонимов продолжалась вплоть до лета 1917 года, времени всплеска новых революционных пророчеств вождя. Для нас крайне любопытен заключительный этап их противоборства. В начале 1917 года Владимир Ильич пишет работу “Новые данные о законах развития капитализма в земледелии” и подписывает ее В.Ильин (Н.Ленин). Весной этого же года в Цюрихе он заканчивает очерк “Империализм как высшая стадия капитализма”, но в его заголовке меняет псевдонимы местами. Автором работы значится Н.Ленин (Вл. Ильин). Точно так же подписана и книга “Государство и революция”. Раньше псевдонимы-соперники никогда

не употреблялись вместе. И это не мудрено: один “звал” на площадь, в гущу событий, другой – в тишь библиотеки. Видимо, в силу того же противоречия оказался непрочным и их временный “союз”. И если накануне революции псевдоним Ленин сумел вновь безраздельно завоевать симпатии вождя, то имя Ильина с тех пор уже навсегда исчезло из его арсенала.

Нет, похоже, не забывал Ильич о благой вести псевдонима и не шутя верил в нее. Косвенное подтверждение этому можно найти в его философском дневнике.

Конспектируя книгу Лассалья о философии Гераклита, Ленин сделал следующую выписку:

“Имена для него” (для Гераклита) “суть законы бытия, они для него – общее вещей, как законы для него – “общее всех”...”

И Гиппократ-де именно гераклитовские мысли в ы р а ж а е т, говоря: “Имена суть законы природы”.

Подобные мысли Владимир Ильич любил называть поповскими. Между тем, они не только переписаны (а значит, выделены как достойные внимания), но и снабжены отметкой на полях – “очень важно!” Мало того, что нематериалистическое утверждение не встречает с его стороны возражений, оно еще признано очень важным. В чем тут дело? Да, наверное, в том, что Владимир Ильич искренне верил в предсказание псевдонима даже в те отчаянные для его духа периоды, когда революцией, как говорится, и не пахло. Ко времени написания “Философских тетрадей” (1914-16 гг.) мысль Гераклита не казалась ему чем-то туманным и чуждым, а многолетний собственный опыт был той практикой, которая доказывала ее жизненность.

Ленин был скрытный человек. “В то, что он считал своей частной жизнью, никто не подпускался” (Н.Валентинов). Никому не доверил Ильич и тайну своего псевдонима, ибо с ней было связано то самое важное и сокровенное, что составляло его “подлинную душевную сердцевину”, “действительный религиозный центр” (С.Булгаков) – вера в свою избранность и предназначенность. Этот островок религиозности, прятавшийся в ленинской душе, не удалось затопить никаким штормам воинствующего атеизма. Если мы правы, то вождь непосредственно ощущал иррациональное влияние имени на свою жизнь. Оно рождало мессианские предчувствия и удесятерило мощь ленинского гения, оно крепило дух и волю вождя. Это действительно было для него “очень важно”! И думается, что на вопрос Андреева в июле 1917 года: “Ты почти Бог, Ленин... ты знаешь это?”, Владимир Ильич ответил бы: “Да, знаю!”

ШИФРОВАННЫЕ ПСЕВДОНИМЫ ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА

Литературная Россия, 2014. № 5.

В постперестроечное время Иосиф Виссарионович стал, пожалуй, стал наиболее популярным персонажем исторической беллетристики. Сотни статей и десятки книг посвящены ему. Похоже, что наступило время, когда ученые самых разных взглядов решили по-настоящему разобраться в том уникальном явлении, которое окрестили “сталинизмом”. Образ кровожадного диктатора с весьма ограниченными умственными способностями, который создали и всячески пропагандировали заправилы “желтой прессы”, может быть сдан в архив за полной ненадобностью. Сталин предвидел все это. Незадолго до гибели он говорил: “Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории безжалостно развеет ее...”

Это предсказание сбывается. После почти полувекового периода тенденциозных оценок и крайне поверхностной критики вдруг обнаружилось, что и дело вождя, и его опыт заслуживают самого пристального и глубокого изучения. Для подавляющего большинства исследователей сегодня совершенно очевидны не только негативные, но и положительные стороны правления Сталина. Что было, то было: Сталин – колосс на “стальных ногах”, выковавший сам себя и пришедший к власти за счет своих недюжинных способностей. Такие люди рождаются нечасто, это в полном смысле сверхчеловек. Но ощущал ли себя таковым Иосиф Виссарионович? Включал ли сам себя в число избранных?

Не мы первые обращаемся к этой теме, и существуют сочинения, затрагивавшие эти вопросы. К их числу относится, в частности, исследование Вильяма Похлебкина “Великий псевдоним”, представленное в Интернете (www.stalinism.newmail.ru). Знаменитый автор кулинарных книг попытался заглянуть в душу Иосифа Виссарионовича.

“Как случилось, что И.В. Джугашвили избрал себе псевдоним “Сталин”? - пишет он. – Каждому должно быть понятно, что ответить на этот вопрос одной-двумя фразами невозможно. Но не каждый поймет, что вопрос этот долгие годы представлял собой загадку. И раскрыть ее тайну никому еще не удавалось”. Отчасти это было связано и с личным пожеланием вождя. В 1949 году в период борьбы с “космополитами”, когда в газетах стали сообщать подлинные фамилии еврейских писателей, поэтов, журналистов, Сталин публично выступил на одном из совещаний и осудил тех, кто раскрывал литературные псевдонимы, подчеркнув, что это недопустимо. В этом “особом мнении” советские историки увидели намек на то, что и вопрос о псевдонимах самого Иосифа Виссарионовича не должен обсуждаться никоим образом. Дисциплинированные советские ученые не посмели нарушить это “табу” и в более поздние времена, когда гнева тирана можно было уже не бояться. Похлебкин первым предложил рассматривать вопрос о великом псевдониме великого человека как научную проблему, и в этом его несомненная заслуга.

Общее число выявленных в настоящее время сталинских псевдонимов равно 31. Среди них, безусловно, выделяются только два – Коба и Сталин. Под первым он вошел в историю революционной борьбы на Кавказе. Традиционно считается, что этот псевдоним Иосиф Виссарионович заимствовал у героя романа “Отцеубийца” грузинского классика А.Казбеги, которого также звали Кобой. Литературный Коба был горцем-абреком и видел смысл жизни в борьбе за независимость родины. В связи с этим Похлебкин замечает, что образ героя-одиночки вряд ли мог привлечь молодого Иосифа. Все известные факты его политической биографии говорят, что он старался выступать в роли организатора и координатора действий, но не был героем-“суперменом”, вроде Камо. Сталин прославился своими методичными и продуманными действиями, его работа внешне не выглядела

яркой и броской, но была внутренне содержательна. Его речи не зажигали, но околдовывали. Кроме того, Иосиф Виссарионович обладал имперским мышлением и ни о какой независимости или о привилегированном положении Грузии никогда не думал. Да и равняться на героя второсортного романа было не в его стиле, слишком мелко! У великих людей и причуды необычные. А псевдоним – это фирменный знак личности, ее сущностное выражение. Сталин мыслил себя в ряду царей и пророков, а не ратных богатырей и героев-авантюристов. Поэтому нам более по душе другая версия относительно происхождения псевдонима “Коба”, предложенная самим Похлебкиным и ориентирующаяся на прояснение глубинного смысла этого имени и его символизм.

“Так, если исходить из того, что Коба (Кобе, Кова, Кобь) взято из церковнославянского языка, то оно означает – волховство, предзнаменование, авгура, волхва, предсказателя...

Если же исходить из того, что это слово – грузинское и означает имя, то Коба - это грузинский эквивалент имени персидского царя Кобадеса, сыгравшего большую роль в ранне-средневековой истории Грузии.

Царь Коба покорил Восточную Грузию, при нем была перенесена столица Грузии из Мцхета в Тбилиси (конец V века), где она и сохраняется в течение 1500 лет неизменно.

Но Коба не просто не просто царь из династии Сасанидов, он – по отзыву византийского историка Феофана – великий волшебник. Обязанный в свое время своим престолом магам из раннекоммунистической секты, проповедовавшей равный раздел всех имуществ, Коба приблизил сектантов к управлению, чем вызвал ужас у высших классов, решившихся составить против Кобы заговор и свергнуть его с престола. Но посаженного в тюрьму царя-коммуниста освободила преданная ему женщина, и он вновь вернул себе трон. Эти подробности биографии царя Кобы кое в чем (коммунистические идеалы, тюрьма, помощь женщины в побеге, триумфальное возвращение на трон) совпадали с фактами биографии Сталина. Более того, они продолжали совпадать и тогда, когда Сталин расстался с этим псевдонимом, ибо в 1904-1907 гг. Сталин не мог, конечно, предвидеть 1936-38 гг., но он знал, что его двойник царь Коба в 529 г. (за два года до смерти) зверски расправился со всеми своими бывшими союзниками – коммунистами-маздакитами...

Нет никакого сомнения, что исторический прототип, послуживший основой для псевдонима Коба, т.е. царь-коммунист Кобадес, импонировал Сталину, как государственная и политически сильная, значительная личность, и кроме того, обладал в своей биографии чертами поразительно сходными с биографией и психологией самого Сталина”.

Согласимся, что гипотеза Похлебкина задает совершенно иное настроение в восприятии фигуры вождя. Человек, выбравший для себя запредельные ориентиры, и ведет себя по-другому. Помимо таланта и способностей для достижения успеха необходима еще и психологическая устойчивость, уверенность в своем высоком предназначении. Здесь всего один шаг до разного рода мистических предощущений, но славу и известность, действительно, обретают только те, кто смолоду верил в свою звезду. С этой точки зрения и повороты в судьбе нашего героя следует воспринимать как последовательные шаги к осуществлению юношеской мечты.

К примеру, годы в семинарии были чрезвычайно важны для формирования личности вождя, его знакомства с духовными основаниями мира. Однако пребывание там носило для него вспомогательный характер: оно дало необходимое образование и вместе с тем предопределило выбор будущей деятельности. Юноша решил не молиться за счастье своего народа, а ковать его совсем иными методами. Шаг решительный, поскольку

броситься в море неизвестности не так-то просто. Но ведь он был продиктован каким-то внутренним переломом!

Имя Коба вдохновляло Иосифа Виссарионовича и настраивало на борьбу за утверждение лидерства в партии. Но у этого псевдонима была и отрицательная черта. Он имел восточные корни и был хорош для революционера только на Кавказе. В России же он выглядел нарочитым и непривычным. Кстати, в этом смысле очень неудачен псевдоним Льва Бронштейна. Фамилия Троцкий абсолютно неблагозвучна. Возникла она в голове неистового революционера, вероятно, как искажение слова “Троица” и связана с имевшимся у него опытом каббалистической практики. Говоря “Троцкий”, русские люди, по мысли обладателя этой фамилии, как бы исполняли обряд глумления над святым для каждого православного словом. Иосиф Виссарионович же преследовал совершенно иные цели. Его псевдоним должен был помогать своему хозяину и внушать всем окружающим уважение. В качестве наиболее приемлемого заменителя Кобы он остановился на фамилии “Сталин”.

В начале 20-х годов в партийной среде и особенно среди интеллигенции было распространено мнение, что “Сталин” это простой перевод на русский язык грузинского корня его фамилии – “Джуга”, что якобы означает “сталь”. Такое мнение бытовало все советское время, и было многократно упомянуто в литературе о Сталине. Вот почему вопрос о происхождении псевдонима “Сталин” был как бы автоматически “снят” заранее, поскольку считалось, что происхождение это известно, и что оно вполне стандартно, тривиально. Однако это не только не так, но и является прямой выдумкой, не имеющей под собой никакого основания. Дело в том, что, как отмечает Похлебкин, сами грузины просто не знают, что означает слово “джуга”, ибо слово это очень древнее. Звучит оно вроде бы по-грузински, но вот значение его утрачено.

Другое распространенное толкование предполагает соотносить псевдоним вождя со словом “сталь”. Так, Анри Барбюс, не скрывая восхищения, писал: “Это – железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин – сталь. Он несгибаем и гибок, как сталь”. Конечно, можно, доверившись гипотезе французского писателя, остановиться на этом объяснении и перестать фантазировать на сей счет. Но это будет в корне неверно. Да, для руководителя партии, призванного сплотить всех своих подчиненных в единый, стальной кулак, эта фамилия выбрана исключительно удачно. Только станет ли менять человек свой шифрованный, обладающий тайным смыслом, псевдоним на вполне заурядную фамилию, пусть даже порождающую широкие ассоциации? Нет, нет и еще раз нет! В имени “Сталин” заключена тайна, не менее значимая, чем в случае с Кобой.

Иосиф Джугашвили первый раз подписался новым псевдонимом “К.Сталин” в январе 1913 года при публикации первой крупной теоретической работы “Марксизм и национальный вопрос”. От старого псевдонима “Коба” Сталин сохранил только один инициал. Он как бы служил “связующим звеном” с предыдущим периодом его революционной деятельности, который можно назвать кавказским. В марте 1908 года Сталин был сослан в Сольвычегодск. Затем был побег и новая ссылка туда же.

Вильям Похлебкин считает, что именно во время северных ссылок Иосиф Виссарионович “превратился” в того Сталина, который впоследствии триумфально взойдет на вершины власти. Он пишет: “Здесь, на Севере, оторвавшись, наконец, от закавказской среды и интриг, Сталин впервые чувствует, что собою представляет Россия, какой огромный морально-политический потенциал для революции составляют здешние русские люди, глубоко чистые душой, кристально честные, искренне чуждые всяким капиталистическим соблазнам, готовые к самопожертвованию и беспредельному терпению. Сталин впервые, таким образом, сталкивается с русским коренным народом и

осознает, что симпатии этого народа ему будет довольно легко завоевать, ибо народ этот доверчив, открыт и готов жертвовать собой ради светлой идеи и ради того, кто кажется ему умнее, сильнее и решительнее его самого. А это открывает совершенно новые перспективы и в революционной работе, и в революционной карьере самого Кобы”.

Похлебкину вторит Алексей Меняйлов, автор книги “Сталин: прозрение волхва”, который в довольно раскованной манере пробует доказать, что в Сольвычегодске Сталин пережил инициацию (духовное преображение), то есть окончательно осознал свою принадлежность к числу избранных - хранителей тайного знания или, в меняйловской терминологии, волхвов. Если Похлебкин не выходит за рамки рациональных марксистских категорий, то Меняйлов упирает на мистические переживания, изменившие Кобу. При этом писатель идет существенно дальше своего предшественника и глубже вникает в суть сталинской метаморфозы. Он совершенно справедливо замечает, что “переход от “Кобы” к “Сталину” – вовсе не перпендикуляр в восприятии Сталина, как утверждает Похлебкин, а именно уточнение, внутреннее развитие, углубление взаимоотношений с собственным подсознанием, возможно, и с разумом”. В финале своего исследования Похлебкин, в самом деле, сбился с правильного пути и написал, что имя “Сталин” – производная от фамилии какого-то безвестного переводчика Сталинского. Этот вывод в значительной степени снижает ценность его сочинения. Стоило ли “городить огород”, чтобы заключить поиски такой откровенной глупостью? Это и имеет в виду Меняйлов, когда говорит о “перпендикуляре в восприятии Сталина”. Правда, сам он также не сумел разгадать тайну великого псевдонима, хотя суть его обозначил идеально.

Не стоит забывать и про еще один мистический момент: в декабре 1912 года Сталину исполнилось 33 года. Это возраст Христа. В 1912, решающем для себя году он проявляет чудеса работоспособности. Его, безусловно, вдохновляет, что в январе по ходатайству Ленина он введен в состав Русского бюро ЦК РСДРП(б) и в ЦК в целом. Оказавшись в Петербурге, Сталин с конца февраля развивает кипучую деятельность по подготовке к выпуску первого номера “Правды”, что и происходит 22 апреля 1912 года (ко дню рождения Ленина – тонкий ход хитроумного кавказца!). В тот же день Сталина арестовывают и ссылают подальше от Петербурга, в самую глушь – Нарымский край. Но Сталин вскоре бежит оттуда, причем, осуществляет побег блестяще. Сам Иосиф Виссарионович настолько гордился им, что даже рассказывал о нем после революции: Сталин настолько располагал к себе ямщиков на сибирских трактах, что ни один из них не выдал беглеца полиции.

Возвратившись в Петербург в середине сентября, Сталин вновь с головой окунается в работу. По указанию Ленина он готовит выборы от рабочей прослойки в IV Государственную Думу, в октябре пишет “Наказ депутату”, одобренный Лениным, а в ноябре и декабре не только ведет интенсивную переписку с Лениным, но и дважды выезжает на встречи в Австро-Венгрию и в Краков. Тогда же он по прямому заданию вождя начинает работать над статьей “Марксизм и национальный вопрос”.

Все эти достижения, конечно же, придавали особенную веру в себя и в свои будущие успехи. Естественно предположить, что псевдоним “Сталин” служил отражением этих ощущений, магическим словом, окруженным мистическим ореолом.

В связи с этим имеет смысл немного поговорить об отношении Сталина к мистике. Крайне любопытные сведения на этот счет приводит Алексей Виноградов в книге “Тайные битвы XX столетия”. Так, по личному распоряжению вождя из Ленинграда в Москву в 1930 г. была перевезена некая Наталья Львова. Потомственная ведьма, она использовала в своей практике, по воспоминаниям Анны Ахматовой, огромный спектр колдовских принадлежностей – от ритуального кинжала атаме до высушенных лапок

неведомых птиц. Этот набор для выполнения обрядов черной магии она всякий раз брала с собой, когда ее вызывал Сталин. И всякий раз результатом этих таинственных визитов колдуньи были кадровые перестановки в руководстве большевиков. Известно также, что обращался вождь к экстрасенсу и “провидцу” Вольфу Мессингу.

Современный знаток оккультизма Б. Тулин-Шапиро сообщает другую, не менее интересную деталь из жизни “вождя народов”. Сталин дарил на память гостям и знакомым только одну свою растиражированную фотографию, на которой он – вполборота, сощурившись, раскуривает трубку. Почему Иосиф Виссарионович остановился на этом изображении, как подарочном? Все объясняется очень просто: оно не годилось для энвольтования (магический обряд воздействия на изображение или куклу конкретного человека при помощи иглы с целью пробить “ауру” реального прототипа, нанести ему физический вред, вплоть до смерти). Глаза Сталина (самое уязвимое в магическом смысле место у человека) на том снимке прикрыты, а “внешний энергетический контур” защищен огнем.

Вообще у вождя проявлялись странные для лидера “воинствующих атеистов” интересы. Так, он штудирует книгу Анатоля Франса “Диалоги под розой”, и, судя по многочисленным пометкам, игра с оккультным значением розы как символом тайны ему явно импортирует. Он читает о “душе, флюидах, эфире” и прочих, не соответствующих материализму вещах, обводит кругом – знаком солнца фразу о тайном солнцепоклонничестве Наполеона.

В одном из своих выступлений Сталин сделал весьма откровенное признание: “От звания ученика, через звание подмастерья к званию одного из мастеров нашей революции – вот какова, товарищи, школа моего революционного ученичества” (Сталин И.В. Сочинения. Том 8. М.: 1948, с. 175). В этой фразе Иосиф Виссарионович воспользовался масонской терминологией, обозначив, тем самым, свое знакомство с темой закрытых обществ и тайных союзов. В связи с этим напомним, что Сталин был знаком с Гурджиевым. Они оба закончили одну семинарию в Тифлисе. Затем молодой Джугашвили стал фактически “духовным учеником” Гурджиева и даже жил, “просвещаясь”, у него на квартире. К тому времени, “учитель” успел много пропутешествовать по Востоку, изучив там опыт тамошних мистических школ. В 1905 г. этот мистик окунается в революцию. Он участвует в деятельности боевой группы... опять же вместе с верным Джугашвили.

Связи “мастера” и “ученика”, похоже, сохранились и после того, как последний обосновался в Кремле. В 1922 году Гурджиев приобрел старинный замок недалеко от Парижа. Откуда появились такие огромные деньги у нищего эмигранта? Кто помогал ему? Д.А. Жуков проясняет эту ситуацию, когда сообщает, что официально в этом замке “лечили пьяниц и наркоманов, а неофициально – продавали нефтяные промыслы в советском Азербайджане... и еще кое-чем занимались”. Это “кое-чем”, на которое профессионально тонко намекает старый чекист, обозначает тайные операции советской агентуры. Прикрытием ее и выступал гурджиевский “Институт гармоничного развития человека”.

Итак, мы теперь вполне готовы приступить к расшифровке великого псевдонима. Идея, заключенная в нем весьма проста, но ведь все гениальное просто! Давайте запишем слово “Сатанаил”. По древнееврейски оно означает “Сатана-бог”. А теперь будем из букв, образующих это имя, составлять всевозможные слова. Обычное каббалистическое упражнение, только среди различных вариантов обнаружится слово “Сталин”. Вот и разгадка псевдонима. Сталин – это Сатанаил или Сатана-бог. Неожиданно, не правда ли? Но ведь мы же с самого начала предупреждали, что Иосиф Виссарионович – личность необыкновенная. Ученик Гурджиева, в личной библиотеке которого было 15000 книг.

Увлечшись в свое время историей ранних коммунистических движений (помните про царя Кобадеса и маздакитов!) Сталин, разумеется, прочитал и про их более поздних последователей – богомилов

Богомильство (по имени вождя Богомила) – еретическое движение, возникшее на христианской почве. Оно зародилось и развивалось на Балканах в X-XIV веках, а в более позднее время, вплоть до XVII века существовала как секта. Злое и доброе начало богомилы считали порожденным от высшего, особого верховного Существа и притом так, что носитель зла Сатанаил был старшим его сыном, а добрый Иисус – младшим. Все вместе они составляли Троицу, над которой, как предполагалась, витает еще вторая, явно гностическая, из Бога, Слова и Духа святого. Троица столь же духовна, как и само Существо, которое пребывает бестелесным, но человекоподобным. Сатанаил властвует над миром видимым. Полный гордости, он возмутил ангелов против Бога, отца их, и последний принужден был низвергнуть дерзких с неба. Сатанаил только этого и ждал.

И вот он, довольный видимым успехом своих замыслов, основывает из новых подданных новое царство, мир телесный. Из материи, при помощи земли и воды, он создает Адама. Первый человек уперся ногой в землю, и из ноги его истекла влажность, принявшая форму змея, затем потек духовный эфир, но свойства нечистого; Сатанаил думал обратить его на человека, но он попал в змея. Тогда Сатанаил обратился с молитвой к верховному Богу и просил Его дать ему одну из запасных душ. Потом понадобилась еще одна для Евы. Но прежде чем допустить Адама до Евы, Сатанаил сам совокупился с ней. Сын Евы Каин и дочь Каломена были плодом этого совокупления; в них семя великого нечестия. От Адама Ева родила Авеля. Если тело людей губительно, то в душах наследственно продолжает присутствовать часть небесного эфира, как ни старается мрачный Сатанаил ввести род человеческий в гибельное падение.

Чтобы пресечь происки Сатанаила, Господь послал на землю другого своего сына, Христа, чье имя Слово или архангел Михаил. Он вселился в одного из ангелов, в Марию, и, пройдя через ее ухо, остался чист и свят по-прежнему, с тем же небесным, призрачным телом, чуждым земных ощущений. Он погиб ради спасения людей, долго гонимый и, наконец, убитый своим могучим братом. Снизойдя в ад, Иисус приковал Сатанаила, но не избавил род человеческий от его происков. Отныне людям, дабы достигнуть спасения, необходимо бороться с плотью. Совершив свою спасительную миссию, Иисус вернется к пославшему его, с которым Он и святой Дух сольются воедино, зло исчезнет, никакого иного Бога не станет, кроме бестелесного, но человекоподобного Существа.

Вот такое любопытное перетолкование христианских мифов. Особенно популярным это учение было в славянской Болгарии. Отсюда оно проникло в западные страны, где было почти дословно перенято альбигойцами. Мы можем лишь предполагать, как Сталин относился к мистическим положениям богомильства, но роль Сатанаила ему была явно по душе. Он сам, начиная с конца 20-х годов, единолично, руководил возведением прекрасного нового мира, он предопределял путь развития мировой цивилизации и решал ее судьбу после победы в войне. Будучи лидером мировой сверхдержавы, победившей фашизм, он предстал для простых смертных в роли человекобога. В этом смысле можно утверждать, что внутренние ожидания, связанные с выбором псевдонима в 1912 году, сбылись на все сто. Сыграть роль старшего брата Христа – это, как говорится, круто, “высший пилотаж”. Эту роль не играл никто в мире, кроме Иосифа Виссарионовича, конечно. И это “ключ” к разгадке его личности и его этапа проявления страной! Выступать для всех олицетворением злых начал, но не быть выше Творца и Зиждителя, ощущать себя старше, опытнее и практичнее своего младшего брата Христа – самоощущение, достойное вождя всех времен и народов! С этой точки зрения

совсем по-другому следует оценивать сталинское “ха-ха!” на полях уже упоминавшейся книги Франса по поводу следующей фразы: “Воздают благодарность богу за то, что он создал этот мир, и воздают ему славу за то, что он создал другой мир, совершенно отличный, где вся неправда этого мира будет исправлена”. Здесь в вожде была затронута отнюдь не атеистическая, а богомильская струнка!

Вследствие своей склонности к скрытности и лицемерию богомилы, всегда обладавшие тактом, умели искусно прятать свой политический цвет, который ничем не обнаруживали, пока не рассчитывали на верный успех. Не напоминают ли эти их этические установки сталинскую линию поведения? Целью земного существования еретиков являлось высшее духовное совершенство. Отказ от собственности и аскетические опыты были для них богоугодным делом. Можно, конечно, махнуть рукой на эти наши параллели, но отрицать, что в быту Сталин решительно отличался от большинства советских руководителей никто не будет.

В 1927 году, по воспоминаниям начальника охраны, дача Сталина не имела ни удобств, ни прислуги, и он с семьей приезжал туда на выходные с приготовленными бутербродами. И впоследствии его пренебрежение к быту сохранилось: он не имел практически никаких личных вещей, даже лишней пары обуви или какой-то одежды. Единственным его богатством была огромная библиотека. Не выглядит ли это сознательное пренебрежение бытовыми удобствами неким ритуалом, стремлением обрести статус “совершенного” в рамках богомильской или какой-нибудь другой дуалистической традиции? Кстати, в письме Надежде Аллилуевой, написанном во время лечения на Кавказе 14 сентября 1931 года, Сталин ласково называет свою дочь Светлану Сатанкой, то есть дочерью Сатаны. Да и самый первый псевдоним Иосифа Виссарионовича – Бесошвили, если только считать его корень русским, а суффикс грузинским, означает “сын беса”. Круг замкнулся: что первый псевдоним, что последний – все едино! Удивительно легко и просто объясняется и страсть Сталина работать по ночам – когда еще трудиться сыну Дьявола?

Сталин не был атеистом. Он категорически запрещал выписывать в свою личную библиотеку атеистическую литературу, брезгливо называя ее “антирелигиозной макулатурой”. Как и всякий теист (то есть не атеист) он думал и о посмертном существовании. В книге Франса он отчеркнул на полях фразу: “Есть люди, которые больше боятся небытия, чем ада”. Что в ней затронуло Иосифа Виссарионовича? Ад страшен, но это все-таки существование, жизнь после жизни. Но небытие – это абсолютное Ничто. Сталин хотел победить Ничто. Проект постройки Мавзолея, который приписывают волеизъявлению народа, на самом деле придуман им! Придуман с единственной целью: оказаться впоследствии внутри этого Мавзолея и гарантированно победить это Ничто. Остаться в этом мире, который, по его мнению, создал вовсе не Бог...

ОДИССЕЯ ЧЕРТОПОДОБНОГО ПАВЛА

Земляки. Нижегородский альманах. Выпуск 8 (2009 г.).

Андрей Белый, этот гений въедливости, как окрестил его В.В. Набоков, усмотрел, что первая часть “Мертвых душ” – замкнутый круг, вращающийся так стремительно, что не видно спиц: при каждом повороте сюжета вокруг персоны Чичикова возникает символ колеса.

“Мертвые души” – это поэма-путешествие. Чичиков все время в пути, он исправно колесит по N-ской губернии в поисках выгодной сделки. Дорога – верная подруга Павла Ивановича. Правда, если начинается поэма с торжественного, уверенного въезда его в ворота гостиницы в довольно красивой рессорной небольшой бричке, то заканчивается позорным бегством, тихим улепетыванием, дабы не быть замеченным городским бомондом. Но это уже частности. Чичиков зовет нас проездиться по Руси, взглянуть на ее каждодневное житье-бытье и лишний раз задуматься: “Русь-тройка, куда ж несешься ты?”

Павел Иванович охотится за мертвыми душами, он намеревается стать, а в ходе действия и становится хозяином призраков, мертвецов. В этом своем качестве он, безусловно, выступает посредником между тем и этим мирами, посланником Сатаны. Да и фамилия его, как нам думается, возникла от слова “шишига”, одного из имен Черта. Набоков также находил Чичикова не просто дьявольским пошляком, но прямым агентом

Вельзевула: “Да и сам Чичиков – всего лишь низко оплачиваемый агент дьявола, адский коммивояжер: “наш господин Чичиков”, как могли бы называть в акционерном обществе “Сатана и К^о” этого добродушного, упитанного, но внутренне дрожащего представителя. Пошлость, которую олицетворяет Чичиков, – одно из главных отличительных свойств дьявола, в чье существование, надо добавить, Гоголь верил куда больше, чем в существование Бога. Трещина в доспехах Чичикова, эта ржавая дыра, откуда несет гнусной вонью (как из пробитой банки крабов, которую покалечил и забыл в чулане какой-нибудь ротозей), – непереносимая щель в забрале дьявола”.

Есть еще одна важная подробность, которую следует учитывать, следя за перелетами чичиковской брички по губернским просторам. Для того, чтобы заполучить мертвые души, стать их собственником, покупатель должен проникнуть в их мир. С художественной точки зрения это означает, что посещение Чичиковым каждого из помещиков должно выглядеть как переход в мир иной, посещение царства усопших, что, впрочем, является обычным делом для агента Дьявола. Попробуем же проследить маршрут чичиковского экипажа, который, скажем забегая вперед, продуман и выстроен не менее искусно, чем египетские пирамиды или Стоунхендж.

Резиденцией Павла Ивановича Чичикова во время пребывания в губернском городе NN является гостиница. Нижний ее этаж “не был выщекатурен и оставался в темнокрасных кирпичиках, еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе; верхний был выкрашен вечною желтою краскою; внизу были лавочки с хомутами, веревками и баранками. В угольной из этих лавочек, или, лучше, в окне, помещался сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно бы подумать, что на окне стояло два самовара, если б один самовар не был с черною как смоль бороною”. Описание внешнего вида гостиницы точь-в-точь соответствует картине костра: черная борода сбитенщика – это уголья, лавочки – дрова, первый этаж – сердцевина пламени, она всегда красная, а второй – его желтые языки, вздымающиеся неизменно кверху. Самовары в окне символизируют тот факт, что огонь в гостиничной “геенне” поддерживается постоянно. Сбитень, заметим, – это горячий напиток с медом, и упоминание о нем – последний штрих в картине “гостиничного костра”: где есть пламя, там всегда горячо.

Павел Иванович поселяется на втором этаже, получив “покойную комнату с тараканами”. Словосочетание “покойная комната” – двусмысленно. Можно подумать, что это комната, где человек отдыхает, располагается на покой, но можно также посчитать, что это покойницкая – жилище мертвецов и хранителей ада и адского огня. Петрушка вообще спит, не раздеваясь, как покойник; тюфяк, на котором он спал, Гоголь называет убитым, а тот особый запах, которым наполнена его “темная конурка”, подчеркивает замкнутость пространства и отсутствие воздуха. Сам же Чичиков отчего-то любит сравнивать себя с обитателем подземного мира и аттестуется губернатору как “незначущий червь мира сего”. Фрак же брусничного цвета с искрой, который он так любит одевать, символизирует, что его хозяин несет на себе огненную печать ада.

При встрече с губернатором Павел Иванович намекнул вскользь, что “в его губернию въезжаешь как в рай”. Конечно, это было перебором и неприкрытой лестью, но по-своему Чичиков был и прав. Он был заморожен простором нового для себя края и обилием в нем света. “Губернаторский дом был так освещен, хоть бы и для бала; коляски с фонарями, перед подъездом два жандарма, фореиторские крики вдали – словом все, как нужно. Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный. Все было залито светом”. В этой ситуации “червь мира сего” вполне мог обмануться и посчитать, что попал в райскую

страну. Впрочем, в своих суждениях Чичиков был очень трезв и обмануться высшим губернским светом мог разве лишь на день-два, пока живы были воспоминания о визите в парадиз помещика **Манилова**.

Деревня Маниловка выглядит карикатурой на те образы рая, который стремились воссоздать на земле сильные мира сего. Господский дом стоит на возвышении и вроде бы олицетворяет, как и беседка с надписью “Храм уединенного размышления”, устремленность его хозяев к небесному, светлому, солнечному. Но, с другой стороны, он открыт всем ветрам, которые выдувают из голов его обитателей благие намерения и развеивают их по окрестным полям и лесам. В саду, правда, были разбиты по-английски две-три клумбы с кустами сирени и желтых акаций да одиноко грустили пять-шесть берез, но говорить о едином ансамбле, включающем парковые и садовые насаждения, говорить было никак нельзя. Даже “день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светлосерого цвета”.

Жизнь Манилова наполнена мечтами, невероятными проектами. “Как было бы в самом деле хорошо, если бы жить этак вместе, под одною кровлею, или под тенью какого-нибудь вяза, пофилософствовать о чем-нибудь, углубиться!..” – признается он Чичикову и слышит в ответ столь желанную для сердца фразу: “О! это была бы райская жизнь!” Манилов белокур, с голубыми глазами, внешне – это чистый ангел, но от него не дождешься живого слова. Он обитатель мертвого неба, пустоты: у него не только что за душой, но и в кладовой-то пусто. Он – “живой труп”, призрак, который пройдет по миру, не оставив никакого следа, разве что народив двух наследников, которые своими греческими именами будут до скончания дней смешить соседей. Но как бы ни была тронута мертвечиной душа Манилова, ее не назовешь ни злобной, ни алчной. Он – добрый и бескорыстный, и способен душевно радоваться, что “доставил гостю своему небольшое удовольствие”. Манилов любит жену и детей! Он – единственный из компаньонов Чичикова, который не замарал свои руки торгом и денежными расчетами. И пусть мир, в котором он живет, приторный и ненастоящий, в нем все равно присутствует возвышенное и чистое. Пусть это пародия на райские высоты, к которым стремится человек, но Павел Иванович за всю свою жизнь не поднимался и до них. Что ни говори, но его путешествие по NN-ской губернии начиналось с головокружительного взлета.

Перед самым отъездом из Маниловки, однако, на небе появились тучи. Чичикову они показались маленькими и не предвещающими никаких неприятностей. Но он ошибся. Очень скоро небо сплошь обложило тучами, зазвучали громовые раскаты и, наконец, с неба хлынул проливной дождь. Дорогу мигом развезло, кучер Селифан, хватанувший лишнего, пропустил нужный поворот и сбился с дороги. Бричка, управляемая неверной рукой, выехала на взбороненное поле и благополучно опрокинулась набок. Благополучно в том смысле, что никто сильно не ушибся, однако же Чичиков “и руками и ногами шлепнулся в грязь”. В этом комическом действии, думаем, все согласятся, пародийно описывается сцена низвержения с небес одного из прислужников Сатаны. Полная темнота и взрытая земля в месте падения воссоздают картину входа в подземное царство. Вдобавок к этому до Чичикова и Селифана начал доноситься вой собак – церберов местного Аида. “... Псы заливались всеми возможными голосами: один, забросивши вверх голову, выводил так протяжно и с таким старанием, как будто за это получал, Бог знает, какое жалованье; другой отхватывал наскоро, как пономарь; промеж них звенел, как почтовый звонок, неугомонный дискант, вероятно, молодого щенка, и все это наконец повершал бас, может быть, старик, наделенный дюжею собачьей натурой, потому что хрипел, как хрипит певческий контрабас, когда концерт в полном разливе: тенора поднимаются на цыпочки от сильного желанья вывести высокую ноту, и все, что ни есть,

порывается кверху, закидывая голову, а он один, засунувши небритый подбородок в галстух, присев и опустившись почти до земли, пропускает оттуда свою ноту, от которой трясутся и дребезжат стекла...” Это был собачий оркестр помещицы **Коробочки**.

Исследователи поэмы уже давно заметили, что в главе, посвященной Коробочке, постоянно упоминаются всевозможные птицы или их атрибуты. На стенах комнаты, где остановился Чичиков, висели “картины с какими-то птицами”. Окно комнаты “глядело едва ли не в курятник”. Дворик перед окнами “весь был наполнен птицами <...> Индейкам и курам не было числа”. Гоголь дополняет эту картину сороками и воробьями, которые “целыми косвенными тучами переносились с одного места на другое”. Вдобавок ко всему в главе неоднократно фигурируют птичьи перья: “Фетинья <...> успела уже притащить перину и, взбивши ее с обеих боков руками, напустила целый потоп перьев по всей комнате <...> постель опустилась под ним почти до самого пола, и перья, вытесненные им из пределов, разлетелись во все углы комнаты”. “Может быть, понадобится еще птичьих перьев, - спрашивает Коробочка у Чичикова. – У меня к Филиппову посту будут и птичьи перья”. Даже в лирическом отступлении, присутствующем в этой главе, образ правителя канцелярии нарисован при помощи “птичьих” сравнений: он сравнивается с орлом и куропаткой. Какую же цель преследует автор столь навязчивыми ассоциациями с птицами?

Е.А. Смирнова, автор книги “Поэма Гоголя “Мертвые души”, считает, что все упоминаемые в связи с Коробочкой птицы “прочно связаны в фольклорной традиции с обозначением глупости, бессмысленной хлопотливости или, попросту говоря, безмозглости – качеств, персонифицированных Гоголем в личности его героини”. На самом же деле, все гораздо глубже и интереснее. Чтобы картина коробочкина ада выглядела цельной и законченной, писатель сопоставляет его хозяйку с одной из языческих богинь – Кикиморой!

Кикимора – дворовый дух, который считается злым и вредным для домашней птицы. Обычное место поселения – курятники, те углы хлевов, где садятся на насест куры. В курятниках вешают камни, так называемые “курячьи боги” для того, чтобы кикиморы не давили кур. Занятие кикимор прямое – выщипывать перья у кур и наводить на них “вертун” (когда они кружатся, как угорелые, и падают околевшими). Не этим ли постоянно занимаются в доме у Коробочки? Кикимор представляют безобразными карликами или малютками, у которых голова – с наперсток, а туловище – тонкое, как соломинка. Они наделены способностью являться невидимками, быстро бегать и зорко видеть на далекие пространства; бродят без одежды и обуви, никогда не старятся и любят стучать, греметь, свистеть и шипеть. Коробочка, действительно, женщина небольшая, она бережлива и лишнего не износит, а уж насчет посторонних звуков, наполняющих ее дом, Гоголь говорит так: “Слова хозяйки были прерваны странным шипением, так что гость было испугался; шум походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями; но, взглянув вверх, он успокоился, ибо смекнул, что стенным часам пришла охота бить. За шипеньем тотчас же последовало хрипенье, и, наконец, понатужась всеми силами, они проббили два часа таким звуком, как бы кто колотил палкой по разбитому горшку, после чего маятник пошел опять покойно шелкать направо и налево”. А как старушка заглянула поутру в комнату Чичикова, когда часы снова зашипели и проббили десять, и в ту же минуту ловко ретировалась? Подобно всякой “богине”, Коробочка способна предвидеть будущее: за три дня до приезда к ней Чичикова ей приснился черт, “такой гадкий, а рога-то длиннее бычачьих”. Так что можно уверенно утверждать, что образ Коробочки создавался на основе представлений о Кикиморе. И не случайно в ее огороде читатель вдруг

обнаруживает чучело на длинном шесте с растопыренными руками и салопом хозяйки на голове. Это и есть символическое изображение богини, защитницы посадок от птиц.

Имя помещицы олицетворяет то замкнутое пространство (дом, курятники, огород и сад), которое она охраняет. В сущности, гроб – это тоже короб. Приехавшему Чичикову Коробочка то и дело напоминает о своем покойном супруге: сушить кафтан и чесать гостю пятки следует непременно так, как делали покойному барину. Вкупе с этими напоминаниями, хозяйка желает Чичикову не спокойной, а покойной ночи. Да и сам путешественник чувствует себя, что называется, на своем месте и сворачивается под ситцевым одеялом, прямо как змей, кренделем. Но было бы неправильным полагать, что двор Коробочки совершенно изолирован от внешнего мира и Божьего света.

Помещица помнит о Боге и уповает на его защиту, так что всю ночь по приезду Чичикова для обороны от нависшей над поместьем грозы перед образами горела свеча. Утром же солнечный свет сделал свое благое дело и растворил мглу. Окно, к которому подошел, одевшись, Чичиков олицетворяет выход в мир света. Не случайно в этот момент взору Павла Ивановича предстает петух, враг нечистой силы, и произносит гостю на своем странном языке нечто вроде “желаю здравствовать” (Чичиков перед этим чихнул). Солнечный свет “оживляет” дом помещицы. К тому же, как выясняется, зовут ее Анастасия, что по-гречески значит “воскресение”. Обитатели дома как бы переходят из мира мертвых в земной мир. Правда самому Чичикову по завершении торгов предстоит еще одолеть лабиринт, составленный из проселочных дорог, но тут уже на помощь приходит хозяйка мертвого царства и дает в провозатые девочку Пелагею, одиннадцати лет от роду. Гоголь опять-таки соблюдает каноны мифологической традиции: служанками богинь древности были весталки (девственницы), не нагрешившие в миру и давшие обет служения своей божественной покровительнице. Но даже с провозатой путь по лабиринту не выглядел легкой прогулкой. “Хотя день был очень хорош, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сделались скоро покрытыми ею, как войлоком, что значительно отяжелило экипаж; к тому же, почва была глиниста и цепка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться из проселков раньше полудня. Без девчонки было бы трудно сделать и это, потому что дороги расплзались во все стороны, как пойманные раки, когда их высыпят из мешка...” Как в старой доброй сказке, выбраться герою с того света весьма и весьма непросто...

Но Павел Иванович неудержим, энергии у него хватит еще не на одно погружение в Аид. Только-только выбрался он на столбовую дорогу, нашел трактир и собрался основательно, по-русски закусить, как уж навстречу к нему эдаким чертом спешит **Ноздрев**. “Это был среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными, румяными щеками, с белыми, как снег, зубами и черными, как смоль, бакенбардами. Свеж он был как кровь с молоком; здоровье, казалось, так и прыскало с лица его”. Ноздрев – пьяница, кутила, картежник и болтун, каких свет не видывал. Божится – и врет, божится – и врет. Как хотите, но прозвище ему одно – черт! Кстати, владения его представляют какое-то гиблое место. Поле, которым Ноздрев повел своих гостей, “во многих местах состояло из кочек. Гости должны были пробираться между перелогам и взбороненными нивами <...> Во многих местах ноги выдавливали под собою воду, до такой степени место было низко. Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потом, увидя, что это ни к чему не служит, брели прямо, не разбирая, где большая, а где меньшая грязь”. Снова Чичиков, переходя границу ноздревских владений, как бы нисходит в нижний мир, царство Дьявола. А уж тут работают свои правила, тут нельзя не напиться, нельзя не сыграть в какую-нибудь игрушку, пусть это даже не такие азартные шашки, в общем, нельзя не потерять голову. И как знать, чем бы закончился этот кутеж, если бы на

чичиковское счастье в дом Ноздрева не прибыл капитан-исправник с судебной повесткой для хозяина. Это-то и позволило Павлу Ивановичу выползти из ноздревского “болота”.

Следующим пунктом его путешествия была усадьба **Собакевича**. Этого помещика можно охарактеризовать одним словом – медведь. “Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя. Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава длинные, панталоны длинные, ступнями ступал он вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги <...> Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они столовую: медведь! совершенно медведь! Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михаилом Семеновичем”. В мифологии медведь – символ подземного мира. Визит к Собакевичу – это для Чичикова еще один вариант погружения в бездну, тьму преисподней. На одной стороне дома Собакевича вообще все окна заколочены, а проверчено лишь одно маленькое, “вероятно понадобившееся для темного чулана”. Берлога, в чистом виде берлога, а не дом. Или, точнее и правильнее, конура для Собакевича...

Руки у супруги хозяина вымыты огуречным рассолом, что символизирует ее связь с погребом - подземной кладовой, где хранятся соленья и другие запасы на зиму. Жизнь ее – постоянная забота о пропитании Михаила Семеновича, непрерывные хождения между погребом, кухней и столовой. Да и то верно, плоти, телесности в ее муже сколько-угодно, а вот что до души, то знавшим Михаила Семеновича “казалось, в этом теле совсем не было души, или она у него была, но вовсе не там, где следует, а, как у бессмертного кощея, где-то за горами и закрыта такую толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности”. В общем, бездушный медведь! Не забудем и неожиданное сравнение его с Кощеем, хитрющим змеем, обитателем преисподней. Переговоры Собакевича с Чичиковым и в самом деле напоминают поединок двух прожженных жуликов, двух человекообразных чудовищ. Чичиков однажды во время торга даже зашипел и подскочил на одной ноге, став похожим на большого и жирного змея. Что, впрочем, не очень испугало медведя. “Чертов кулак”, Собакевич все-таки выторговал по два с полтиной за мертвую душу.

Да, были у Павла Ивановича достойные противники, чего скрывать. Просчитал его Собакевич, вплоть до мелочей, даже вычислил, куда направится Чичиков от него, что крайне не понравилось нашему путешественнику. “Ему хотелось заехать к **Плюшкину**, у которого, по словам Собакевича, люди умирали как мухи, но не хотелось, чтобы Собакевич знал про это”. В результате Чичиков выбирает к Плюшкину окружной путь. Это обстоятельство имеет символическое значение: надо вначале найти выход из медвежьей берлоги, чтобы потом попасть на плюшкинское “кладбище”.

Поместье его действительно напоминало вымершее место. “Господский дом выглядел инвалидом, из окон только два были открыты, прочие были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна с своей стороны были тоже подслеповаты...” В саду, как памятник былому процветанию, “белый колоссальный ствол березы, лишенный верхушки, отломленной бурей или грозой подымался из этой зеленой гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная сверкающая колонна; косой остроконечный излом его, которым он оканчивался кверху вместо капители, темнел на снежной белизне его, как шапка или черная птица”. Еще более удивила Павла Ивановича фигура у одного из строений, вздорившая с мужиком: “Долго он (Чичиков – А.А.) не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. Платье на ней было совершенно неопределенное, похожее очень на женский капот, на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы, тлько один голос показался ему несколько сиплым для женщины. “Ой баба! – подумал он про себя и тут же прибавил: Ой, нет!” “Конечно, баба!” – наконец сказал он,

рассмотрев попристальнее... По висевшим у ней за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиков заключил, что это верно ключница”. Решив так, Чичиков назвал ее матушкой, и тем самым оконфузился, ибо в роли ключницы выступал ни кто иной, как сам Плюшкин. Да, Чичиков обознался, но и любой другой на его месте не признал бы в Плюшкине мужика. Если же к этому добавить, что у хозяина усадьбы “один подбородок только выступал очень далеко вперед”, то трудно не согласиться, что писатель нарисовал нам один из образов Бабы-Яги. Великий смехотворец, Гоголь не отступил от своего правила, и каждому помещику приписал конкретный мифологический образ. Напомним еще раз прослеженные нами параллели:

Манилов – Ангел;
Коробочка – Кикимора;
Ноздрев – Черт;
Собакевич – медведь + Кощей
Плюшкин – Баба-Яга.

К каждому из них, в их заповедные уголки иного света, Чичиков входит особой дорожкой. Пристанище каждого из помещиков несет свои, особенные отпечатки мира мертвых душ. Вот и, вступив в темные широкие сени плюшкинского жилища, Павел Иванович почувствовал, что “подуло холодом, как из погребца. Из сеней он попал в комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную светом, выходящим из-под широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, он, наконец, очутился в свету и был поражен представшим беспорядком. <...> Никак бы нельзя было сказать, чтобы в комнате сей обитало живое существо, если бы не возвещал его пребыванье старый поношенный колпак, лежавший на столе”. Как говорится, приплыли... Если в доме Манилова еще чувствуется какая-то жизнь, там живет любовь и учатся дети, если у Коробочки хозяйство налажено и часы исправно отбивают время, если у Ноздрева полный хаос и в голове, и на деле, если Собакевич мертв духом, но наел брюхо и живет плотскими утехами, то у Плюшкина жизнь замерла. Время остановилось здесь. Кстати, Плюшкин чуть не подарил Чичикову испорченные часы, но и тут его остановила жадность. Воистину хочется воскликнуть вместе с Гоголем: “Трозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаст назад, обратно! Могила милосерднее ее, на могиле напишется: “Здесь погребен человек!” На доме Плюшкина такую надпись можно было бы поместить еще при его жизни.

Границей ада имени Плюшкина служит двор. Как только бричка Чичикова выехала со двора, ворота в усадьбу были тотчас же заперты. Мертвое царство выпустило Чичикова на волю. Павел Иванович так ошалел от своих успехов, что всю дорогу был весел и даже запел “песню, до такой степени необыкновенную”, что удивил даже выдавшего виды Селифана. Впереди, однако, уже маячил город. “Были уже густые сумерки, когда подъехали они к городу. Тень со светом перемешалась совершенно, и казалось, самые предметы перемешались тоже. <...> Наконец бричка, сделавши порядочный скачок, опустилась, как будто в яму, в ворота гостиницы...” Чичиков возвратился в свой покойный номер, где его встретил до боли знакомый запах Петрушки.

Итак, подведем итоги необычного путешествия Павла Ивановича. Каждый из пунктов его остановки – гостиница и усадьбы помещиков, - несут в себе отпечаток иного мира, царства призраков. Гоголь с великой тщательностью и большой художественной изобретательностью описывает каждый переход границ этого царства. Это оригинальный художественный прием. В своей, уже упоминавшейся книге Е.А. Смирнова проводит

параллели между отдельными фрагментами гоголевской и дантовской поэм. Но Ад у Данте – гигантская воронка внутри Земли с выходом на поверхность в противоположном полушарии. Попавший туда, погружаясь все глубже и глубже, последовательно проходит все круги ада. У Гоголя разработана совершенно иная “схема” ада. У него много входов и выходов, и Чичиков неоднократно пересекает его границу. Если у Данте отдельные участки (круги) ада соединены последовательно, то у Гоголя они параллельны. Конечно, наш писатель в чем-то ориентировался на дантовскую картину ада. Так, можно говорить, что описание усадьбы Манилова напоминает дантовский Лимб:

Высокий замок предо мной возник,
Семь раз обвитый стройными стенами;
Кругом бежал приветливый родник <...>
Мы поднялись на холм, который рядом,
В открытом месте, светел, величав,
Господствовал над этим свежим садом.
На зеленеющей финифти трав
Предстали взорам доблестные тени...

Манилов – единственный из персонажей поэмы, чей дом находится на возвышении. Душа этого помещика живет в своем возвышенном (надземном!) миру, который никак не похож на ад в нашем привычном понимании. Его вполне можно сравнивать с Лимбом, где еще не полностью торжествует тьма и есть некий источник света – “огонь, под полушарьем тьмы горящей”. В Лимбе нет настоящих грешников, таков и Манилов, а об обитающих в Лимбе героях-язычниках (реально существовавших и мифологических) невольно напоминают греческие имена маниловских сыновей – Фемистоклос и Алкид. Но, если говорить в целом, Гоголь, безусловно, опирался все-таки на более древнюю, отечественную фольклорную традицию. Тот же портрет маниловской усадьбы прекрасно соответствует тем изображениям того света, иного царства, которые в великом множестве присутствуют в русских сказках. Что ни говори, а “Мертвые души” – русская правда.

Да и нет нужды доказывать, что Гоголь придерживался системы, а не “кусочничал”. Если уж один раз он назвал своего героя “червем мира сего”, так уж не сомневайтесь и только следите, как этот пресмыкающийся тип будет “рыть землю” на границе верхнего и нижнего миров, ползая туда и обратно. Вот ведь и отъезд Павла Ивановича происходит при необычных обстоятельствах. Захотел он бежать незаметно из города, да вдруг оказывается, что надо подковать лошадей да перетянуть шину. На языке аллегорий эти свалившаяся как снег на голову неприятность означает, что в данный момент выезд из царства мертвых закрыт. Когда же он будет открыт, и Чичиков сможет двинуться в путь? Двери ада приоткроются, когда начнутся похороны прокурора. Через них-то и выскользнет наш герой, подумав при этом: “Это, однако ж, хорошо, что встретились похороны; говорят, значит счастье, если встретишь покойника”.

У Василия Шукшина есть рассказ с забавным названием – “Забуксовал”. В нем совхозный механик Роман Звягин неожиданно для себя обнаруживает, что не понимает смысла лирического отступления Гоголя о несущейся по миру Руси-тройки. Измучившись вконец, он приходит за разъяснениями к школьному учителю.

“- Николай Степаныч, - сразу приступил Роман к делу, - слушал я счас сынишку... “ Русь-тройку” учит...

- Так.

- А кто в тройке-то? – Роман пытливо уставился в глаза учителю. – Кто едет-то? Кому дорогу-то?..

Николай Степаныч пожал плечами.

- Чичиков едет...

- Так это Русь-то – Чичикова мчит? Это перед Чичиковым шапки все снимают?

Николай Степаныч засмеялся. Но Роман все смотрел ему в глаза – пытливо и требовательно.

- Да нет, - сказал учитель, - при чем тут Чичиков?

- Ну, а как же? Тройке все дают дорогу, все расступаются...

- Русь сравнивается с тройкой, а не с Чичиковым. Здесь имеется... Здесь – движение, скорость, удалая езда – вот что Гоголь подчеркивает. При чем тут Чичиков?

- Так он же едет-то, Чичиков!

- Ну и что?

- Да как же? Я тогда не понимаю: Русь-тройка, так же, мол... А в тройке – шулер. Какая же тут гордость?

Николай Степаныч, в свою очередь, посмотрел на Романа... Усмехнулся.

- Как-то вы... не с того конца зашли.

- Да с какого не зайди, - в тройке-то Чичиков. Ехай там, например... Стенька Разин, - все понятно...”

Ах, как бы обрадовался Гоголь, встретить он такого Романа Звягина! И сказал бы, правильно, правильно все сообразил, но не останавливайся на полпути, думай дальше. Прикинь, кто тянет чичиковскую бричку, последи за портретами той удалой тройки, что несет Русь. Трудятся в ней от всего сердца только двое – коренной (гнедой масти) и пристяжной (каурой масти). У второго есть особое прозвище – Заседатель, с ним, как говорится, все ясно. Коренной – это конечно символ работника, мужика, без которого ни одно дело на Руси не сдвинется. Ну, а кто третий? Это чубарый – лукавый, который везет только для вида, оттого и костерит его Селифан “панталонник немецкий, бонапарт проклятый!” Чубарый – приживал, примерно такой же, как Чичиков. Вспомним, как городские чиновники гадали, не явился ли к ним под именем Чичикова переодетый Наполеон. У Гоголя ничего нет случайного, все продумано и имеет смысл. Чичиков тоже тянет бричку, он в упряжке, другое дело, что он везет только для вида. Выпрягите чубарого и посадите его пассажиром. Многое ли изменится? Кстати, чубарый конь имеет темные пятна по светлой шерсти, опять ни то, ни се, ни толстый, ни тонкий, как Павел Иванович.

Да и, наконец, кто правит-то тройкой? Уж никак не Чичиков! Молодец, Роман Звягин, по делу забуксовал, а вот учитель оказался слабоват. И вопрос не прояснил, и Звягина обязал не тревожить сына своими вопросами. А сын, доживи он до перестройки и увидев новых русских в малиновых пиджаках, так напоминающих Павла Ивановича в его брусничном фраке, наверняка поклонился бы Николаю Васильевичу за правду о России.

Гоголь – великий провидец. Созданные им образы узнаваемы нами, потому что они эпические, вечные. Какими муками далась ему эта жизненная правда, знает только он сам. Даже разговоры на дьявольские темы не проходят бесследно, а тут написаны целые тома по демонологии и чертовщине...

Судить о нашем великом писателе нужно с большой долей осторожности. Гоголь – фигура настолько исключительная, что ее чрезвычайно трудно охарактеризовать однозначно. Те же самые люди, которые называли его плутом и сумасшедшим, в другие минуты с такою же искренностью считали его пророком, учителем, даже прямо “святым” и “мучеником”. С.Т. Аксаков, который писал в 1847 году при жизни писателя: “Я вижу в

Гоголе добычу сатанинской гордости”, - пишет через пять лет после смерти его: “Я признаю Гоголя святым; это истинный мученик христианства”. Современников, видевших писателя на смертном одре, поразило выражение его лица. Оно казалось им живым. Писатель уходил в мир мертвых душ с живым выражением лица. Гениальный хохол, он-таки надул Черта!

О ПРОТОТИПАХ ОБИТАТЕЛЕЙ “ДОМА ГРИБОЕДОВА”

Литературная Россия, 2015. №№ 35, 36.

В “Мастере и Маргарите” упоминается множество персонажей, причастных к литературному процессу. Но если литературоведы активно обсуждают прототипы Мастера, Ивана Бездомного и критиков, громивших роман, то про их коллег по писательскому союзу, как правило, речь не заводят. Согласимся, что это довольно-таки странно. Булгаков изобразил целую вереницу современных ему писателей, дал им вымышленные фамилии (прозвища), а некоторых снабдил краткими характеристиками. Отчего бы не обсудить их возможные прототипы? Да, Михаил Афанасьевич ограничился минимумом информации, и угадать реальных людей, кажется, практически невозможно. Но почему бы не попробовать, ведь тем интереснее будет разгадка.

Стоит напомнить, что опыт Булгакова с зашифрованными писательскими именами весьма удачно использовал Валентин Катаев в автобиографической книге “Алмазный мой венец”. Правда, писатель оставил так много “ключей” к расшифровке, что литературоведы практически сразу же составили полный список прототипов его героев. С булгаковским романом этого не произошло, и подобный список писательских персонажей до сих пор никем не предлагался.

Булгаков и Катаев были современниками, а значит, писали об одних и тех же людях. Другое дело, что оценки их существенно разнились. Так, в начале своей книги Катаев предупреждает читателя: “Не могу взять грех на душу и назвать их (героев повествования – А.А.) подлинными именами. Лучше всего дам им всем прозвища, которые буду писать с маленькой буквы, как обыкновенные слова <...> Исключение сделаю для одного лишь Командора. Его буду писать с большой буквы, потому что он уже памятник и возвышается над Парижем поэзии Эйфелевой башней, представляющей собой как бы некое заглавное печатное А. Высокая буква над мелким шрифтом вечного города”. Командор – это Маяковский, безусловный авторитет для Катаева. Булгаков, заметим, тоже фигурирует в “Венце”, и назван там “синеглазым”, с маленькой буквы. Вообще-то, по правилам грамматики имена собственные следует всегда писать с заглавной буквы. Игнорирование установленных правил – претензия на избранность, вседозволенность. Булгакова, думается, выходка Катаева удивила бы, если не сказать больше.

Рассказывая далее о встречах с Синеглазым, Валентин Петрович еще более четко обозначает свою позицию: “В области искусств для нас существовало только два авторитета: Командор и Мейерхольд. Ну, может быть, еще Татлин, конструктор легендарной “башни Татлина”, о которой говорили все, считая ее чудом ультрасовременной архитектуры. Синеглазый же, наоборот, был весьма консервативен, глубоко уважал все признанные дореволюционные авторитеты, терпеть не мог Командора, Мейерхольда и Татлина и никогда не позволял себе, как любил выражаться ключик (Ю. К. Олеша – А.А.), “колебать мировые струны”. Сказано предельно ясно, не убавить – не прибавить. Катаев использует местоимение “мы”, очевидно, ссылаясь на круг близких ему

по духу писателей. Надо полагать, что кое-кто из них спародирован Булгаковым в “Мастере и Маргарите”.

Отдельно о Маяковском. Он стал прототипом Рюхина, главного действующего лица шестой главы романа. Уровень внимания высочайший. Более того, в ряде признаний Рюхин, как никакой другой персонаж, открывает читателю свою душу. Рюхин выглядит более искренним, чем все остальные литераторы, вместе взятые. Булгаков, безусловно, прекрасно знал о том табеле рангов, который исповедовали “катаевцы”. Отсюда и серьезное отношение к феномену Маяковского, и жесткое выражение своего особого мнения. Уж, не знаем, догадывался ли Валентин Петрович о прототипе Рюхина, но Булгаков вволю посмеялся в романе над его авторитетом, представив Командора отнюдь не возвышающейся Эйфелевой башней над Парижем поэзии, а истерзанным завистью искателем прижизненной славы.

Булгаков оригинален и остроумен. Не забудем про это, отправляясь на поиски прототипов его героев.

ПИСАТЕЛЬ БЕРЛИОЗ

Михаил Александрович Берлиоз – “председатель правления одной из крупнейших московских ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ”. Булгаковская энциклопедия (составитель Б.В. Соколов) разъясняет, что вымышленный МАССОЛИТ создан писателем по образцу ряда писательских организаций, в частности, РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей). Относительно возможных исторических прототипов Берлиоза в комментариях традиционно пишут, что их насчитывается великое множество, ибо в те времена “богоборцы” в сфере культуры доминировали. Называют, к примеру, руководителя РАППа Л.Л. Авербаха или писателя М. Е. Кольцова – откровенных недоброжелателей писателя, а также Демьяна Бедного (настоящее имя Е.А. Придворов). Никаких убедительных обоснований в пользу того или иного выбора исследователи романа не приводят.

Булгаков дает портрет Михаила Александровича: “маленького роста, упитан, лыс”, носит сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе. Но и эти характерные детали не дают оснований для однозначного вычисления прототипа. Так что образ Михаила Александровича, безусловно, собирательный. Тем не менее, за ним маячит вполне конкретная фигура главного советского писателя.

В разных редакциях романа фамилия редактора оставалась неизменной, но вот с именем и отчеством Булгаков долго не мог определиться. Конечный вариант известен и его аббревиатура получилась М.А., как и у самого Булгакова. Прочитаем наоборот, получится - А.М. Вы скажете, ну и при чем здесь эти каббалистические приемчики? Да, дьявол все перевертывает, делает все наоборот, но мало ли какие у человека инициалы, вы факты дайте.

Прежде всего, о богоборчестве. Павел Басинский в книге “Горький” пишет: “Он не был атеистом в буквальном смысле, хотя бы потому, что вопрос о Боге страшно волновал и был едва ли не главным “пунктом” его протестного отношения к миру... Но и верующим в Бога Горький себя не считал. Зато можно точно и без тени сомнения сказать: у Пешкова-Горького были какие-то особенные от ношения с чертом”. Много мемуаристов свидетельствуют, что на протяжении всей своей жизни Горький постоянно “чертыхался”. К слову “черт” он обычно применял ласковые эпитеты – “черти лысые”, “черт знает как

здорово”. В двух ранних рассказах “О черте” и “Еще о черте” их главный герой является писателю.

В возрасте 19 лет Алексей пытался застрелиться выстрелом из револьвера в бок. В предсмертной записке Пешков просил его “взрезать” и обнаружить там черта. За попытку самоубийства Горький на семь лет был отлучен от Церкви. И более в нее не вернулся.

В начале 90-х годов Алексей Максимович Горький писал фельетоны, которые подписывал Иегудил Хламида. В этой какофонии звуков объединялись два антагонистических понятия: “Иисус Христос” – через инициалы, и Иуда Искарот – через имя. Великому пролетарскому писателю принадлежит также очень откровенное признание: “Если дьявол существует и вводит меня в искушение, то это – во всяком случае, не “мелкий бес” эгоизма и тщеславия, а Абадонна, восставший против творца, равнодушного к людям и лишенного таланта”.

В одном из лучших своих произведений, книге “Заметки из дневника”, Горький от лица колдуна рисует мир, состоящий из чертей, как из атомов:

“ – Да, да, черти – не шутка... Такая же действительность, как люди, тараканы, микробы. Черти бывают разных форм и величин...” И далее описывает бесформенных, как слизняки, лиловых чертей, ответственных за скуку; голландских – маленьких круглых цвета охры – чертей неосмысленного буйства, благодаря которым “человек может сказать губернатору – “дурак!”, изнасиловать свою дочь, закурить папиросу в церкви, да-да! Это черти неосмысленного буйства”. А есть еще черти колокольного звона, черти лунных ночей, драповые, напоминающие своей формой гвозди с раздвоенным острием – друзья пьяниц, а также “черти клетчатые – хаос разнообразных кривых линий; они судорожно и непрерывно двигаются в воздухе, образуя странные, ими же тотчас разрушаемые узоры, отношения, связи. Они страшно утомляют зрение. Это похоже на зарево. Их назначение – пресекать пути человека, куда бы он ни шел... куда бы он ни шел...”

Не такой ли клетчатый явился Берлиозу в час небывало жаркого заката на Патриарших?.. Напомним эту встречу: “И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранныго вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок... Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно и физиономия, прошу заметить, глумливая”. Этот “длинный, сквозь которого видно, гражданин, не касаясь земли, качался перед ним влево и вправо”. Все точь-в-точь по Горькому, из-за худобы этот человек похож на живую кривулину, гуляющую из стороны в сторону. В тот момент Берлиоз еще не получил доказательство существования черта, поэтому гражданин кажется эфемерным. Но вот Михаил Александрович направился к турникету. “Тут у самого выхода на Бронную со скамейки навстречу редактору поднялся в точности тот самый гражданин, что тогда при свете солнца вылепился из жирного зноя. Только сейчас он был уже не воздушный, а обыкновенный, плотский, и в начинающихся сумерках Берлиоз отчетливо разглядел, что усишки у него, как куриные перья, глазки маленькие, иронические, что видны грязные белые носки”. Коровьев материализовался из солнечного зарева и, как и положено клетчатому, указывает, где пресечется жизненная линия Берлиоза: “... сюда пожалуйста! Прямо и выйдете куда надо”. Кому надо, хочется спросить, но отвечать уже не хочется. И так все ясно.

Горький не просто отвергал Православие. Он думал о создании новой религии. Повесть “Мать” критик и литературовед Генрих Митин назвал “Евангелием от Максима”. Имя главного героя повести апостольское – Павел. Именно в момент своего революционного перерождения он приносит домой картину с христианским сюжетом. “

Однажды он принес и повесил на стенку картину – трое людей, разговаривая, шли куда-то легко и бодро.

- Это воскресший Христос идет в Эммаус! – объяснил Павел.

Матери понравилась картина, но она подумала:

“Христа почитаешь, а в церковь не ходишь...”

Ниловна чувствует в поступке сына какой-то подвох, но сразу не может понять, в чем он проявляется. Она только знает, что метаморфоза Павла мнимая и есть отход от истинной Церкви. Но объяснение лежит в самой фразе, произнесенной сыном. Он сказал не “воскресший Иисус”, а “воскресший Христос”. Павел не верит в воскресение Иисуса, он думает о новом христианстве, религии под названием “социализм”. “Коммунистический Манифест” теперь станет его настольной книгой, “Библией”. А сам Павел предстанет апостолом новой веры. Вот горьковская утопия “материнского” периода, в которую он сам, похоже, никогда и не верил. И чем больше думал он над вопросами веры, тем дальше уходил от Христа.

В 1918 году Горький пишет в газете “Новая жизнь”: “Сегодня – день рождения Христа, одного из двух величайших символов, созданных стремлением человека к справедливости и красоте. Христос – бессмертная идея милосердия и человечности, и Прометей – враг богов, первый бунтовщик против Судьбы, - человечество не создало ничего величественнее этих двух воплощений желаний и безумной отваги в достижении цели – оба символа сольются в одно великое чувство”. Именно эта мысль вложена в уста дьякона-расстриги Егора Ипатьевского (“Жизнь Климса Самгина”): “Не Христос – не Авель нужен людям, людям нужен Прометей-Антихрист”. Вера в существование черта не покидала его, эта уверенность основывалась на личном опыте. А вот, с другой стороны, есть ли доказательства бытия Божиего? Был ли Бог?

В этом смысле Алексей Максимович идеально подходит на роль Берлиоза, заказывающего поэму об Иисусе, которого, “как личности, никогда не существовало на свете”. Но как можно писать о том, чего нет? И если Иисуса не было, то о ком должен писать Иван?.. Очевидно, о дьяволе. Берлиоз именно к этому и подводил Ивана. Явление Воланда на Патриарших только ускорило процесс, и Иван уже на следующий день в больнице начал строчить заказанную рукопись про “Берлиоза, не композитора”.

Не смейтесь, пожалуйста, но Алексей Максимович, подобно Берлиозу, тоже однажды выступил заказчиком такого рода сочинения. “Следует сказать несколько слов о переключках и параллелях в творчестве Горького и Булгакова начала 30-х годов. Любопытен, на наш взгляд, следующий факт: в самый разгар работы Булгакова над “романом о черте” (позднейшее название “Мастер и Маргарита”) у Горького рождается замысел пьесы о черте, причем одного из возможных воплощений этого замысла он видит в Булгакове. 4 февраля 1932 г. он писал заведующему литчастью МХАТа П.А. Маркову: “У меня есть кое-какие соображения и темы, которые я хотел бы представить вниманию и суду талантливых наших драматургов: Булгакова, Афиногенова, Олеси, а также Всева, Иванова, Леонова и др... Есть у меня и две темы смешных пьес, героем одной из них является Черт – настоящий!...” Замыслом пьесы о черте Горький поделился также с гостившим у него А. Афиногеновым, записавшим этот сюжет в своем дневнике: “Тема сатирическая, бытовая. Перед занавесом черт. Он в сюртуке, он извиняется за свое существование, но он существует. Он здесь будет организовывать цепь, заговор случайностей, чтобы люди через эти случайности пришли в соприкосновение и обнаружили тем самым свои внутренние качества, свои бытовые уродства. Черт передвигает вещи, подсовывает письма, черт создает внешние мотивировки для развития поступков людей в их бытовом окружении. Он порой язвительно усмехается и спрашивает

публику: “Каково, хорошо ведь работаю, вот как людишки сталкиваются, вот какая чертовщина разыгрывается”. К тому же времени относится горьковский набросок будущей пьесы под названием “Правдивый рассказ о злодеяниях черта”, близкий по содержанию к тому, что записал Афиногенов.

Сам Горький понимал, что этот сюжет ему “не по зубам”. Когда-то, в начале 20-х годов, он хотел сочинить произведение “о черте, который сломал себе ногу, - помните, тут сам черт ногу сломит!” Затем написал стилизованный рассказ о черте, живущем у почмейстера Павлова, однако остался им, видимо, недоволен и никогда его не публиковал. Его реалистический метод сопротивлялся условности, связанной с появлением подобного “героя” на сцене. Черт как реальное лицо невозможен в эстетической системе Горького. Дьявольское, темное начало жизни может воплощаться здесь либо в человеческом облике (например, столяр в “Голубой жизни”), либо в образе двойника (“Жизнь Клима Самгина”) – в обоих случаях в виде галлюцинации, вызванной расстроенным воображением героя. Каково же было бы удивление (и смеем предположить, восхищение) Горького, если бы он узнал, что Булгаков работает над романом, по замыслу довольно близким горьковскому”.

Булгаков к тому времени уже более трех лет работал над романом о дьяволе. Об идее Горького он, разумеется, узнал и “отложил” в архив памяти. Вспомнил же снова уже после смерти Алексея Максимовича, последовавшей 18 июня 1936 года. Вот тогда-то образ Берлиоза и заиграл живыми красками, тогда и были выбраны окончательно для него имя и отчество.

Берлиоз уверен, что человек сам управляет своей судьбой, но встречает решительное возражение со стороны Воланда. “И, в самом деле, - тут неизвестный повернулся к Берлиозу, - вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого... - тут иностранец сладко усмехнулся, как будто мысль о саркоме легкого доставила ему удовольствие, - да, саркома, - жмурясь, как кот, повторил он звучное слово, - и вот ваше управление закончилось!”

Саркома – злокачественная опухоль. Воланд даже изобразил симптомы этой болезни, кашлянув пару раз. К чему упоминание этой болезни? Или это тоже знак, шифр? Да, совершенно верно. В качестве доказательства приведем выдержки из заключения к протоколу вскрытия А.М. Горького:

“Смерть А.М. Горького последовала в связи с острым воспалительным процессом в нижней доли легкого, повлекшим за собой острое расширение и паралич сердца.

Тяжелому течению и роковому исходу болезни весьма способствовали обширные хронические изменения обоих легких...

Эти хронические изменения легких, плевр и грудной клетки создавали сами по себе еще до заболевания воспалением легких большие затруднения дыхательному акту, ставшими особенно тяжелыми и труднопереносимыми в условиях острой инфекции”.

Какие еще нужны доказательства? Мы говорим Берлиоз, подразумеваем – Горький.

Вот и “нехорошая квартира” – это пародия на ночлежку в пьесе “На дне”. И там, и тут разврат и пьянство, и там, и тут в центре действия сатана (по замыслу авторов) в человеческом обличье: у Булгакова – это Воланд, у Горького – Сатин (имя говорит за себя).

Перед смертью Горький признавался близким, что во сне спорил и ругался с Господом Богом. По воспоминаниям домработницы О.Д. Чертовой: “За день перед смертью он в беспомощности вдруг начал материться. Матерится и матерится. Вслух”. Точно, как будто летит под трамвай...

ЖЕЛДЫБИН - ЖИЛ НА ДЫБЕ

А.М. Горький был первым председателем Союза писателей, созданным в 1934 году. Тут мы затрагиваем еще одну, не слишком удобную для писательского бомонда тему, но деваться некуда. Прообразом МАССОЛИТа послужил, в том числе, и новосозданный Союз писателей. Действие романа затрагивает вторую половину 30-х годов, и потому естественно предположить, что все прототипы массолитовцев были членами писательского Союза. Описывая структуру МАССОЛИТа, Булгаков, конечно же, не мог не учитывать этого.

Преемником А.М. Горького на посту председателя Союза писателей был Алексей Николаевич Толстой. Он стал прототипом заместителя Берлиоза литератора Желдыбина. Толстой был весельчак и балагур и не выносил разного рода похоронных церемоний. Если только было возможно, он старался избежать участия в них. Об этом всем было хорошо известно. Знал об этом, разумеется, и Булгаков, но, посмеиваясь над своим героем, он, наоборот, вводит его в эпицентр траурных мероприятий:

“Возле обезглавленного стояли: профессор судебной медицины, патологоанатом и его прозектор, представители следствия и вызванной по телефону от больной жены заместитель Михаила Александровича по МАССОЛИТу – литератор Желдыбин.

Машина заехала за Желдыбиным и, первым делом, вместе со следствием, отвезла его (около полуночи это было) на квартиру убитого, где было произведено опечатание его бумаг, а затем уж все поехали в морг”.

Булгаков дает Желдыбину возможность “насладиться” всеми ужасами, сопутствовавшими трагической гибели Берлиоза. Нет нужды добавлять, что появление в правлении и руководство экстренным заседанием по подготовке похорон тоже не доставило Желдыбину никакого удовольствия. Указание на больную жену в тексте романа тоже не случайно. В начале второй половины 30-х годов Толстой начал жить со своей третьей женой – Людмилой Ильиничной Баршевой, которая была намного моложе его. Ссылки на ее нездоровье создают комический эффект.

Фамилия “Желдыбин” образована от древнерусского слова “желда” – “травя”. Этим Булгаков подчеркивает древность рода, к которому принадлежал Алексей Толстой. Но опять-таки стоит заметить, что корешки у травы неглубокие. Не то, что у дерева (читай, родового древа), и это неспроста. Вопрос о действительном графстве Толстого широко обсуждался его современниками, и мнения на этот счет были самые разные. Так, ряд представителей эмиграции (Иван Бунин, Роман Гуль, Марк Алданов, Нина Берберова) считали отцом писателя не графа Николая Толстого, а гувернера их семьи – Бострэма, который и воспитывал будущего писателя. Алексей Варламов в книге “Алексей Толстой” приводит свидетельства, разрушающие эту версию и окончательно проясняющие ситуацию. Но, в сущности, это мало, что меняет. Алексей Толстой был сыном графа, но вырос и воспитывался в доме бывшего гувернера его детей. Эту двойственность происхождения писателя и отражает фамилия Желдыбин.

Булгаков любил играть со словами. Так, он признался однажды Борису Ливанову: “Сегодня мне приснился сон. Я лежу мертвый, а ты ко мне подходишь и говоришь: “Був Гаков – нэма Гакова”. Очень может быть, что и в фамилии “Желдыбин” ему слышалось “жил дыбом”, “жил на дыбе”. Такими выражениями вполне можно охарактеризовать жизнь выдающегося русского писателя, который в своих житейских делах не очень-то задумывался о вопросах морали. Являясь связующим звеном между двумя Россиями – Советской и эмигрантской, разрываясь в своем осознанном желании жить в мире и с той, и

с другой, он как бы оказался подвешенным на дыбе. И все его опыты оставаться независимым, были чрезвычайно болезненны.

В 1929 году Толстой написал пьесу “На дыбе”. Она была посвящена деяниям Петра I и вызвала шквал критики. В 1934 году он, значительно переработав пьесу, публикует ее под названием “Петр I”. Наконец, в 1937 году выходит третья ее редакция, которая была восторженно принята критикой. Как говорится, писатель полностью отработал социальный заказ. Чем не писательская дыба?

ДВЕНАДЦАТЬ “АПОСТОЛОВ” ПРАВЛЕНИЯ

Правление МАССОЛИТа состоит из двенадцати членов. “Они пародийно уподоблены двенадцати апостолам, только не христианской, а новой коммунистической веры” (Булгаковская энциклопедия). Из текста следует, что в их число входит беллетрист Бескудников, поэт Двубратский, писательница, сочиняющая морские батальные рассказы под псевдонимом “Штурман Жорж”, автор популярных скетчей Загринов, новеллист Иероним Поприхин, критик Абабков, сценарист Глухарев, а также Денискин и Квант. На оставшиеся три позиции претендуют четверо, плясавших в этот вечер в ресторане, -Жуколов-романист, Драгунский, Чердакчи и поэтесса Тамара Полумесяц.

Начнем с Тамары Полумесяц. Разгадка ее прототипа связана с общеизвестным стишком Агнии Барто, который все мы слышали в школе:

Мы с Тamarой
Ходим парой,
Санитары
Мы с Тamarой.
Если что-нибудь
Случится,
Приходите к нам
Лечиться.
Мы умеем класть
Компресс:
Мы с Тamarой
Красный Крест.

Международное общество Красного Креста основал швейцарский предприниматель и общественный деятель Анри Дюнан в 1863 году в Швейцарии. В 1884 году состоялась первая международная Конференция Международного комитета Красного Креста. На ней была принята эмблема общества – красный крест на белом фоне. Цветовое оформление логотипа организации представляет собой обратную расцветку национального флага Швейцарии из уважения к родине Движения. Женевская конвенция 1929 года признала красный полумесяц в качестве второй защитной эмблемы.

Булгаков соотносит детскую писательницу с одним из ее литературных героев – санитаркой Тамарой. Санитарка – член общества Красного Креста и Красного полумесяца, вот и вся разгадка образа таинственной поэтессы. Красиво и элегантно, впрочем, как и всё у Булгакова. По ходу дела мы открыли один из шифровальных кодов писателя. Булгаков выбирает одного из литературных героев, созданных писателем-массолитовцем, и сопоставляет этого героя с автором, придумавшим его.

В 1930-х годах Агния Барто еще не входила в верхние “этажи” писательского руководства. Поэтому мы не включаем ее в члены Правления. Отчего-то думается, что “апостолы” МАССОЛИТа должны быть “рыбками” покрупнее.

1. Романист Жуколов – Валентин Катаев

Начнем с романиста Жуколова, который плясал “с какой-то киноактрисой в желтом платье”. Фамилия у него говорящая – “ловец жуков”, но ведет ли она к разгадке прототипа?

Давайте вспомним повесть Валентина Катаева “Белеет парус одинокий”. Главный ее герой – мальчик Петя, оказывается причастным к революционным событиям в Одессе. Один из руководителей восстания – матрос Родион Жуков. На протяжении повести Петя встречается с ним в самых неожиданных ситуациях. Жуков интересен мальчику, Петя тянется к матросу и помогает, как может, его соратникам. Попав на маевку, он слушает выступление Жукова, который откровенно признается:

“Тут мне послышалось, кому-то было интересно, что я за такой сюда к вам приехал – интересный господинчик в перчаточках и в крахмалке, парля франсе. На это могу вам ответить, что я есть член Российской социал-демократической рабочей партии, фракции большевиков, посланный сюда к вам от Одесского объединенного комитета. И я есть такой же самый рабочий человек и моряк, как вы здесь все. А что касается крахмале жилет-пике, белые брючки, то на этот вопрос тоже могу я вам с удовольствием ответить одним вопросом. Вот вы все здесь одесские рыбаки и, наверное, знаете. Почему, скажите вы мне, рыба скумбрия носит на себе такую красивую голубую шкуру с синими полосками, вроде муаровыми? Не знаете? Так я вам могу свободно это объяснить. Чтоб тую скумбрию незаметно было в нашем голубом Черном море и чтоб она не так скоро споймалась на ваш рыбацкий самодур. Ясно?

На шаландах послышался смех. Матрос подмигнул, потрянул головой и сказал:

- Так вот я есть тая самая рыба, которая специально одевается в такую шкуру, чтоб ее не сразу было заметно.

На шаландах засмеялись еще пуще:

- Добрая рыба!

- Целый дельфин!

- А не страшно тебе попасть один какой-нибудь раз на крючок?

Матрос подождал, когда кончатся возгласы, и заметил:

- А ну, споймай меня. Я скользкий”.

Мальчик Петя заразился идеями матроса, стал ловцом Жукова – Жуко-ловом. Петю Катаев писал с себя, он такой же Жуколов. Еще один сюрприз от Михаила Афанасьевича: элегантно, одним прозвищем, он обозначает социальный портрет Катаева. Сопоставление в романе матерого романиста с юным героем его повести – намек “Синеглазого” на инфантильность Жуколова, без умолка превозносящего Маяковского, Мейерхольда и Татлина. Вместе с тем это еще и прямая насмешка над успешным “инженером человеческих душ”, имеющим в своем гардеробе перчаточки, крахмале жилет-пике и белые брючки.

Да, скользкий матрос Жуков, но и Катаев ему подстать. Так, Иван Бунин в “Окаянных днях” писал: “Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: “За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...” И они у него были.

Нам осталось еще разобраться с актрисой в желтом платье, с которой пляшет Жуков. Исследователь В. Мершавка (<http://merchavka.ru>), предположил, что основой для ее образа послужила рекламный плакат И. Герасимовича к комедии “Веселые ребята”, на котором изображена Любовь Орлова. Но какая связь между актрисой и Катаевым? Похоже, нас опять ждет какая-то шутка от Михаила Афанасьевича. Приготовились?

В 1936 году вышел комедийный музыкальный художественный фильм “Цирк”, поставленный Григорием Александровым по сценарию, основанному на пьесе Ильи Ильфа, Евгения Петрова и Валентина Катаева “Под куполом цирка”. Главную роль в ней, естественно, сыграла супруга Александра, Любовь Орлова. Но у режиссера со сценаристами возник конфликт, и авторы пьесы убрали свои имена из титров из-за несогласия с режиссерской трактовкой. Записав Орлову в партнерши Катаева, Булгаков посмеялся над ситуацией вокруг фильма. В общем, цирк, да и только...

2. Поэт Двубратский – Илья Ильф

Про поэта Двубратского известно, что он был одет в “желтые туфли на резиновом ходу”. Кажется, ну и что? Мало ли у кого какие туфли? Но желтые ботинки с резиновыми набойками – визитная карточка одного из наиболее популярных героев советской литературы – Остапа Бендера.

В Старгород он вошел в лаковых штиблетах с замшевым верхом *апельсинового* цвета. За их состоянием молодой человек следил с особой тщательностью: как только появились свободные средства, он нашел чистильщика обуви, который раскрасил замшевый верх ботинок *канареечным* цветом. Это, однако, не слишком облагородило их, ибо число разного рода повреждений на них было в преизбытке. Похоже, совсем развалились башмаки вконец после того, как Остап мстительно пнул ими дверь отца Федора. Однако в тот же день Остап приобрел “*новые малиновые башмаки, к каблукам которых были привинчены круглые резиновые набойки*”, и которыми он чрезвычайно гордился. Они были его талисманом:

“Остап с любовью оглядел задники новых штиблет.

- Шик-модерн, - сказал он (Ипполиту Матвеевичу – А.А.). – Не волнуйтесь, председатель, беру операцию на себя. Перед этими ботиночками ни один стул не устоит”.

Отправляясь к мадам Грицацуевой, “Остап почистил рукавом пиджака свои *малиновые* башмаки, сыграл на губах туш и удалился.

Под утро он ввалился в номер, разулся, поставил *малиновую* обувь на ночной столик и стал поглаживать глянцевитую кожу, с нежной страстью приговаривая:

- Мои маленькие друзья”.

Ботинки производили волшебное впечатление. “Ипполит Матвеевич был готов не только молиться на Остапа, но даже целовать подметки его *малиновых* штиблет”. Они же были той единственной приметой, которую запомнила вдова и по которой мечтала отыскать своего возлюбленного. В “Старгородскую правду” она дала объявление, в котором была строка: “Ушел из дому т. Бендер, лет 25-30. Одет в зеленый костюм, *желтые* ботинки и голубой жилет”. “Троекратно прозвучал призыв со страниц “Старгородской правды”. Но молчала великая страна. Не нашлось лиц, знающих местопребывание брүнета в *желтых* ботинках”. Узнав, что Остап объявился в Москве, вдова бросилась в столицу, где узнала, что двести тысяч москвичей носят *желтые* ботинки. Но счастье все же улыбнулось ей, и она увидела-таки своего героя в *малиновых* башмаках, запорошенных штукатуркой.

Авторы “Двенадцати стульев” не раз и не два упоминают про туфли своего героя. Цвета они, надо признать, преоригинального, и Ильф с Петровым не жалеют красок, описывая их. “Маленькие друзья” Бендера светятся то малиновым, то канареечным, а то просто желтым цветом. Солнечные оттенки их цвета символизируют внутренний настрой их обладателя, его праздничное отношение к жизни.

Булгаков, в свою очередь, обратил внимание на особую примету бендеровского гардероба и нарядил поэта Двубратского в желтые туфли на резиновом ходу. Но кого из двух – Ильфа или Петрова, - он вывел прототипом поэта. И почему поэта?

У Булгакова каждое слово значимо. Вот, фамилия Двубратский. Ее можно истолковывать в балагановско-паниковском духе. Балаганов и Паниковский, как и Бендер, представляются сыновьями лейтенанта Шмидта. Они молочные братья, и Бендера можно именовать Двубратским. Но есть и более серьезное истолкование.

В предисловии к “Золотому теленку” Ильф и Петров в свойственной себе манере разыгрывают читателя, представляясь литературными братьями:

“Как мы пишем вдвоем? Да так и пишем вдвоем. Как братья Гонкуры. Эдмонд бегаёт по редакциям, а Жюль стережет рукопись, чтобы не украли знакомые”.

Если рассматривать писательский дуэт, как единое целое, как одного автора, то ему чрезвычайно подошла бы фамилия Двубратский. Но кто же из двух “Гонкуров” носит эту фамилию в “Мастере и Маргарите”?

В качестве решающей “детали” надо вспомнить, что Булгаков называет Двубратского поэтом. И это вынуждает нас сделать выбор в пользу Ильфа, первые литературные опыты которого были связаны с поэзией. В Одессе он был членом “Коллектива поэтов” – литературного клуба, участники которого, собираясь ежедневно, говорили на литературные темы, читали стихи и ставили любительские спектакли. На этих импровизированных вечерах часто бывали Юрий Олеша, Валентин Катаев, Эдуард Багрицкий и Исаак Бабель. Именно на вечерах “Коллектива поэтов” состоялись его первые выступления. Юрий Олеша вспоминал: “Он прочел стихи. Стихи были странные. Рифм не было, не было размера. Стихотворение в прозе? Нет, это было более энергично и организовано... чувствовалось, что автор увлечен французской живописью и что какие-то литературные настроения Запада, неизвестные нам, ему известны”. Поэтом Ильф не стал, но Булгаков, наверняка, знал о его юношеском пристрастии, как и то, что напечатать свои вирши юный поэт так нигде и не смог. Что ж, умел Михаил Афанасьевич прикалываться!

Стоит еще добавить, что в “Коллективе поэтов” Илья Ильф познакомился с Митей Ширмахером, называвшим себя “сыном турецкоподданного” и “великим комбинатором”. По мнению друзей Ильфа, именно Митя стал прототипом Остапа Бендера. И потому Ильфа, как непосредственно знавшего ловкого одессита, более оправданно было бы сопоставить с Бендером. Что Булгаков и сделал.

3. Сочинитель скетчей Загринов – Евгений Петров

У Ильфа и Петрова есть смешной фельетон, который называется “Журналист Ошейников”. Задача у Ошейникова крайне серьезная – написать художественный очерк о юбилейном заседании, посвященном заслуженному работнику Ботанического сада. Но писательская мысль неудержима и своенравна, и когда под утро, после ночи непрерывного творчества очерк был готов, то в нем были упомянуты все начальники, от которых в той или иной степени зависела будущность Ошейникова. Вот только в свое художественное произведение он не вписал имя юбиляра.

“Как же без юбиляра? – удивилась жена. – Ведь сорок лет беспорочной деятельности в Ботаническом саду.

- А на черта мне юбиляр? – раздраженно сказал Ошейников. – На черта мне Ботанический сад! Вот если бы это был фруктовый сад, тогда другое дело!

И он посмотрел на жену спокойным, светлым, уничтожающим взглядом”.

Ошейник одевается на шею, загривок. Загривов, по смысловой ассоциации, то же, что Ошейников. Вот и объяснение происхождения фамилии автора популярных скетчей. Само это слово английского происхождения и обозначает небольшую пьесу комедийного или острого содержания с двумя, реже – тремя персонажами. Что ж, Петров, действительно, был мастером их изготовления.

4. Денискин – Юрий Олеша

Про Денискина Булгаков сообщает только лишь, что он был маленький. Примета важная, но явно не определяющая. Поэтому начнем с фамилии. Ее корень восходит к имени бога Диониса. Это уже важная “зацепка”, поскольку пристрастие к мифологии – черта довольно редкая. Приведем на этот счет отрывок из катаевского “Венца”, где автор передает разговор молодого Юрия Олеша с офицером, пришедшим попросить написать его стихи на заказ:

“Виноват, а вы, собственно, кто? Командарм?

- Никак нет, отнюдь не командарм.

- Ну раз вы не командарм, то значит, вы ангел. Скажите, вы ангел?

Молодой человек замялся.

- Нет, нет, не отпирайтесь, - сказал ключик, продолжая лежать в непринужденной позе на жесткой кровати. – Я уверен, что вы ангел: у вас над головой крылья. Если бы вы были Меркурием, то крылья у вас были бы также и на ногах. Во всяком случае, вы посланник богов. Вас послала к нам богиня счастья, фортуна, сознайтесь.

Ключик сел на своего конька и, сыпля мифологическими метафорами, совсем обескуражил молодого человека, который застенчиво улыбался”.

Итак, Олеша – любитель и знаток мифологии. Но это лишь первый шаг в понимании смысла фамилии. Дионис – бог виноделия и веселья, а писатель, как известно, был отмечен великой страстью к возлияниям в его честь. Булгаков очень деликатно обыграл эту черту своего персонажа. И опять-таки, поскольку Олеша был маленького роста и проигрывал в сравнении с античным великаном, то Михаил Афанасьевич использовал в его фамилии уменьшительно-ласкательный суффикс “ск”. Ей-богу, и смешно, и не обидно.

Примечательно, что, в отличие от других писателей, Денискин танцует в паре с гигантской Штурманом Жоржем. В этой фразе, помимо внешнего сатирического эффекта, основанного на противопоставлении “маленький – гигантская”, присутствует и скрытый намек на Олешу, связанный непосредственно с его творчеством. В 1927 году Олеша опубликовал роман “Зависть”, главный герой которого – Кавалеров, схож с самим автором. Булгаков, обыгрывая этот момент, обязал кавалера Денискина пригласить на танец Настасью Лукинишну Непременову. Знали бы вы ее прототип, улыбнулись бы пошире, но всему свое время.

5. Сценарист Глухарев – Исаак Бабель

Братья Катаевы, Ильф и Олеша были одесситами. Как и Бабель, которого Булгаков вывел в своем романе в образе писателя Глухарева. Но почему Михаил Афанасьевич выбрал такую фамилию?

В бабелевской “Конармии” есть рассказ “Иваны” – грустная история дьякона Ивана Агеева, который притворился глухим. Лекари, провозившись с ним неделю и не сломив упорства мнимого больного, решили отправить его на испытание в более высокую медицинскую инстанцию. Обратился тогда санитар Сойченко за помощью к другому Ивану – Акинфиеву:

“Иван, - сказал ему Сойченко, - отвезешь глухаря в Ровно.

- Отвезти можно, - ответил Акинфиев.

- И расписку мне доставишь в получении...

- Ясно, - сказал Акинфиев, - а какая в ней причина, в глухоте его?..

- Своя рогожа чужой кожи дороже, - сказал Сойченко, санитар. – Тут вся причина. Фармазонщик он, а не глухарь...”

Вот отправились Иваны в путь, только повозочный взялся сам испытывать дьякона. По несколько раз на день, во время каждой остановки он стрелял из револьвера над ухом симулянта. Путешествие их в силу непредвиденных обстоятельств затянулось, и на третьи сутки Иван Агеев оглох по-настоящему, в чем и признался бойцу Лютову, случайно встретившемуся Иванам по дороге.

Вот такая история военного времени. Дьякон – пацифист и не хочет воевать. Дважды дезертирство ему прощалось, но третьего Иван Акинфиев уже не простит самолично, такое беспощадное наступило время.

В лице конармейца Лютова Бабель изобразил себя. Фамилия эта, надо признать, совершенно не соответствует его поведению, как в мирной жизни, так и в военных действиях. Он пацифист, и в атаку ходит с незаряженным наганом, что пронизательно заметил неугомонный Иван Акинфиев. Вот Булгаков и награждает Бабеля прозвищем его персонажа – Глухарев. С художественной точки зрения - безупречно.

В “Мастере и Маргарите” Глухарев назван сценаристом. Этому были основания – Исаак Бабель участвовал в создании 19 фильмов. Но опять-таки за этой Бабеле-идентификацией слышится задорный булгаковский смех. Ведь тексты сценариев не имели никакого отношения к литературе, они были одним из способов заработка. К тому же, история самого знаменитого из фильмов, к которому приложил свое перо Бабель, - уже упоминавшегося “Цирка” – давала реальный повод хохотать над ним. История со сценарием фильма, в самом деле, получилась уморительной. Режиссер Александров попросил Бабеля рукою мастера поправить диалоги в первоначальном тексте, написанном Ильфом, Петровым и Катаевым. Узнав об этом, трио последних, разумеется, обиделось, и попросило убрать свои имена из титров.

Отметим, однако, одну нестыковку нашей расшифровки. У Бабеля была дача в Переделкино. Между тем, при обсуждении дачной темы Глухарев ведет себя, на удивление, заинтересованно:

“Ну вот видите, - продолжала Штурман, - что же делать? Естественно, что дачи получили наиболее талантливые из нас...”

- Генералы! – напрямик врезался в склоку Глухарев-сценарист.

Бескудников, искусственно зевнув, вышел из комнаты.

- Один в пяти комнатах в Перельгине, - вслед ему сказал Глухарев”.

Из отрывка вроде бы следует, что у Глухарева нет дачи. Но со всей очевидностью этого утверждать нельзя. Булгаков оставляет возможность для различных толкований. Зачем это сделано? Может, потому, что вопрос с дачами, как ни крути, третьеразрядный.

Проблему жизни и смерти он не затрагивает. А вот то, что Глухарев явно обнаруживает свой конфликт с “генералами” и лично с Бескудниковым, очень серьезно. И таким способом Булгаков показывает, что прототип Глухарева вскоре наживет неприятности (Бабель был расстрелян в 1940 году).

6. Иероним Поприхин – Самуил Маршак

Про Иеронима Поприхина автор сообщает одну пикантную подробность: жена его больна базедовой болезнью, и Поприхин никак не может отправить ее пожить на даче в Перельгино. Базедовая болезнь – эндокринное заболевание, характеризующееся увеличением щитовидной железы. Ярко выраженным ее проявлением служит пучеглазость. Заболевание это серьезное, и, что называется, на виду. Конечно, первая мысль – поискать писателей, у которых жены имели как раз такое заболевание. Но для Булгакова такие прямые “наводки” нехарактерны, они слишком примитивны. Значит, больна не жена, а какая-то значимая для Поприхина дама. Если вопрос развернуть в такой плоскости, то ответ находится достаточно быстро. Имя дамы – Надежда Константиновна Крупская. Очевидно, упоминание “жены” – очередной шифр Михаила Афанасьевича, отвлекающий маневр, но вместе с тем это и указание, что прототип Поприхина следует искать среди любимчиков Крупской. А поскольку Надежда Константиновна имела отношение, прежде всего, к детской литературе, то фигура прототипа обозначается мгновенно – Маршак.

В 1907 году Маршак опубликовал сборник “Сиониды”, посвященный еврейской тематике. Одно из стихотворений было посвящено Теодору Герцлю, “отцу сионизма”. В 1911 году Самуил Маршак вместе с группой еврейской молодежи совершил путешествие в страны Восточного Средиземноморья – Турцию, Грецию, Сирию, Палестину. Интерес к древней и, прежде всего, еврейской истории был у него не случайным. По признанию старшего внука поэта, Самуил Яковлевич был пламенным сионистом. Фамилия “Маршак” является сокращением выражения, которое на иврите буквально означает “Наш учитель рабби Аарон Шмуэль Кайдановер” и принадлежит потомкам этого известного раввина и талмудиста (1624-1676 гг.). Булгаков, естественно, не мог пройти мимо такого замечательного факта. Поприхину-Маршаку он дает имя Иероним, в честь Иеронима Стридонского (342-420 гг.) – церковного писателя, аскета, создателя канонического латинского текста Библии. Правда, Иероним почитался в христианской (как православной, так и католической) традиции, и к иудаизму не имел никакого отношения. Но тут, как говорится, дьявол попутал. При этом, однако, Булгаков не забывает про главное направление литературной деятельности Маршака – переводы. Святой Иероним считается покровителем всех переводчиков. А Маршак был автором переводов сонетов Шекспира, песен и баллад Бёрнса, стихов поэтов самых разных народов.

Это что касается имени писателя. Теперь о фамилии. Здесь нам придется привести цитату из тезисов доклада Ю.В. Кондаковой на международной конференции “Русский язык и русистика в современном культурном пространстве” (Екатеринбург, 1999): “Обратим внимание на такие фонетически похожие фамилии, как Попришин (Гоголь “Записки сумасшедшего”) и Поприхин (Булгаков “Мастер и Маргарита”). Очевидно, что образованы они от слова “поприще” – ‘область деятельности’ и именно род занятий и объединяет гоголевского и булгаковского героев. Оба они – чиновники: Попришин служит в департаменте, а Поприхин – в МАССОЛИТе. Интересно отметить, что слово “поприще” родственно слову “попрать” (через старо-славянское *пърати* – ‘давить, топтать’). По отношению к значению этого слова семантика фамилий гоголевского и булгаковского

персонажей различна: Поприщин – попираемый, а Поприхин – попирающий. Следует подчеркнуть, что имена этих героев гоголевского и булгаковского произведений можно объединить на основании способа сочетания имени и фамилии (Аксентий Поприщин и Иероним Поприхин). Он состоит в том, что редкое, высокопарное, часто античное имя сочетается с вполне обычной, даже заурядной фамилией, что порождает, во-первых, комический эффект, а во-вторых, подчеркивает необычность, странность, ирреальность персонажа”.

Маршак, действительно, тяготел к руководящей деятельности на службе государству. В 1920 году, еще живя в Екатеринодаре, Маршак организует комплекс культурных учреждений для детей, в частности, создает один из первых детских театров. Он является основателем и первым заведующим кафедрой английского языка в Кубанском политехническом институте (ныне Кубанский государственный технологический университет). В 1922 году Маршак переезжает в Петроград, где становится одним из руководителей студии детских писателей в Институте дошкольного образования Наркомпроса. В 1923 году он возглавляет детский журнал “Воробей” (в 1924-25 гг. – “Новый Робинзон”), на протяжении нескольких лет руководит Ленинградской редакцией Детгиза, Ленгосиздата, издательства “Молодая гвардия”.

Интересная деталь. Поприхин упоминает, что уже три года платит денежки, чтобы отправить жену в перелыгинский рай. Поскольку, как теперь ясно, речь идет о взносах в Союз писателей, то время действия – 1937 год. Бабель (Глухарев) еще не репрессирован. Маршак с семьей переселился в Москву годом позже, где ему тут же предоставили шикарную по тогдашним меркам квартиру на улице Чкалова, где проживали Прокофьев, знаменитые Кукрыниксы, родственники Чапаева и сам Чкалов. Внук писателя Я.И. Маршак добавляет к этому: “Деду предложили дачу в писательском Переделкине. Это была освободившаяся дача Исаака Бабея, которого как врага народа расстреляли. Дед, не раздумывая, отказался”. Так что Маршак и впрямь никак не мог отправить свою жену отдыхать в Переделкино ни до, ни после переезда в Москву. Хотя, видимо, все-таки очень хотел этого, доверимся в этом Булгакову.

7. Драгунский – Всеволод Иванов

Драгуны – название конницы (или кавалерии), способной также действовать в пешем строю. Про драгун вроде бы никто из советских писателей не историй не сочинял, но не будем забывать, что Михаил Афанасьевич был большой шутник и любил придумывать веселые аллегорические прозвища.

В повести Всеволода Иванова “Бронепоезд 14-69” присутствует необычная батальная сцена. Она разворачивается вблизи железнодорожного полотна, по которому движется бронепоезд. Цель его – прорваться через баррикаду из бревен, сооруженную партизанами. Бронепоезд мечется по путям то подходя к затору, то двигаясь обратно, а его стрелки методично расстреливают мужиков, прячущихся в близлежащем лесу и за разного рода препятствиями. Руководит партизанами походный штаб из трех человек – Вершинина, Знобова и Васьки Огорока. Походный, потому что все трое находятся в телеге и гоняются на ней за бронепоездом.

“Вершинин погнал лошадь вдоль линии железной дороги вслед убегающему бронепоезду:

- Не уйдешь, курва!

Лохматая, как собака, лошаденка трясла большим, как бочка, животом. Телега подпрыгивала. Вершинин встал на ноги, натянул вожжи:

- Ну-у!..

Лошаденка натянула ноги, закрутила хвостом и понесла. Знобов, подсакивая грузным телом, крепко держался за грядку телеги, уговаривая Вершинина.

- А ты не гони, не догонишь! А убить-то тебя за дешеvu монету убьют.

- Никуда он не убежит. Но-о, пошел!

Он хлестнул лошадь кнутом по потной спине.

Васька закричал:

- Гони! Весь штаб делат смотр войскам! А на капитана етова с поездом его плевать.

Гони, Егорыч!.. Пошел!

Телега бежала мимо окопавшихся мужиков. Мужики подымались на колени и молча провожали глазами стоящего на телеге, потом клали винтовки на руки и ждали пронсящийся мимо поезд, чтобы стрелять.

Бронепоезд с грохотом, выстрелами несся навстречу. <...>

Среди огней молчаливых костров стремительно в темноте серые коробки вагонов с грохотом носились взад и вперед.

А волосатый человек на телеге приказывал. Мужики подтаскивали бревна на насыпи и, медленно подталкивая их впереди себя, ползли. Бронепоезд подходил в упор и бил”.

Вот и нашлись литературные драгуны. Вершинин, Знобов и Васька воюют и не в пешем, и не в конном строю. Булгаков сопоставляет Всеволода Иванова с его героями, сражающимися с движущейся железной “крепостью” на телеге. Булгаков посмеялся над писателем, который, если и не выдумал сам сюжет, то уж заведомо исторически недостоверно описал его. Судите сами, белогвардейцы ни разу не решились атаковать партизан, чтобы разобрать баррикаду. Судя по тексту, причиной тому их малочисленность по сравнению с числом мужиков-партизан. Но тогда как этот небольшой отряд подавит восстание, прорвавшись в город? Повторимся, может быть, такой случай и происходил в действительности, но сама сцена боя не выписана и выглядит неправдоподобной. И автору “Белой гвардии” это было абсолютно ясно.

8. Штурман Жорж – Новиков-Прибой

Образ Настасьи Лукиничны Непременной, купеческой сироты, пишущей морские батальные истории под псевдонимом “Штурман Жорж”, пожалуй, является самым гротескным среди всех писательских персонажей. В добавление ко всему, Булгаков называет женщину еще и гигантской. Были ли среди женщин-писателей такие яркие фигуры? Булгаковская энциклопедия называет трех таких женщин – французскую писательницу XIX века Жорж Санд (Аврору Дюпен), Ларису Рейснер (1895-1926 гг.) – прототип женщины-комиссара в пьесе Всеволода Вишневского “Оптимистическая трагедия” (1933 г.), и драматург Софья Александровна Апраксина-Лавринойтис, писавшая под псевдонимом “Сергей Мятежный”.

Версия Б.В. Соколова, однако, представляется нам совершенно неприемлемой. Ну, при чем здесь Жорж Санд? Что, если совпали имена псевдонимов, то уж надо непременно зачислять писательницу в прототипы? А Рейснер с Апраксиной-Лавринойтис? Зачем Булгакову поминать никому не интересных графоманок? Да еще вводить их в избранный круг членов правления МАССОЛИТа? Версия слабая, никчемная. Другое дело, и это надо признать, что образ Штурмана Жоржа – очередной сюрприз от Михаила Афанасьевича и вызов литературоведам, обладающим чувством юмора.

Давайте рассуждать логически. Среди советских женщин-писателей морских баталистов никогда не было. Значит, делаем вывод, Штурман Жорж – мужчина. Все просто. Если же учесть, что известных мужчин-баталистов в советской литературе было совсем немного, то угадывание прототипа гигантского штурмана не составит труда. Это Алексей Силыч Новиков-Прибой, автор двухтомной эпопеи “Цусима”.

Будущий писатель родился в 1877 году в крестьянской семье. Его отец Силантий Филиппович пробыл на военной службе 25 лет. Алексей обучался грамоте у дьячка, а затем в церковно-приходской школе. В 1899 году он призван в армию, где вначале служит матросом Балтийского флота. Но после ареста в 1903 году за революционную пропаганду, как “неблагонадежный”, был переведен во 2-ю Тихоокеанскую эскадру на броненосец “Орел”. Участвовал в Цусимском сражении, попал в плен. Вернувшись из плена в родное село, Новиков написал два очерка о Цусимском сражении: “Безумцы и бесплодные жертвы” и “За чужие грехи”, изданные под псевдонимом А. Затертый. Брошюры были сразу же запрещены правительством, а в 1907 году писатель был вынужден перейти на нелегальное положение, так как ему грозил арест. Он бежал сначала в Финляндию, а затем в Англию. Целью его путешествия был Лондон. Вот и объясняется, почему Булгаков окрестил его на английский лад “Жоржем” и присвоил морскому путешественнику “звание” штурмана. Но почему при этом вывел женщиной?

О своей переправе в Лондон Новиков-Прибой описал в рассказе “По-темному”. На языке матросов “ехать по-темному” означало нелегально пересечь границу. Героя рассказа, который называет себя Митричем, кочегары прячут в недоступном для других тайнике. Там царит абсолютная тьма, так что когда к Митричу подсаживают еще одного попутчика, называющего себя Васьком, он не в состоянии разглядеть его. Но они разговаривают:

“Вы куда едете? – слышится шепот Васька.

- В Лондон. А вы?

- Я тоже.

Немного погодя снова задает мне вопрос:

- Разве большие дела за вами, что бежите в такую даль?

Я не отвечаю. Мне вдруг приходит в голову, что это шпион”.

Мысль о предательстве не дает Митричу покоя. В какой-то момент он уже готов наброситься на попутчика, но простая мысль, что Васек сильнее, сдерживает его.

Уверенность в победе исчезает, но Митрич вспоминает, что у него есть складной нож. Он вынимает его, раскладывает и держит наготове в правой руке. Мысленно он повторяет: “Ну, подойди теперь ко мне, гнусная тварь, подойди! Как всажу нож в твое подлое мясо! Только кровь брызнет. Больше уж никого не поймаешь”.

Только после отплытия корабля Митрич успокаивается. А мы к этому должны добавить, что Васьком оказалась совсем юная девушка, которая так же нелегально плыла в Лондон, где ее ждал возлюбленный. В общем, Митрич перепутал пол попутчика и трепетал от страха перед девушкой. Герой цусимского сражения, пламенный революционер сдрейфил, как баба. Булгаков использовал этот рассказ Новикова, чтобы вывести его в женском образе. Полное имя ее - Настасья Лукинична Непременова, образовано из традиционно русских “компонентов”, по аналогии с полным именем писателя. К моменту путешествия в трюме корабля он остался сиротой. Если же учесть, что отец его по возвращении с военной службы стал торговать лесом, то назвать Штурмана Жоржа купеческим сиротой очень даже уместно. Не пожалел Михаил Афанасьевич своего героя и обнажил его, не совсем крестьянское, дореволюционное прошлое.

На Первом съезде писателей Алексей Силыч Новиков-Прибой был избран членом Правления Союза писателей СССР. Так что включение Булгаковым его прообраза в члены правления МАССОЛИТа вполне естественно. В том же 1934 году Новиков-Прибой построил себе дачу в поселке Черкизово Пушкинского района Московской области. Так что нужды в переделкинских хоробах Штурман Жорж не имел. Новиковская дача находилась на берегу Клязьмы, поэтому Штурман Жорж вспоминает именно об этой реке:

“А сейчас хорошо на Клязьме, - подзудила присутствующих Штурман Жорж, зная, что дачный литературный поселок на Клязьме – общее больное место. – Теперь уж соловьи, наверно, поют. Мне всегда как-то лучше работается за городом, в особенности весной”.

Жить за городом – было мечтой Новикова-Прибоя, и он ее осуществил самостоятельно, без помощи Союза писателей. При этом забавно, что насчет дач в правлении открыто бузили только Штурман Жорж и Глухарев, прототипам которых, как мы выяснили, дачи нужны не были. Надо признать, ситуация для творческих союзов обычная. Булгаков ничего не выдумал, он просто над этим посмеялся.

9. Критик Абабков – Андрей Платонов

Андрей Платонов писал не только прозу, у него есть и литературно-критические сочинения. Например, статья “Пушкин и Горький”, на которую, как нам представляется, и обратил внимание Михаил Булгаков. Она носит очень общее название, которое не отражает реального ее содержания. Андрей Платонов размышляет о роли бабушек-воспитательниц в судьбе двух классиков, - Арины Родионовны и Акулины Ивановны. Так что, если по существу, то сочинение надо было бы назвать “О бабках”, а самому сочинителю дать прозвище Абабков.

У Андрея Платонова свой особенный стиль. Думаем, он смешил Булгакова. Да и можно ли без улыбки читать следующий пассаж из упомянутой статьи:

“Чувствовал ли Пушкин значение матери – как начала жизни и как поэтический образ?.. Он был фактически сирота (мать его не любила), но сироты сами находят себе матерей, они без них тоже не живут. Для Пушкина женщиной, заменяющей мать, была няня, Арина Родионовна. Он не только любил ее нежным чувством, как благодарный сын, он считал ее своим верным другом-товарищем, Пушкин так и называет ее:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя.

В этих двух строках сразу дается отношение Пушкина к Арине Родионовне – как к товарищу: “Подруга...” – и как к няне-матери: “Голубка дряхлая моя”

Няня-мать рассказывала сказки, а Пушкин сказки сам писал. Они и по “профессии” были товарищами – оба поэты”. Самое смешное в этом фрагменте – его абсолютная серьезность. Писателю хватило осторожности не написать про посиделки двух товарищей, когда они с горя хлопали по кружке горячительного. Но они припоминаются в связи с этим текстом сами собой.

А что же бабушка Горького? “Эта бабушка, похожая на весь русский народ и на Арину Родионовну, сыграла для Горького ту же роль, если не большую, что и Арина Родионовна для Пушкина”. Тезис сильный и, думается, верный. Платонов, анализируя горьковскую повесть “Детство”, сопоставляет Акулину Ивановну с древнейшей языческой богиней, прародительницей мира и всего сущего на земле. Но в своем матриархальном восторге Платонов излишне увлекается, и патриархальное начало жизни изображает в самых мрачных тонах: “Агрессивная сила деда, в котором дана вся русская кулацко-

буржуазная действительность, десятки лет боролась с бабушкой – музой – и не победила ее, потому что бабушка – это самая волшебная жизнь, осознанная еще Пушкиным; бабушка обращает любых агрессивных чертей и бесов в тараканов; она воспитывает революцию в лице Алексея Пешкова”. Для Булгакова нелепость этой прекраснотушной тирады была предельно ясна. Уж он-то доподлинно знал, что превращать чертей и бесов революции в тараканов будет Иосиф Виссарионович, и что воспитывать (в классическом смысле) революционеров, прививая им память рода и дух Отечества, будет Александр Сергеевич, но уж никак не Алексей Максимович.

10. Драматург Квант – Федор Гладков

Понятие “квант” (от латинского quantum – “сколько”) обозначает неделимую порцию какой-либо величины в физике. Булгаков широк, он использует модный физический термин, который после создания квантовой механики во второй половине 20-х годов, стал одним из символов новейшего естествознания. Надо признать, что это не единственный пример использования в романе научной терминологии. Фагот-Коровьев щеголяет знанием биннома Ньютона и свойств пятимерного пространства. Относительно последнего термина стоит поаплодировать Булгакову отдельно, ибо он демонстрирует знание новомодной в его время теории Калуцы-Клейна, оказавшей позднее существенное влияние на развитие теоретической физики (так называемой, “теории струн”).

Но вернемся к кванту. Исследователь В. Мершавка предположил, что фамилия драматурга связана с квантовой природой света, и потому прототипом Кванта стал поэт Михаил Аркадьевич Светлов. Автор знаменитой “Тренады” в 1935 году написал пьесу о колхозной жизни под названием “Глубокая провинция”, так что Булгаков очень даже мог назвать Светлова драматургом, особенно если учесть, что пьеса была раскритикована в “Правде” и снята со сцены. Нам очень нравится идея В. Мершавки, но есть одна неувязка с текстом романа. Драматург Квант живет в Лаврушинском переулке, тогда как Светлов в 1931-62 гг. жил в “Доме писательского кооператива” в Камергерском переулке.

Мы предпочитаем отдать роль Кванта писателю Федору Михайловичу Гладкову, который, в отличие от Светлова, имел квартиру в Лаврушинском переулке. В начале творческого пути он написал две пьесы – “Бурелом” (1920 г.) и “Ватага” (1923 г.). Первую из них поста вил Вс. Мейерхольд. Прославился Гладков своим романом “Цемент” (1925 г.). Следующим его этапным творением стал роман “Энергия”, написанный на материале возведения Днепрогэса и других социалистических строек. Думаем, что Булгаков среагировал на это название. Квант энергии – это минимально возможная энергия в системе. Для творческого человека такая характеристика означала мизерный уровень мастерства. Прозвище “Квант”, равно как и жанровая специализация автора “Энергии” – драматург, безусловно, носят по отношению к Гладкову уничижительный характер. Литературой творчество Гладкова Булгаков, думаем, никогда бы не назвал. Для примера приведем характеристику инженеров из первой главы романа “Энергия”: “Ничтожный народец – обтрепыши, бездарная шваль <...> в стенах кабинета: спесь, гонор, <...> точно непризнанные гении. <...> Торчит этакий Симеон-столпник и гадит под себя. Думает, что олицетворяет собою свободный дух великой русской интеллигенции, а к нему подойти нельзя – весь протух от нечистот. Думает, что он утверждает наджизненность святой нейтральности, а он – только всенародное чучело”. После этого остается только удивляться, как же с такими горе-инженерами страна осилила индустриализацию и выиграла войну?

11. Беллетрист Бескудников – Илья Эренбург.

“Беллетрист Бескудников – тихий, прилично одетый человек с внимательными и в то же время неуловимыми глазами” – относится к “генералам” МАССОЛИТа. Зная, что у Булгакова ни одно слово не употреблено просто так, стоит предположить, что Бескудников непосредственно связан со структурой, надзирающей за писателями. Б.В. Соколов (“Булгаковская энциклопедия”) предполагает, что прототипом беллетриста послужил драматург Владимир Михайлович Киришин (1902-1938 гг.). Он, действительно, изысканно одевался и был дружен с Генрихом Ягодой. Но беллетристом его назвать нельзя. Кроме того, у него не было дачи в Переделкино и квартиры в Лаврушинском переулке. На наш взгляд, на роль прототипа Бескудникова более подходит Илья Эренбург, к которому идеально подходит все, что мы знаем об этом булгаковском персонаже.

Илья Эренбург родился в 1891 году в Киеве в зажиточной еврейской семье. В 1895 году семья переехала в Москву. С 1905 года участник революционного движения, сторонник большевиков. В январе 1908 года был арестован, полгода провел в тюрьмах, но был освобожден до суда, после чего эмигрировал во Францию, жил в Париже более 8 лет, занимаясь литературной деятельностью. Летом 1917 года вернулся в Россию. В 1921 году снова уехал за границу, первые три года жил в Берлине, а потом много путешествовал по Европе. С 1923 года он работает корреспондентом “Известий”. С начала 1930-х годов регулярно приезжал в СССР. Во время гражданской войны 1936-39 годов Эренбург был военным корреспондентом. С 1940 года до конца жизни жил в Советском Союзе.

Эренбургу, как никакому другому советскому писателю, подходило прозвище “генерал”, которым Глухарев наградил Бескудникова. Настолько колоссальным был его авторитет и обширны международные связи. В 1922 году Эренбург опубликовал философско-сатирический роман “Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников”. Рисуя портрет Учителя – главного героя романа, автор отмечает: “Будда воплотился в этого высокого, худого человека с глазами, полными движения, но обладавшими непостижимой силой останавливать время”. Не напоминают ли они вам глаза Бескудникова? У булгаковского беллетриста – неуловимые и внимательные глаза, у Хулио Хуренито – полные движения и останавливающие время. Характеристики не просто схожие, а, что называется, один в один. Кстати, именно Бескудников, глядя на часы, фиксирует точное время действия.

В фамилии “Бескудников” и первый, и второй (согласно, словарю Даля) слоги имеют значение “черт”. Бескудников, таким образом, – это “черт” в квадрате. Вот уж кто сразу бы узнал Воланда и членов его компании и смог бы проникнуть в тайну их пришествия на московские “подворья”. В связи с этим важно указать, что в эренбурговском романе присутствует свод удивительных по точности пророчеств: автор предсказал германский фашизм и его итальянскую разновидность, а также атомную бомбардировку японских городов. Объявлять Эренбурга на основании этого прорицателем, было бы опрометчиво. А вот предположить, что он был причастен к сильным мира сего, и знал о разрабатываемых ими сценариях развития человечества, более, чем уместно.

Исследователь романа “Мастер и Маргарита” В. Мершавка также отождествляет Бескудникова с Эренбургом, но его система аргументации основывается на принципиально иной интерпретации фамилии персонажа. Он полагает, что фамилия Бескудников образована от слова “бескудник” и обозначает человека, взявшего невесту без приданого (без куна, бесплатно). Таковым, по утверждению В. Мершавки, был гражданский брак Эренбурга с Екатериной Шмидт (1910-13 гг.). Не будем возражать,

очень может быть, что Булгаков думал и об этом значении фамилии, но оно определенно было вторичным, производным от изначальной формы - Бескудников.

12. Чердакчи – Аркадий Гайдар

Не скроем, вопрос о происхождении фамилии Чердакчи отнял у автора больше всего времени. Казалось, при чем здесь чердак? Слово разбивалось на части, искали анаграммы из входящих в него букв, созвучные параллели с иностранных языков. В общем, фамилия долго не поддавалась разгадке. При этом она еще ставила под сомнение и всю систему расшифровки. Ведь если принять, что свои персонажи Булгаков придумал на основе произведений их прототипов, то исключений быть не должно. Значит, надо было обязательно найти литературную предысторию фамилии.

Решение проблемы, однако, пришло мгновенно, как только удалось познакомиться с неканонической биографией Аркадия Гайдара. С середины 1930-х годов Гайдар живет один. Жена бросила его, устав от беспробудного пьянства мужа. К тому времени он превратился в мрачного мужчину неопределенного возраста, рано полысевшего и грузного. Но он охотно общался с молодежью. Пионеры его боготворили, и среди них у него были настоящие друзья. Гайдар дарил им немислимые по тем временам подарки: настоящие компасы со светящимися цифрами, перочинные ножи с несколькими лезвиями, серебряные зажигалки. Наиболее приближенных, к огромному неудовольствию их родителей, он периодически водил на экскурсии на крышу своего дома в Столешниковом переулке и в каморку на чердаке. Там писатель разговаривал с подростками за жизнь и потчевал спиртным. Для ребяташек он выступал хозяином чердака, их лидером или, на иностранный манер, шефом (*chief* - по-английски). Поэтому, как нам представляется, фамилия Чердакчи образована от словосочетания Чердак-*chief*. Последний звук при написании был отброшен Булгаковым для удобства произношения и более благоприятного (при всей тяжеловесности фамилии) звучания.

В самой известной повести писателя “Тимур и его команда” на чердаке располагается штаб мальчишеской организации. Гайдар увековечил и опозитизировал любимое место своего уединения и дружеских посиделок с молодежью. В художественной литературе это, наверное, единственный пример, где чердаку придается столь важное сюжетное и смысловое значение. Правда, эта повесть вышла в 1940 году, в год смерти Булгакова, и текста ее Михаил Афанасьевич, скорее всего, не читал. Но о чердаке известного московского отшельника знал наверняка.

Поэтический бомонд МАССОЛИТа

Булгаков не любил стихи советских поэтов. Не случайно Мастер в его романе уничижительно отзывается о поэзии Ивана Бездомного, известнейшего в стране поэта, а сам автор откровенно смеется над Маяковским-Рюхиным. Вместе с тем Михаил Афанасьевич выделяет поэтическую элиту МАССОЛИТа, состоящую из пяти человек – Богохульского, Павианова, Шпичкина, Сладкого и Адельфины Буздяк. Фамилии у них забавные, но теперь уже нет никакого сомнения, что даны они не просто так. Каждая из них несет зашифрованную информацию, по которой можно определить прототип поэта.

1. Поэт Богохульский - Демьян Бедный

Фамилию Богохульский Михаил Афанасьевич подарил Демьяну Бедному (настоящее имя Ефим Алексеевич Придворов). В напаках на Православие ему не было равных. Литературные упражнения поэта вызвали оторопь даже на фоне истерической антирелигиозной пропаганды Емельяна Ярославского. Перу отчаянного богоборца принадлежат – книга стихов “Отцы духовные, их помыслы греховные”, бесконечные фельетоны против “церковного дурмана”, ернический “Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна”.

В 1920-е годы Бедный достиг огромной популярности. Общий тираж его книг на тот момент превысил два миллиона экземпляров. Луначарский оценивал его, как великого писателя, равного Горькому. Поэту была предоставлена квартира в Кремле и личный автомобиль “Форд”. Страстный книголюб, он собрал одну из крупнейших частных библиотек в СССР (свыше 30 тысяч томов). Но в начале 1930-х годов за откровенно русофобские сочинения Бедный попадает в опалу. Его выселяют из кремлевской квартиры. В 1936 году он пишет либретто комической оперы “Богатыри” (о крещении Руси), которая возмутила посетившего спектакль Молотова, а затем и Сталина. В июле 1938 года Демьян Бедный был исключен из ВКП(б) и из Союза писателей с формулировкой “моральное разложение”.

В булгаковском романе прообраз Бедного - Богохульский, однако, еще числится в списках писательского союза, и потому допущен в грибоедовский “ад”.

2. Поэт Павианов – Анна Ахматова

Фамилия Павианов привлекает своей экстравагантностью. Павиан – обезьяна, обитающая в Африке. Как в российских пределах могла родиться такая фамилия?

Но в русской поэзии есть автор, который использовал образ павиана в своем творчестве. Это Николай Гумилев. В его новелле “Лесной дьявол”, рассказывающей о необычном происшествии, произошедшем в Африке приблизительно в VII-VI вв. до н.э., павиан является главным действующим лицом.

Большой старый павиан давно покинул стаю и скитается по лесу свирепым бродягой. Однажды его ужалила ядовитая черная змея. Чтобы спастись, павиан должен добраться до брода, но он занят. “Искусно сложенные стволы деревьев составили широкий и довольно удобный мост, по которому двигалась нескончаемая толпа людей и животных”. В отчаянии животное прыгнуло на шею одного из коней, “который поднялся на дыбы <...> и бешено помчался в лес. Сидевшая на нем девушка схватилась за его гриву...” Конь вскоре упал “с горлом, перегрызенным страшным зверем”, упала и девушка, но быстро поднялась и прислонилась к дереву. Павиан стал на четвереньки и залаял. “Его гнев был удовлетворен смертью коня, и он уже хотел спешить за своей целебной травой, но, случайно взглянув на девушку, остановился. Ему вспомнилась молодая негритянка, которую он недавно поймал один в лесу, и те стоны и плач, что вылетали из ее губ в то время, как он бесстыдно тешился ее телом”. Павианом овладела дикая похоть, и он направился к перепуганной девушке, которая в страхе молилась богине Иштар. Яд змеи, однако, “делал свое дело, и, едва павиан схватился за край шелковой одежды и разорвал ее наполовину, он вдруг почувствовал, что какая-то непреодолимая сила бросила его навзничь”. Позже девушку нашли лежащей без чувств в трех шагах от издохшего чудовища.

Жрецы обвинили девушку в том, что животное лишило ее невинности, и вынесли ей смертный приговор. Однако властитель Карфагена Ганнон отменяет его. “По выражению глаз и по углам губ связанной девушки он видел, что жрец был не прав и что

лесной дьявол не успел исполнить своего намерения”. Он решает жениться на девушке, отмеченной милостью богини. После свадебного пира девушка направилась к шатру жениха, но увидела голову мертвого павиана, воткнутую на кол и выставленную посреди лагеря, чтобы каждый мог выразить ей свое презрение. Девушка остановилась и внезапно в ней пробудилась “странное сожаление к тому, кто ради нее осмелился спорить с Необорной и погиб такой ужасной смертью”. Она целует чудовище, и “первый девственный порыв ее души достался умершему из-за нее лесному дьяволу”.

Литературоведы увлеченно обсуждают различные толкования Гумилевского сюжета, но нам будет интересна автобиографическая подоплека новеллы. Впервые она была опубликована в ноябре 1908 года. Известно, что до этого (с июня 1907 по октябрь 1908 гг.) Гумилев переживал тяжелейшую психологическую драму, сопряженную с неудачами личного характера. Осенью 1906 года в ответ на повторное предложение руки и сердца А. Горенко (Ахматова) дала согласие быть женой молодого поэта. В мае 1907 года поэт поехал в Киев повидаться с невестой, и это “свидание его окрылило”. Однако через месяц, в июне того же года, он получил решительный отказ. Гумилев стойчески перенес это испытание и по прошествии двух с половиной сделал очередное предложение, которое в этот раз было принято. 25 апреля 1910 года они обвенчались. Однако брак двух поэтов не сложился. Анна Андреевна вспоминала: “Скоро после рождения Левы (сентябрь 1912 года – А.А.) мы молча дали друг другу полную свободу и перестали интересоваться интимной жизнью друг друга”. Это был фактический разрыв.

В этой грустной истории можно найти параллели с сюжетом гумилевской новеллы. Насмешник-Булгаков воспользовался ею, чтобы дать прозвище Анне Ахматовой. Писатель отождествил ее с девушкой - героиней новеллы, а Гумилева – с павианом. Такую аналогию проводил не он один. Еще до свадьбы Анна Андреевна создает стихотворение “Старый портрет”, в котором дает описание своего портрета художницы Александры Экстер. В последнем четверостишии Ахматова обращается к себе с вопросом:

И для кого твои жуткие губы
Стали смертельной отравой?
Негр за тобою, нарядный и грубый,
Смотрит лукаво.

В самом деле, для кого? Ясно, что для Гумилева. Более того, негр на портрете напоминает об африканской новелле, в которой девушка подарила поцелуй Лесному дьяволу. Выходит, что и Анна Андреевна сопоставляла своего жениха с Лесным дьяволом из его одноименной новеллы, павианом.

В такой системе аналогий женщину, вышедшую замуж за Гумилева, следовало бы величать поэтессой Павиановой. Это было бы правильно, но очень неблагозвучно и не очень смешно. А что, если назвать ее на мужской манер – поэт Павианов? Звучит складно. Кроме того, для этого словосочетания возможны сразу две интерпретации, которые позволяют подозревать, что его прототип женщина.

Во-первых, одной из разновидностей павианов служат бабуины. Это их название происходит от санскритского понятия “щеголь”. Но роман Булгакова написан на русском языке, и выражение “поэт Бабуинов” хочется толковать в русском ключе, как “поэт-женщина” или “поэт-женщин”. В советской литературе вне конкуренции только две из них – Анна Ахматова и Марина Цветаева. В данном случае речь идет о первой из них. Получается и узнаваемо, и весело!

Во-вторых, в мифологии павиан (обезьяна) выступает символом похотливости, блуда, откровенного эротизма, то есть чисто животных свойств, присущих плотской

любви. Поэтому выражение “поэт Павианов” в сатирическом плане характеризует творца любовной лирики, достигшего в этой области наивысших высот. Анну Андреевну, например.

Булгаков связал фамилию прообраза Ахматовой с Гумилевым. Это можно расценивать, как проявление с его стороны особого уважения к поэтессе. Ахматова, в свою очередь, по воспоминаниям Фаины Раневской, “на всю жизнь сохранила свое восхищение Булгаковым-писателем и человеком”. В стихотворении “Памяти М. Булгакова” есть строки:

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.

Последняя строка в этом стихотворении – ключевая. Ахматова тоньше и глубже распознала Булгакова, чем тот же Катаев. А еще, она никогда не читала своих стихов при нем и называла еще при жизни его гением...

3. Поэт Шпичкин – Борис Пастернак

Фамилию Шпичкин мы производим от английского слова “speech”, обозначающего речь, сказанную по поводу поднятого вопроса. Традиционно речи произносятся англичанами на митингах и за публичными обедами. Бориса Пастернак был любителем произносить речи, именно он и стал прототипом Шпичкина.

Булгаков с уважением относился к Б.Л. Пастернаку. Однажды на именинах у жены драматурга Тренева писатели оказались за одним столом. Пастернак с особенным каким-то придыханием читал свои переводные стихи с грузинского. После первого тоста за хозяйку Пастернак объявил: “Я хочу выпить за Булгакова!” В ответ на возражения именицы-хозяйки: “Нет, нет! Сейчас мы выпьем за Викентия Викентьевича (Вересаева – А.А.), а потом за Булгакова!” – Пастернак воскликнул: “Нет, я хочу за Булгакова! Вересаев, конечно, очень большой человек, но он - законное явление. А Булгаков – незаконное!”

Дмитрий Быков, безусловный апологет Пастернака, характеризуя “Грузинских лириков”, все же признает: “Это слабая книга. Как ни люби Пастернака, как ни восторгайся его неконъюнктурным желанием открыть русскому читателю целую неведомую литературу, нельзя не признать главного: все, что Пастернак делал для заработка, или из теоретических соображений, или по заказу, - много ниже его дарования и даже хуже подценщины посредственных коллег: посредственности лучше годятся для выполнения заказов – у гения выходит такая гомерическая смесь, что хоть святых выноси”. Думается, что и Булгакову, слушавшему грузинские переводы Пастернака у Тренева, стихи не очень понравились. А вот тост, похоже, запомнился, и был воспринят очень благожелательно.

Прозвище поэта объективно отразило его пристрастие к произнесению речей. Будучи сатириком, Булгаков сделал акцент на этой его черте. Конечно, это смешно, но Пастернак сам дал для этого повод. В выступлении на Первом съезде писателей он говорил:

“Поэзия есть проза, проза не в совокупности чьих бы то ни было прозаических произведений, но сама проза, голос прозы, проза в действии, а не в беллетристическом пересказе. Поэзия есть язык органического факта, то есть факта с живыми последствиями.

И, конечно, как все на свете, она может быть хороша или дурна, в зависимости от того, сохраним мы ее в неискаженности или умудрится испортить. Но как бы то ни было, именно это, товарищи, то есть чистая проза в ее первородной напряженности, и есть поэзия”. В присущем себе духе Пастернак предоставляет слушателям додумывать (или выдумывать) то, что он имел в виду. Но, как бы не истолковывать этот текст, приоритет чистой прозы, провозглашаемый поэтом, дает основание называть его, прежде всего, прозаиком. Что, собственно, и делает Булгаков, характеризуя, как мастера русской речи. Правда, делает это в крайне жесткой форме, используя уменьшительный суффикс.

4. Поэт Сладкий – Осип Мандельштам.

Разгадку прозвища поэта Сладкого мы нашли в “Четвертой прозе” Осипа Эмильевича Мандельштама. Но вначале об истории появления этого эссе.

В мае 1927 года Мандельштам подписал с издательством “Земля и фабрика” договор на обработку, редактирование и сведение в единый текст двух разных переводов романа “Легенда о Тиле Уленшпигеле” бельгийского писателя Шарля де Костера. Один из них принадлежал А.Г. Горнфельду, другой – В.Н. Карякину. Ни Горнфельд, ни Карякин об этом ничего не знали и никаких денег за использование издательством их переводов предварительно не получили. В вышедшем в 1928 году издании романа Мандельштам по вине издательства был ошибочно указан как переводчик. Несмотря на публичное оповещение “о вкравшейся ошибке”, Горнфельд опубликовал заметку “Переводческая стряпня”, где говорилось о том, что “Земля и фабрика” “не сочло нужным сообщить имя настоящего переводчика изданного им романа, а О. Мандельштам не собрался объяснить, от кого собственно получено им право распоряжения чужим переводом”. Далее обиженный переводчик доказывал, что “французского подлинника О. Мандельштам не видел” и что из “механического соединения двух разных переводов с их разным стилем, разным подходом, разным словарем могла получиться лишь мешанина, негодная для передачи большого и своеобразного писателя”.

Между спорящими сторонами возникла газетная перепалка, которая настолько распалила поэта, что он написал сверхэмоциональную “Четвертую прозу”. Мандельштам безапелляционно констатирует:

“К числу убийц русских поэтов или кандидатов в эти убийцы прибавилось тусклое имя Горнфельда. <...> Погибнуть от Горнфельда так же смешно, как от велосипеда или от клюва попугая. Но литературный убийца может быть и попугаем. Меня, например, чуть не убил попка имени его величества короля Альберта и Владимира Галактионовича Короленко. Я очень рад, что мой убийца жив и в некотором роде меня пережил. Я кормлю его сахаром...”

Здесь упоминается властвующий на тот момент бельгийский король Альберт I – соотечественник Шарля де Костера, и писатель Короленко, редактировавший журнал “Русское богатство”, в котором Горнфельд был ведущим критиком. Мандельштам рисует образ “попугая” Горнфельда, говорящего по-французки и выражающего, как существо государственное, интересы режима. Мандельштам видит в Горнфельде олицетворение всего писательского сообщества, которое, по его мнению, несвободно, и потому не защитило его честь. В обиде на коллег по перу поэт пишет:

“Писатель – это помесь попугая и попки. Он попка в самом высоком значении этого слова. Он говорит по-французски, если его хозяин француз, но, проданный в Персию, скажет по-персидски: “попка-дурак” или “попка хочет сахару”.

Итак, есть писатели, они же попки, и есть Мандельштам, который кормит их сахаром. Под этим сладким продуктом, думается, следует понимать мед поэзии. Вот и объяснение, почему Булгаков дал Осипу Эмильевичу прозвище Сладкий. Прозвище хорошее, доброе. Мандельштам использовал это слово в своих стихах: “О свободе небывалой / Сладко думать у свечи”, “Еще волнуются живые голоса / О сладкой вольности гражданства”, “Мы с тобой на кухне посидим, / Сладко пахнет белый керосин”.

Но, как всегда у Булгакова, в его придумке есть и второй, не менее важный, план. Прилагательные “сладкий” и “горький” являются антонимами. Давая Мандельштаму прозвище “Сладкий”, Булгаков обозначает абсолютное неприятие поэтом писательских ассоциаций, объединившихся со временем в единый Союз писателей во главе с А.М. Горьким. Булгаков, конечно же, не прошел мимо того факта, что в “Четвертой прозе” Мандельштам шлет проклятия в адрес литераторов, заседающих в Доме Герцена на Тверском бульваре, который в “Мастере и Маргарите” выведен как “Дом Грибоедова”. Осип Эмильевич в гневе заявляет:

“Я срываю с себя литературную шубу и топчу ее ногами. Я в одном пиджачке в тридцатиградусный мороз три раза обегу по бульварным кольцам Москвы. Я убегу из желтой больницы комсомольского пассажа – навстречу плевриту – смертельной простуде, лишь бы не видеть двенадцать освещенных иудиных окон похабного дома на Тверском бульваре, лишь бы не слышать звона серебряников и счета печатных листов”. И дальше уничижает обитателей особняка обращением – “уважаемые романес с Тверского бульвара!” Грубовато, отчаянно, но, подчеркнем, излишне прямолинейно и, по существу, несправедливо. На деле ряд известных писателей, в том числе Пастернак, вступились за поэта и ратовали за разумное, мирное разрешение конфликта, но Мандельштам проявил воинственную непримиримость и слепое упрямство, рассорившись со многими друзьями. Отвергнув “руку помощи”, он предпочел смертельно на всех обидеться и заклинать московское пространство истерическими криками:

“Александр Иванович Герцен!.. Разрешите представиться... Кажется, в вашем доме... Вы как хозяин в некотором роде отвечаете... Изволили выехать за границу?.. Здесь пока что случилась неприятность... Александр Иванович! Барин! Как же быть?! Совершенно не к кому обратиться!”

Тут Мандельштам лукавил. Он обратился к Н.И. Бухарину, и тот, в конце концов, добился литературной командировки поэта в Армению. Что же касается его антиписательского демарша, то никто к нему всерьез не отнесся. В том числе и Булгаков, представивший Сладкого одним из законных массолитовцев.

5. Адельфина Буздяк – Марина Цветаева

Прозвище Адельфина Буздяк, пожалуй, самое комическое. В фамилии Буздяк отчетливо слышится и буза (в смысле неконтролируемое словоизвержение), и пустяк. Это очередная придумка Михаила Афанасьевича, которая, как нам представляется, возникла при чтении стихотворения Марины Цветаевой – “Бузина”.

Стихотворение помечено датами 1931-35 гг. – годами эмиграции поэтессы, и стихотворение служит воспоминанием о Родине, покинутом доме с садом, где растет куст бузины. Автор следит за его преображением с течением времени. В начале лета он зеленый, “зеленее, чем плесень на чане”, но потом ягоды на нем краснеют, так что куст становится похожим на разгоревшийся костер. Перечисляя ассоциативные образы с похожей цветовой гаммой – корь на теле, смесь “кумача, сургача и ада”, кровь - Цветаева останавливается на последнем из них и “включает” разгулявшуюся фантазию:

Бузина казнена, казнена!
Бузина – цельный сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых –
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца – твоей, моей...

Строка “Кровью юных и кровью чистых” вызывает недоумение. Попробуйте угадать, что хочет сказать поэтесса? Что это за существа с чистой кровью? И если она связывает “казненный” куст с жертвами революции и красного террора, то почему речь идет только о крови юных? А как же кровь старых?

Дальше тема крови исчезает, и автор провозглашает свою “политическую платформу”:

Степь – хунхузу, Кавказ – грузину,
Мне – мой куст под окном бузинный
Дайте. Вместо Дворцов Искусств
Только этот бузинный куст...

Начиная с этого места, уже можно смеяться. Скажите, пожалуйста, Марина Ивановна, зачем отдавать Кавказ Грузии?

Хунхузы

Хорошо еще, что поэтесса признается, что из-за ягоды бузины она впала в детство:

Бузина цельный край забрала
В лапы: детство мое у власти.

Поэтому и финал стихотворения:

Я бы века болезнь – бузиной
Назвала...

воспринимается примерно так же, как ошибка в школьном сочинении.

Если вам не понравился наш анализ стихотворения, перечитайте его полностью. В нем 49 строк, и в 19 из них упоминается бузина или производное от нее слово. Стих лишен логических связей, это откровенная буза на тему бузины, сплошной буздяк.

Булгаков называет поэтессу Адельфиной по принципу комического соединения высокопарного имени и обычной (в данном случае придуманной, жаргонной) фамилии. Имя Адельфина является феминизированным вариантом старинного греческого крестильного имени Адельфий. Оно образовано от греческого “adelphos”, что означает “брат”. Адельфину в буквальном русском переводе следует называть братанкой (сестрой). Марина Цветаева, посвящая одно из стихотворений Борису Пастернаку, назвала его так: “Моему брату в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении”. На смерть Есенина она откликнулась стихотворением, в котором были такие строки:

Брат по песенной беде –
Я завидую тебе.

Поэтов она именovala братьями, и те, признавая их родство по творческому поприщу, в ответ должны были бы называть ее сестрой или Адельфиной. Булгаков удивительно точен в деталях.

Завсегдатаи-гурманы и гости “Грибоедова”

У входа в грибоедовский ресторан гражданка “в белых носочках и белом же беретике с хвостиком” спрашивает у посетителей писательские удостоверенья. Зовут ее

Софья Павловна, точно как героиню “Горя от ума”. Она как бы выступает хранительницей “Дома Грибоедова”. Коровьев и Бегемот проникают в ведомственный общепит вне правил. Но они не единственные исключения из принятого порядка вещей. Помимо киноактрисы в желтом платье, в ресторане отдыхают также красавица архитектор и режиссер из Ростова. Тем самым, обнаруживается абсолютная бесполезность Софьи Павловны в качестве сотрудницы МАССОЛИТа. В аллегорическом смысле это можно интерпретировать, как формальное отношение писательского сообщества к наследию классиков.

1. Амвросий – Демьян Бедный и Фока – Михаил Зощенко

У чугунной решетки Грибоедова происходит интереснейший гастрономический диалог между писателями Амвросием и Фокой:

“Умеешь ты жить, Амвросий! – со вздохом отвечал тощий, запущенный, с карбункулом на шее Фока румяногубому гиганту, золотистоволосому, пышнощекому Амвросию-поэту.

- Никакого уменя особенного у меня нету, - возражал Амвросий, - а обыкновенное желание жить по-человечески. Ты хочешь сказать, Фока, что судачки можно встретить и в “Колизее”. <...> Нет, я категорически против “Колизея”, - гремел на весь бульвар гастроном Амвросий. – Не уговаривай меня, Фока!

- Я не уговариваю тебя, Фока. – Дома можно поужинать.

- Слуга покорный, - трубил Амвросий, - представляю себе твою жену, пытающуюся соорудить в кастрюльке в общей кухне дома порционные судачки а натюрель! Ги-ги-ги!..”

Разговор двух проголодавшихся литераторов – прозаическая вариация на тему басни Крылова “Демьянова уха”. Там Демьян схожим образом увещевает соседа Фоку:

Потешь же, миленький дружок!

Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!

Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!

В булгаковской импровизации Амвросий играет роль Демьяна, и его прототипом служит соответственно Демьян Бедный. Ефим Лакеевич (С. Есенин) возникает в нашей расшифровке второй раз. До того мы соотнесли Демьяна Бедного с поэтом Богохульским, теперь же узнаем имя последнего. Поговорив с Фокой, Амвросий Богохульский пошел в ресторан, и, откушав судачков, выделявал танцевальные кренделя под музыку джаз-банда. Булгаков, таким образом, выводит поэта в двух эпизодах, но один раз называет по имени, а второй – по фамилии.

Демьян Бедный любил брать священные для христиан имена и присваивать их вполне заурядным своим персонажам. Булгаков использует обратный прием, присваивая богохульнику имя, которое в России используется как монашеское. В переводе с греческого имя Амвросий означает “бессмертный”, “божественный”. Оно восходит к названию напитка амброзия, который, по легенде, сохранял греческим богам-олимпийцам вечную молодость. Михаил Афанасьевич изображает Бедного румяногубым, золотистоволосым, пышнощекимым гигантом, подобным древнегреческим богам. Это откровенное надсмехательство над Бедным, который в середине 30-х годов попал в серьезнейшую опалу.

Выражение “Демьянова уха” имеет еще одно значение. Его использовал автор “Послания “евангелисту” Демьяну Бедному”, назвав богохульный “Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна” Демьяновой ухой. “Послание” в списках ходило по Москве, и Михаил Булгаков, безусловно, был с ним знаком. Говоря о дешевых судачках в Грибоедове, он вместе с тем характеризовал сочинения Демьяна, его “уху”, как дешевую

литературную поделку. Народная молва утверждала, что автором “Послания” был Сергей Есенин, и есть основания утверждать, что это именно так (смотри статью И. Мостинского, “Наш современник”, 2000, №12). Но тогда, сквозь пелену литературных шифров, совершенно явственно вырисовывается факт душевного сродства Булгакова и Есенина.

Нам осталось еще разобраться с тощим, запущенным Фокой, “с карбункулом на шее”. Здесь Булгаков обыгрывает фразу из “Голубой книги” (раздел “Коварство”) Михаила Зощенко: “Хирург режет разные язвы и карбункулы на наших скоропортящихся телах, способных каждую минуту загнить и зачервиветь”. Шуткой на шутку сатирик отвечает сатирику, наделяя того карбункулом на шее. Несколько строчками далее Зощенко очень определенно говорит о вредности профессии сатирика:

“Единственно, я говорю, профессия тем нехороша, что она не дает много беспечной радости своему владельцу.

Она утомляет ум и зрение. Она вредна и недопустима при малокровии и туберкулезе. А также при колите и язвах желудка ею не следует заниматься.

Она предрасполагает к меланхолии и нарушает обмен веществ. Нервная экзема и сахарное изнурение также иной раз суть прямые следствия этой вредной профессии. Кроме того, она портит характер, ссорит с окружающими и нередко разводит с женами”.

Булгаков, будучи медиком, представил сатирика с таким букетом болезней “тощим и запущенным”.

Зная прототип Фоки, можно поглубже заглянуть в подоплеку его беседы с Амвросией. Зощенко жил в Ленинграде, и своей квартиры у него в Москве не было. Поэтому, когда Амвросий говорит Фоке, что тот может поужинать дома, это выглядит издевательством.

Если же начать фантазировать, как же все-таки иногородний Фока устроился в столице, то отчего-то вспоминается рассказ Зощенко “Кризис”:

“Приехал я, знаете, в Москву. Хожу с вещами по улицам. И то есть ни в какую. Не то, что остановиться негде – вещей положить некуда”.

В конце концов, снимает герой за 30 рублей ванную в коммунальной квартире, в которой вместе с ним проживают еще 32 человека. Почти сразу же женился, и стали они уже вдвоем жить в ванной. Так, не такую ли ситуацию держал в голове Амвросий, когда представлял жену Фоки, “пытающуюся соорудить в кастрюльке в общей кухне дома порционные судачки а натюрель”. Ги-ги-ги!..

2. Беллетрист Петраков-Суховой – Леонид Леонов

Вначале о природе двойной фамилии. В романе Леонида Леонова “Скутаревский” находим следующий фрагмент:

“Старинный с бездарной декадентской облицовкой дом, где безвыездно существовал Петр Евграфович, каждым камнем своим наводил уныние. Это начиналось с богатой и затхлой лестницы, которая не мылась, видимо, со времен Октября, - со щербатых ступенек с выкраденными плитками, с мутных стен, где зияли линиялые потеки плевков. Кажется, обитатели этой обширной братской могилы, разочаровавшись в справедливости, и не добивались более в этом мире красоты. И верно, жили здесь разные люди со стреляющими двойными фамилиями (курсив наш – А.А.), старомодного покроя и безвозвратно умерших профессий”. Выражение, выделенное курсивом, оригинальная леоновская придумка, и Булгаков не прошел мимо нее. Суховой – это ветер с высокой температурой (более 25 градусов) и низкой относительной влажностью, характерный в основном для пустынь и полупустынь. Его скорость может быть значительной и

превышать 10 метров в секунду. Сильные порывы суховея можно сравнить с обжигающими выстрелами. В Интернете мы нашли стихотворение Инны Радужной о ветре-суховея, в котором есть такие строки:

Утюжит раскаленным утюгом
Слетевший из пустыни знойный ветер
И жалит снова жарким языком,
И солнце белое на белом небе светит.

Поэтесса подчеркивает периодичность ужаливаний ветра, попаданий его “пуль” в цель. Поэтому фамилию Петраков-Суховой можно отнести к числу двойных стреляющих фамилий. Но каково происхождение ее первой части - Петраков?

О, ядовитый Булгаков! В унылом доме, “братской могиле”, куда судьба свела людей с двойными стреляющими фамилиями, живет Петр Евграфович Петрыгин. Соотнеся Леонова с героем его произведения Петрыгиным, Михаил Афанасьевич слегка изменяет эту фамилию – на Петракова. При этом в ней сохраняется корневая основа, совпадающая с именем Петрыгина – Петр.

А теперь самое веселое. В романе Петрыгин выведен как отрицательный персонаж. Более того, он вредитель. Захар Прилепин, автор книги “Леонид Леонов”, пишет: “Пожалуй, впервые при сочинении “Скутаревского” он пошел поперек своей совести, поселив в сложный и неоднозначный роман вредителей, в которых не совсем верил сам. Предположим, что Леонов надеялся на дальнейшее укрепление своих позиций в литературе за счет нового романа, на успех, в конце концов, но эффект получился противоположный: “Скутаревского” разгромили в печати. И это было первое серьезное поражение писателя Леонова”.

Булгаков беспощаден, он “бьет” в самое больное место. Но его едкая пародия безупречна в художественном отношении. Судьбы Леонова и Петрыгина внешне очень схожи. У обоих был богатый тесть, который помог карьере зятя (у Леонова – это издатель Михаил Васильевич Сабашников). Оба прекрасно вписались в советскую действительность, не бедствовали, были при деньгах и при славе. Они с ходу одолели Олимп своих мечтаний. И когда Леонов писал в “Скутаревском” (1932 год): “Петр Евграфович имел право посмеиваться; он сидел тогда на видном месте, откуда разбегались нити управления по целому сектору электрификации. Высокое, хоть и незаметное положение доставляло ему тем в большей степени душевный покой”, он описывал и свое внутреннее состояние на тот момент. Годы серьезнейших испытаний придут позже, и ему самому будет грозить обвинение в неблагонадежности (том же вредительстве). Кстати, суховея – ветер-вредитель. Вызывая интенсивное испарение из почвы, с поверхности растений и водоемов, он приводит к порче урожаев зерновых и плодовых культур, гибели растений. Двойная фамилия получается с двойной начинкой, и ее можно прочитать, как Петраков-вредитель.

Булгаков изобразил Петракова мирно обедающим, при этом он не сделал ни одного выпада против беллетриста, более того, отметил его “свойственную всем писателям наблюдательность”. Но Антониде Порфирьевне, жене Петракова - “очень почтенной даме” - досталось по полной. Оборотами “доедающая свиной эскалоп”, “даже ложечкой постучала”, “изнывая от любопытства”, “какие вредные враки” Михаил Афанасьевич создает портрет капризной, невоспитанной и недалекой дамы. Что это? Сатирический гротеск?

Известно, что в 1925 году семьи Леоновых и Булгаковых отдыхали вместе в Коктебеле, в волошинском “Доме поэта”. По свидетельству очевидцев они не сдружились. Но во время отдыха Булгаков наблюдал и общался с Татьяной Михайловной

Сабашниковой, женой Леонова. Его впечатления той поры, по всей видимости, и стали основой для изображения Антонида Порфирьевны. Добавим к этому, что Леонид Максимович упрямо повторял, что “Мастера и Маргариту” он не читал.

Булгаков Леонова читал и выделял, как достойного писателя. Иначе, почему он изобразил его отдельно от всех остальных массолитовцев? Такой чести в романе удостоились еще только двое – Берлиоз и Желдыбин.

3. Хроникёр Боба Кандалупский – Михаил Кольцов

В ресторане Грибоедова за столик к чете Петраковых подсаживается “потный и взволнованный хроникер Боба Кандалупский”. Эта смешная фамилия образована соединением двух слов “кандалы” и “лупа”. Оба эти предмета связана с понятием круга, кольца. Исходя из этого, мы предположим, что прототипом Кандалупского стал Михаил Ефимович Кольцов (1898-1940 гг.).

Он был самым известным журналистом в СССР, часто выступал с сатирическими материалами, много работал в жанре политического фельетона. С 1934-го по 1938 годы занимал пост главного редактора сатирического журнала “Крокодил”. В Союзе писателей руководил иностранным отделом. Посетил много стран, из них некоторые – нелегально. Во время Гражданской войны в Испании был отправлен туда корреспондентом “Правды” и одновременно, как негласный политический представитель властей СССР при республиканском правительстве.

В 1938 году был отозван из Испании и в ночь с 12 на 13 декабря того же года арестован в редакции газеты “Правда”. Жена наркома Ежова – Евгения была редактором “Иллюстрированной газеты”, и Кольцов, как член редколлегии и часто главный редактор “Правды”, встречался с ней. Однажды нарком Ежов даже принимал Кольцова вместе с Бабелем на своей даче. На очной ставке с Кольцовым теперь уже бывший нарком Ежов показал: “Я понял, что Ежова связана с Кольцовым по шпионской работе в пользу Англии”.

Имя Кандалупского – Боб - является уменьшительной английской формой от Роберта, означающего “блестящий от славы”. Обвиненный, как английский шпион, Кольцов, действительно, был окружен всенародной славой. В романе Э.Хемингуэя “По ком звонит колокол” он выведен под именем Каркова.

Булгаков последователен. В сатирическом запале он сводит в ресторане Петракова-Леонова с Кандалупским-Кольцовым. Беллетрист, написавший роман о вредителях, дружески беседует с журналистом, которому светят кандалы и расстрел. Жестко, но это как раз и есть отражение сложностей того времени. Не оттого ли Леонов не признавался в чтении “Мастера и Маргариты”?

4. Писатель Иоганн из Кронштадта – Карл Радек

По мнению Б.В. Соколова, прототипами писателя Иоганна из Кронштадта стали сразу два человека – драматург Всеволод Вишневский и отец Иоанн Кронштадтский. Приведем версию литературоведа, изложенную в Булгаковской энциклопедии: “Вишневский отразился в одном из посетителей ресторана “Дом Грибоедова” – “писателе Иоганне из Кронштадта”. Здесь – намек на киносценарии “Мы из Кронштадта” (1933 г.) и “Мы – русский народ” (1937 г.), написанные Вишневским и связывающие драматурга с другим прототипом Иоганна из Кронштадта – известным церковным деятелем и проповедником, причисленным православной церковью к лику святых, о. Иоанном

Кронштадтским (И.И. Сергеевым) (1829-1908 гг.). О. Иоанн был протоиереем Кронштадтского собора и почетным членом черносотенного “Союза русского народа”. В 1882 году он основал Дом трудолюбия в Кронштадте, где были устроены рабочие мастерские, вечерние курсы ручного труда, школа для трехсот детей, библиотека, сиротский приют, народная столовая и другие учреждения для призрения нуждающихся. “Дом Грибоедова” – это пародия на Дом трудолюбия. Народная столовая здесь превратилась в роскошный ресторан. Библиотека в “Доме Грибоедова” блистательно отсутствует – членам МАССОЛИТа она не нужна, ведь коллеги Берлиоза не читатели, а писатели. Вместо же трудовых учреждений Дома трудолюбия в “Доме Грибоедова” располагаются отделения, связанные исключительно с отдыхом и развлечениями: “Рыбодачная секция”, “Однодневная творческая путевка. Обращаться к М.В. Подложной”, <...> и др.”.

Идея соединить писателя-коммуниста со священником, причисленным к лику святых, - весьма причудливая и нелогичная. Более того, Б.В. Соколов пытается записать Булгакова в число ерников, измывающихся над памятью человека, освященного Православной церковью, то есть, по существу, поставить его в один ряд с тем же Демьяном Бедным. Да разве мог такое сделать сын профессора Киевской Духовной Академии? Но давайте разберем версию Б.В. Соколова “по косточкам”.

Драматург Всеволод Витальевич Вишневский (1900-1951 гг.) был одним из наиболее ревностных гонителей Булгакова. В частности, он приложил массу усилий для срыва постановки “Кабалы святош” в Ленинградском Большом Драматическом Театре. Среди исследователей романа считается общепринятым фактом, что драматург Вишневский послужил прототипом критика Мстислава Лавровича. Б.В. Соколов пишет об этом в Булгаковской энциклопедии, поясняя, что фамилия “Лаврович” – “пародия, через лавровишневые капли” на драматурга Вишневского. А теперь давайте вспомним, что в поисках Берлиоза члены правления звонили в Перельгино на дачу к Лавровичу, и им сказали, что писатель ушел на реку. Лаврович никак не мог быть в тот вечер в грибоедовском ресторане, равно, как и Всеволод Вишневский не мог быть прототипом сразу двух героев романа – и Лавровича, и писателя Иоганна.

Б.В. Соколов в поисках ассоциаций со словом “кронштадтец” обратился к названию пьесы Вишневского. В самом деле, если драматург придумал название “Мы из Кронштадта”, то значит, и его можно считать кронштадтцем. Это остроумно, но все же несколько прямолинейно. Как мы уже убедились, булгаковские шифры тоньше, изящнее. Чтобы не быть голословными, приведем отрывок из речи Вышинского на заседании процесса антисоветского троцкистского центра 28 января 1937 года: “Пятаков, Радек и их единомышленники думали и действовали уже тогда (имеется в виду 1918 год – А.А.) так, как их уже позже метко и крепко назвал Феликс Дзержинский, бросивший по адресу троцкистов и зиновьевцев – “кронштадтцы”!” Эта характеристика троцкистов стала после этого общеупотребительной. Таким образом, при угадывании прототипа писателя Иоганна из Кронштадта обозначается совершенно иной вектор поиска: это литератор-троцкист.

Вторая параллель ассоциаций, которую использовал Б.В. Соколов, связана с Иоанном Кронштадтским. Общим “мостиком” между ним и Вишневским литературовед считает их открыто обозначенную русофильскую позицию. Но он опять-таки рассуждает прямолинейно и скороспело. У Булгакова писатель носит имя “Иоганн”! Это указывает, что он не русского происхождения, и либо немец, либо, как Иоганн Штраус, австриец.

Теперь долго думать не придется. Писатель Иоганн – это Карл Радек (Кароль Собельзон). Он родился в Австро-Венгрии в городе Лемберге (ныне Львов). Все встало на свои места, но почему Булгаков все-таки выбрал имя Иоганн? Ведь Иоганна из

Кронштадта так и хочется переделать в Иоганна Кронштадтского, а это направляет на размышления о нашем святом, отце Иоанне. Б.В. Соколов обнаружил этот шифр Булгакова, но не разгадал его. Михаил Афанасьевич, действительно, призывает, чтобы мы вспомнили об Иоанне Кронштадтском, написавшем книгу “Моя жизнь во Христе”, и поинтересовались, какую знаменитую книгу выпустил писатель Иоганн Кронштадтский. Сейчас вы опять улыбнетесь, но таков Булгаков. Карл Радек перевел на русский язык “Майн Кампф” (“Моя борьба”) Адольфа Гитлера. Вот нам всем и урок от великого русского писателя. С одной стороны, Христос и Жизнь, а с другой – Гитлер и Борьба. Два разных отношения к миру и человеку, и два разных типа писателей.

Приходится в очередной раз констатировать, что Булгакова часто толкуют с точностью до наоборот. Булгаков написал пародию на Союз писателей, но не на Дом трудолюбия. В Союзе не было публичной библиотеки, но советские писатели собирали домашние библиотеки. И все они много читали, были не только писателями, но и читателями. В общем, Борис Вадимович Соколов, “Поздравляю вас, гражданин, соврамши!”

5. Архитектор Семейкина-Галл – Вера Мухина

Еще одна, в данном случае “не стреляющая” двойная фамилия. Мы уже привыкли, что Булгаков придумывает прозвища, ориентируясь на творчество прототипов. Поэтому корни фамилии архитектора имеет смысл поискать среди монументальных и архитектурных памятников советской эпохи. При таком подходе сразу же вспоминается знаменитая скульптура Веры Мухиной “Рабочий и колхозница”. Монумент представляет динамичную скульптурную группу из двух фигур с поднятыми над головами серпом и молотом. Он символизирует единство советского общества. Союз рабочего и колхозницы Булгаков иронично обозвал семейкой, а автору монумента дал фамилию Семейкина. Вторая часть двойной фамилии представляет сокращение от Галлии – названия древней Франции. В качестве возможных причин для ее присоединения назовем две. Во-первых, мать Веры Мухиной была француженка. Во-вторых, скульптура “Рабочий и колхозница” была выставлена на Всемирной выставке в Париже в 1937 году. И скульптор, и ее знаменитое детище, своими корнями были связаны с Францией. Думаем, что эти факты и обыгрывал Булгаков, сочиняя фамилию архитектора.

Но почему писатель назвал Мухину архитектором? Оказывается, и в этом есть определенный резон. Высота мухинской скульптуры составляет 25 метров, это высота современного девятиэтажного дома. К тому же, в Париже памятник был установлен на павильоне (высота павильона-постаменты составила 33 метра), так что общее сооружение можно было смело назвать архитектурным, а Веру Мухину архитектором.

6. Режиссер Витя Куфтик – Юрий Завадский

При поиске прототипа режиссера из Ростова Вити Куфтика ключом служит географическая привязка театра. В 1935 году в Ростове-на-Дону завершилось строительство театрального здания, которое по замыслу его создателей было уподоблено гигантскому трактору. “Лоб” здания символизировал радиатор трактора, а его гусеницами были две стеклянные галереи, стоящие с обеих сторон фасада и ведущие в концертный зал, размещенный в самой верхней части “трактора”. Тогда об этом проекте трубили все центральные газеты. Венгерский писатель Бела Иллеш, побывавший в Ростове в 1934 году, писал в газете “Правда”: “Если в Ростовском театре будет показана война, то по сцене

пройдет целая армия с кавалерией, артиллерией и танками. Если на сцене будет совхоз – целые тракторные колонны смогут продефилировать перед зрителями. Парашют? И это здесь не препятствие”. Драматург Булгаков полунамеком, вскользь поминает этот несуразный памятник эпохи, надеясь, что читатель поймет его и наведет справки.

В 1936-40 гг. руководителем этого ростовского театра был Юрий Александрович Завадский – актер и известнейший режиссер. Михаил Булгаков дал ему крайне неблагозвучную фамилию Куфтик. Слова “куфта”, “куфтырь” в разных говорах означает “сверток кудели”, “мешок или узел с одеждой”, а также “моток тесемок, шелку”. В ироническом контексте фамилию Куфтик следует перевести, как “Чучело”. Зло и жестко, но что есть, то есть. В соединении с именем Виктор, означающим “победитель”, она выглядит еще более комически.

Булгаков осмеивает одного из мэтров советского режиссерского цеха, награждая его, к тому же, еще и лиловым лишаем во всю щеку. Медик по образованию, писатель называет так красный плоский лишай, который, как правило, характеризуется появлением на коже пузырьков лилового окраса с неестественным блеском. Ясно, что это некая аллегория, очередной прикол Михаила Афанасьевича, указание на какую-то интересную историю.

В 1918 году поэт Павел Антокольский, с которым Завадского связала дружба на протяжении долгих лет жизни, познакомила Завадского с Мариной Цветаевой. К Завадскому обращен цикл Цветаевой “Комедьянт”. В нем есть такой стихотворение:

Солнце – одно, а шагает по всем городам.
Солнце – мое. Я его никому не отдам.
Ни на час, ни на луч, ни на взгляд. – Никому, никогда!
Пусть погибают в бессменной ночи города!
В руки возьму! – Чтоб не смело вертеться в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!
В вечную ночь пропадет – погонюсь по следам...
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!

В этом тексте два грамматически-смысловых огреха. В обороте “ни на час, ни на луч, ни на взгляд” в одном ряду перечисляются временные (час, взгляд) и пространственные категории (луч). И еще, в русском языке принято говорить, что солнце “вертится по кругу”, но не в кругу. Но не будем отвлекаться. Поэтесса называет своего возлюбленного Солнцем. Зная про это стихотворение, Булгаков изобразил режиссера краснощеким, светящимся, подобно солнцу. Ох, видать, “насолил” чем-то Юрий Завадский писателю Булгакову...

БЕСЕДА С ПИСАТЕЛЕМ ВАЛЕРИЕМ СДОБНЯКОВЫМ

Вертикаль. XXI век. № 54

Валерий Сдобняков. Анатолий Александрович, вы окончили радиофизический факультет Горьковского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, стали известным учёным-физиком, доктором физико-математических наук, и вдруг... начали писать книги по древнейшей истории Руси, а лучше даже сказать – мировой истории. Значит это гуманитарное начало в вас «сидело» изначально. Тогда почему математика?

Анатолий Абрашкин. Тут важно разделить “генные”, стержневые начала и оформившиеся со временем пристрастия. Моя мама была учителем начальных классов, а папа военным. Он прошел уникальный путь от рядового до полковника, окончил военно-инженерную академию и имел глубокий аналитический ум. Любовь к стройным и ясным рассуждениям, характерным для математики, безусловно, от него. Мой старший брат стал призёром всероссийской олимпиады по математике и был приглашён в Московский государственный университет. Сейчас он является одним из авторитетнейших в мире математики алгебраистом. Живёт и работает в Англии. Для меня его решение сменить гражданство и жить вне Родины совершенно неприемлемо (в политических пристрастиях мы абсолютные антиподы), но в школе я всецело старался ему подражать. К тому же, с математикой проблем не было, и я без особых раздумий пошёл по “физико-математической тропе”.

С гуманитарными интересами всё обстояло иначе. Сочинения в школе давались мне с трудом. Это характерная черта естественника, когда логическое начало задавливает образное. Но книги меня притягивали, со временем я стал заядлым книжником. Прекрасно помню свой восторг после прочтения “Преступления и наказания”, “Истории одного города”, повестей и романов Тургенева, стихов Блока. Все это было в рамках школьной программы, но ощущение слитности слова и мысли, удивительной их гармонии потрясало. Подспудно, как я сейчас понимаю, во мне зародилось желание писать столь же интересно и пронзительно. К сожалению, а может, к счастью, у меня не было ни мудрого наставника, ни терпеливого учителя. Всё, что написано, – плод многолетнего и постоянного саморазвития. Сам себя я определяю словом “мыслитель”. Оно, как мне кажется, позволяет изолироваться и дистанцироваться от профессиональных писателей, историков и философов. Я, оставаясь физиком, вторгаюсь в их епархии, и выдвигаю новые идеи. Таким путём, в частности, шёл наш выдающийся математик Игорь Ростиславович Шафаревич.

В.С. Потому, видимо, не все ваши “вторжения” отдельных писателей устраивают. В частности, я имею в виду довольно ехидную заметку обозревателя журнала “Новый мир”, как отклик на публикацию ваших стихов в 39-м (2013 г.) номере журнала “Вертикаль. XXI век”.

А.А. Обозреватель среагировал на стихотворение, которое начиналось четверостишием:

Я быть хочу сегодня богом,
Чтоб речь вести высоким слогом,
И говорить, как Ломоносов,
О древности великороссов.

Предметом раздражения, конечно же, служила последняя строка, но, как опытный иезуит, он обвинил меня в непомерной гордыне. Однако в слово “бог” здесь заложено отнюдь не христианское содержание. Жрецы-язычники в давние времена, переодеваясь в ритуальные наряды, проповедовали от имени своих богов. Первая строка четверостишия как раз выражает желание автора последовать их примеру. Ничего более. Тем более, что далее упомянуто имя Михаила Васильевича Ломоносова, громившего высоким слогом труды немецких историков, искажавших древнерусскую историю. Стать продолжателем дела Ломоносова и отстаивать высказанные им идеи в области нашей древнейшей истории - вот истинный настрой стихотворения! К 2013 году у меня уже вышло достаточно книг, которые я рассматривал, как обращение к соотечественникам. Отсюда и пафос начальной строфы.

Я чувствую силу своих идей и хочу быть услышанным. Мои произведения – это художественно изложенные исследования, в которых царствует логика. Я претендую на оригинальность, глубину и достоверность своих текстов. Вот почему одно из стихотворений я начинаю строкой:

Я мыслью поколение обогнал...

В.С. Можете приоткрыть тайну ваших математических исследований и достижений? Хотелось бы хотя бы в общих чертах представлять круг ваших научных интересов. Как я

понимаю в научной сфере деятельности вы «обогнали поколение» не менее, чем в исследовательско-литературной?

А.А. Моя узкопрофессиональная специализация – теоретическая гидродинамика. Её название, в отличие, например, от физики плазмы или космологии, выглядит не столь привлекательным и даже старомодным. Но интереснейших задач в гидродинамике ничуть не меньше. К тому же, являясь закоренелым романтиком, я выбрал для себя чрезвычайно привлекательную и красивую в математическом отношении область – волны на воде. Возраст многих проблем в ней насчитывает более сотни лет, но и цена каждого нового результата соответственно выше. Кроме того, во все времена считались крайне важными и интригующими геофизические приложения теории волн. Достаточно напомнить о новой реальности в океане, открытой в последние десятилетия, – “волнах-убийцах”. Представьте себе волну с десятиэтажный дом, которая неожиданно возникает посреди относительно спокойного моря, губит корабль, а потом также внезапно исчезает. Какова ее природа? Физики и математики обсуждают возможные механизмы её возникновения, но пока ещё далеки от окончательного ответа.

У Федора Ивановича Тютчева есть стихотворение “Ты волна моя морская”. В нём поэт с восхищением описывает “своенравную волну”, которая живет чудной жизнью: то смеётся, “отражая неба свод”, или сладким шёпотом источает любовь, а то неистовствует “в одичалой бездне вод”. Литературоведы убедительно доказали, что тютчевская волна – это аллегория, скрывающая возлюбленную поэта Елену Денисьеву. Но мне в этом стихотворении импонирует, прежде всего, образ одушевленной волны. Стараясь прозреть жизнь в гидродинамических моделях, я вслед за Тютчевым готов признаться:

Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.

Нет – в минуту роковую
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём.

В.С. Научное исследование – это, как ни крути, творчество, и голой, бездушной техникой ума его не осилишь.

А.А. Но мои научные интересы не ограничиваются гидродинамикой. Так получилось, что я много лет преподавал курс “Концепции современного естествознания”. Сейчас его исключили из университетских программ, и сделано это, на мой взгляд, напрасно. Курс развивал в человеке широту взглядов и глубину интересов, позволял взглянуть на мир с единых позиций, и что еще крайне важно, восстановить в его сознании разрыв между естественнонаучным и гуманитарным знанием. А это, в том числе, открывает учёному возможность размышлять о путях развития науки. Лично я пришёл к выводу, что после создания теорий относительности в начале прошлого столетия физика по инерции сошла с правильной траектории развития. Вернее, выбрала односторонний и заведомо не самый оптимальный путь объяснения законов Природы.

В.С. Вы имеете в виду отказ от концепции эфира?

А.А. Именно так. Когда физики, вслед за Эйнштейном, осознали, что распространение света можно описывать без эфира (то есть субстанции, переносящей колебания), они решили “избавиться” от него. Жертва казалась разумной: на вычисления это никак не влияло. Правда, оставались элементы серьёзного непонимания. В частности, занозой в сердце сидел вопрос: если свет распространяется в пустоте, что же все-таки поддерживает в ней колебания электрического и магнитного полей? Ни один физик до сих пор не может на него ответить, а, следовательно, и объяснить природу этих полей. Попробуйте спросить у профессионального физика, что такое электрический заряд или как устроен электрон, и вы доведете его до крайнего градуса раздражения.

Но это, как говорится, цветочки. Другой совершенно неразгаданной тайной природы является сила гравитации. Она также действует в пустоте, и тысячи физиков-теоретиков пытаются разгадать механизм ее действия. Конечно, методологически наука устроена так совершенно, что учёные непременно придумают устраивающую всех теоретическую конструкцию. Но она, если двигаться нынешним курсом, будет чудовищно сложной и уродливой – каким-нибудь микроколебанием в многомерном пространстве. Сегодня “корни” гравитации ищут в пространстве из 11-ти измерений, но, очень может быть, что и это число измерений для теоретиков не предел. Современная физика больна геометрией, она сбилась с более простого и естественного пути, когда пространство считалось трёхмерным, а электромагнитное и гравитационное поля пытались определять через свойства заполняющего его эфира. Это два разных подхода, но не следует противопоставлять их. Они дополняют друг друга: один на макроуровне, другой – на микро. Эту, на мой взгляд, крайне актуальную мысль я и пытаюсь отстаивать.

В.С. Вы видите какую-то большую перспективу своих открытий для мировой науки?

А.А. Да. В журнале “Нелинейный мир” (2018, №1) вышла моя статья “О квантовом объяснении закона всемирного тяготения”. Это первое и единственное со времен Ньютона научно обоснованное объяснение механизма действия гравитации.

В.С. Не об этом ли исследовании Вы упоминаете в своём блестящем эссе “Яблоко Ньютона”, которое передали для публикации в “Вертикаль. XXI век”. Меня, как редактора литературного журнала, оно порадовало изящностью прохождения мысли по грани между логикой и мистикой.

А.А. Я убежден, что ничто в нашей жизни не происходит случайно. Верю также, что судьба посылает нам свои “знаки”, надо только их распознать и правильно истолковать. Это как указатели, в правильном ли направлении ты движешься. Для меня совершенно неожиданным стало приглашение на научную конференцию в Кембридж, на родину великого Ньютона. Оно было сродни чуду, поэтому я и воспринял приглашение, как подтверждение правильности своей теории. Но в самом Кембридже произошло ещё одно необыкновенное событие, после которого у меня уже не осталось никаких сомнений. Какое? Об этом лучше прочитать в 53-м выпуске “Вертикали. XXI век”.

В.С. Хорошо, теперь давайте перейдём к теме для меня более близкой и понятной, чем физика и математика. Первый опыт по выстраиванию оригинальных исторических гипотез был вами предпринят в книге «Древние росы. Мифологические параллели и пути

миграций», вышедшей в Нижнем Новгороде в 1997 году в издательстве родного для вас Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. Но затем последовали следующие капитальные труды: «Предки русских в древнем мире», «Гайны Троянской войны и Средиземноморская Русь», «Русь Средиземноморская и загадки Библии». Затронутая тема потребовала дальнейшей углублённой работы? Вы почувствовали «вкус» предстоящего большого открытия?

А.А. Вы очень точно охарактеризовали моё творческое состояние в тот период. Я человек академический, и для вторжения в новую для себя область выбрал особый метод, который Алексей Степанович Хомяков назвал метаисторическим (метаистория, буквально, - это то, что после истории). Этот метод основан на сравнительной мифологии и состоит в выяснении маршрутов распространения культов богов. Если обнаруживается присутствие одного и того же бога на двух территориях, то делается вывод, что была миграция какой-то части древнего племени из одной области в другую. Когда же нащупывается “каркас” движения народа и его связи с другими территориями для анализа подключаются сведения исторических источников и археологические данные.

Моя первая книжечка насчитывала всего 30 страниц, но, работая над ней, я убедился в чрезвычайной эффективности метаисторического подхода. Она придала уверенность и открыла новые горизонты исследовательских задач. Если дебютную работу я издавал на свои кровные, то “Предки русских в древнем мире” вышли уже в московском издательстве “Вече”. В этой книге изложена первая связанная схема истории русского народа с VI тысячелетия до н.э. Впоследствии “Предки” выдержали (в разных издательствах) семь переизданий, а общий тираж книги составил более 40 тысяч экземпляров. По тому, что она попала “в десятку”, я понял, когда Михаил Николаевич Задорнов в своих концертах стал художественно пересказывать фрагменты её содержания.

Но выстроенная схема требовала полноценного описания. Так появились две следующие книги, объектом внимания которых, как видно из их названий, стала Средиземноморская Русь. Уверен, что подавляющее большинство читателей удивится такому словосочетанию, и подумает, что я редкий фантазёр. Но это реальное государство - Русена (Русь), существовавшее во II тыс. до н.э. на территории Палестины и Сирии. В исторических источниках (письмах египетских фараонов и хеттских царей) название этой страны производится в самых разных огласовках - Рутена, Ретену, Рузена, Арзону, Арсава. Ее имя изначально присутствовало в девяти местах Библии, но было заменено на выражения “наша страна”, “наша земля”. Все это неопровержимые факты: за три тысячи лет до Киевской Руси на Ближнем Востоке существовало государство с точно таким же названием. Оно прекратило свое существование в ходе Троянской войны. Вот, если в двух словах, история Средиземноморской Руси. Профессиональные историки вообще не затрагивают этой темы (нет государства – нет вопросов), но наша высшая политическая элита, думаю, в курсе данного вопроса, и причины нашей дружбы с Сирией не только экономического характера.

В.С. Исходя из этой исторической трактовки, книга «Скифская Русь» является для вас нечто особенным, стоящим в ряду прочих особняком?

А.А. Для академических историков совершенно неясен вопрос – где находилась прародина скифов? Из какого центра они распространились от Китая до Европы? Я предлагаю абсолютно оригинальное решение проблемы: первоначальное скифское ядро сформировалось в XV-XIII вв. на территории Малой Азии (в пределах

Средиземноморской Руси). Эта идея позволяет не только вывести из тупика нынешние изыскания по поводу происхождения скифов, но и понять драматические “разрывы” в древнерусской истории.

Наши отдаленные предки проживали на Русской равнине со времен “Человека Разумного”. Русами они называли себя, поскольку были светлокожими и русоволосыми. В силу глобальных катаклизмов, а это было последнее оледенение и, как убедительно доказал Михаил Григорьевич Гроссвальд, евразийские потопа, неоднократно обрушивавшиеся на равнину из Северного Ледовитого Океана, отдельные племена русов вынужденно мигрировали в более теплые и безопасные земли, где создавали новые государства. Крупнейшим и наиболее известным из них стала Средиземноморская Русена. В глобальном военном конфликте, который запечатлелся в античном эпосе под названием Троянской войны, русы воевали против “всего мира” – египтян, хеттов, греков и семитов. Скифы (племя скеев в источниках) участвовали в ней на стороне русов. После поражения в войне (рубеж XIII-XII вв. до н.э.) они выступили связующим звеном для малоазийских и северных их соседей, а впоследствии возвратились на Русскую равнину, где воссоединились со своими предками, проживавшими там постоянно. Слово “русский” возникло в результате объединения двух имен – “рус” и “скей” (скиф). Скифы, таким образом, выступают важнейшим звеном, позволяющим восстановить целостность русской истории.

В.С. Вы много в своих книгах размышляете о происхождении русских сказок, мифов, легенд. Вы действительно уверены, что за ними скрывается подлинная история наших предков? Что многие из мифологических персонажей имели «живых» прототипов, непосредственно влиявших на жизнь и быт древних русичей?

А.А. Такие вопросы я неоднократно слышал во время своих выступлений в самых разных аудиториях, и это меня всегда огорчает. У меня такое ощущение, что нас постоянно заражают бациллой неполноценности. Ну, смотрите, никто не удивляется, что за египетскими, греческими, индийскими мифами скрывается историческая реальность. Почему её не должно быть в наших мифах и сказках? Самое удивительное, что, когда касается существа дела, оказывается, что сюжеты наших мифов древнее и египетских, и греческих, и индийских. И это неспроста! Человек разумный и человеческая культура распространились с севера, с Русской равнины, на юг и запад.

Иван – имя древнерусского бога плодородия. Он стал главным героем наших сказок. Многие, наверное, усмехнутся, вспомнив, его прозвище – дурак. Но, дорогие друзья, давайте думать о происхождении родных нам слов. Слово “дурак” происходит от корня “драть”, а что еще должен делать герой-любовник нашего эпоса? Праздник Ивана Купала справлялся крестьянами даже в XIX веке, разве это не живое доказательство божественной сущности бога Ивана? Определяя время сложения культа Ивана, можно назвать и примерную дату сложения мифов с его участием, ставших впоследствии частью сказок. В частности, борьба Ивана со Змеем (или Чудо-Юдой) отражает основной миф индоевропейцев, который исследователи датируют серединой III тыс. до н.э. Но если в это время были мифы, то значит, был и народ, слагавший их. Почему мы без сомнений принимаем существование древнеегипетской, древнегреческой и древнеиндийской истории и сомневаемся в существовании древнерусской? Только в силу тотального заражения неполноценностью.

В.С. Наверно, всё-таки не в неполноценности тут дело, а в том, что слишком противоположную историю сформировали, сформулировали для нас в XVIII-XIX веках как заезжие, так и наши вполне авторитетные историки. Тут мы можем вспомнить о борьбе против этой навязанной нам лжи и М.В. Ломоносова, и ряд других деятелей русской науки и культуры.

А.А. Вы правы. Вот в школе учат, что русские – это славяне. Хорошо, но дальше вдруг открывается, что прародиной славян является центральная Европа, а на Русскую равнину славянские племена пришли только в V-VI вв. Что же получается? Наши далёкие предки вовсе и не жили на нашей территории, и пришельцы? Но антропология свидетельствует о проживании здесь европеоидов-русов (русоволосых и белолицых) с древнейших времён. Как же разрубить этот узел академической лженауки? Очень просто, русские – не славяне! Предки русских (русы) проживали на Русской равнине до прихода сюда славян. Потом два народа, разумеется, сблизились и перемешались, но изначально славянская ветвь развивалась отдельно.

Обратимся к нашим былинам. В них отражена многотысячелетняя история нашего народа. Уверен, эта мысль шокирует читателя, но давайте вспомним. Самая древняя по времени былина посвящена Святогору. Почему он живёт на горах? Потому что только там можно спастись от воды, заполонившей Русскую равнину. Очевидно, эта былина относится к послеледниковой эпохе, сопровождавшейся, к тому же, евразийскими потопами. Встреча Святогора с Микулой Селяниновичем – первым пахарем земли Русской, символизирует эпоху, когда наши предки стали осваивать земледелие на освободившихся от влаги равнинных участках. Богатырь Илья Муромец отличается от своих товарищей-богатырей более древним происхождением. В эпосе он олицетворяет прародителя русов-киммерийцев (в их числе были также русские племена мери и муромы; приставка “ки” имеет значение “великий”), которые встретили возвращавшихся из Азии скифов. И, наконец, киевские богатыри, олицетворяющие вождей разных племён. Каждый из былинных героев отражает определённую временную эпоху, выступает художественным образом одного из обожествлённых и почитаемых нашим народом предков. И заметьте, возвращаясь к русско-славянской теме, ни в одной из былин нет славянских богатырей, есть только русские. Наши сказки и былины – реальная антитеза летописям монахов, которые исключили из русской истории языческий период.

В.С. Судя по последней фразе, вы не очень-то жалуете служителей Русской Православной Церкви. А одну из своих книг вы уж и вовсе назвали не совсем удобно произносимо – «Русский дьявол: от Кощея до Воланда». Не страшно такие слова произносить? Я понимаю – вы атеист, существование потусторонней силы, влияющей на жизнь людей, вы не признаёте, и всё-таки...

А.А. Начнем с последнего утверждения, оно неверное. Я считаю атеизм глупейшей бравадой, и не принимаю его ни на каком уровне. Я верю во всеобщую связь явлений, в существование Абсолюта, который называю Космосом. Наши предки – арии, почитали мировой закон Rta, управляющий всем во Вселенной. Русичи отождествляли его с богом Родом – хранителем Природы (т.е. находящейся при Роде). Rta – Род – Космос для меня звенья одной цепочки. На рубеже тысячелетий физики открыли существование “тёмной энергии”. Это присутствующая во Вселенной субстанция, обеспечивающая ускоренное расширение Вселенной, самая настоящая потусторонняя (ненаблюдаемая) реальность, которая присутствует в нашем мире и “разлита” в нём повсюду. Как можно в неё не

верить? Я грешным делом думаю, что физики, сами того не желая, доказали существование Бога.

Теперь о книге. Традиционно мы держим в уме христианский образ Дьявола, как носителя абсолютного зла. Эта картина сложилась на основе зороастрийской идеи деления верховного Бога на две половины – добрую и злую. Мне такой подход представляется искусственным и нежизненноспособным. Об этом говорит и само слово “диавол”, которое родилось из словосочетания “дий-бел” – “божественный Бел”, т.е. Белбог, белый бог или светлый бог. Другое его имя – Люцифер, переводится как “несущий свет”. Бога света христианские богословы превратили в носителя тьмы и мрака. Объяснение тому лишь одно – это было крайне уважаемое язычниками и крайне ненавидимое первыми христианами божество (Баал в Библии). Причина “перекраски” понятна, но, очевидно, что образ Дьявола богословы исказили.

На Руси такая концепция зла не прижилась (обращаю внимание, что книга посвящена русским образам дьявола). Русский взгляд на происхождение зла и его проявления в реальном мире никогда не отличался прямолинейностью и категоричностью. К нечистой силе наш народ неизменно относился с известной долей симпатии, и даже любви. Тысячелетнее торжество Православия в Отечестве “не перебило” эту традицию. Сознание русского человека совершенно не склонно лицедреть мир разделённым на дьявольское и божественное, чёрное и белое. Нам важны оттенки, мы никогда не числили дьявола отъявленным негодяем, и всегда старались найти в нем положительные начала. Те же начала отстаивает и классическая русская литература, будь это Демон Лермонтова, бесчеловеки Достоевского или сатана Леонида Андреева. В общем, не так страшен чёрт...

В.С. Обозначенную тему вы расширили в своей книге “Русские боги. Подлинная история арийского язычества”?

А.А. Такое название придумали в издательстве “Алгоритм”, не согласовав его со мной. Второго предложения в моём названии не было, и оно не отражает содержания книги, целиком посвящённой именно русским богам. Это обобщающий труд, содержащий периодизацию нашей отечественной мифологии и временные “привязки” существования культов богов. Мне представляется, что эту книгу можно рассматривать, как существенное дополнение к знаменитому двухтомнику Бориса Александровича Рыбакова, посвящённому язычеству древней Руси.

В.С. Насколько я понимаю книга “Прародина русской души”, вышедшая в 2017 году, для вас является как бы итоговой, главной на долгом пути размышлений о древнейшей мировой истории. Значит ли это, что теория ваша теперь полностью выстроена, и никаких новых добавлений в неё вы вносить больше не будете?

А.А. Теория выстроена, это так. Но важные дополнения, затрагивающие историю нашего края в глубокой древности, обязательно будут. Они связаны с темой евразийских потопов, существование которых доказал наш выдающийся гляциолог Михаил Григорьевич Гроссвальд. Со времени окончания последнего оледенения воды Северного Ледовитого океана трижды вторгались на территорию Евразии. Последний из них (сер. VI тыс. до н.э.) известен как библейский. Эти потопы повлияли на ход мировой истории, и мне бы хотелось встроить их в свою концепцию. В частности, в новом свете предстанет история знаменитой платоновской Атлантиды.

В.С. Неожиданно! Но, зная вас, думаю, что это будет крепко сложенная, убедительная концепция. Как вы думаете, то, что сейчас происходит в мировой политике, а сдвиги в ней глобальные, тектонические, имеет какое-то отношение к той древней истории, которой занимаетесь вы? Не там ли «начало всех начал» нынешних нестроений, переделки мира?

А.А. Русская равнина – родина “Человека разумного”. Древнейшая его стоянка, датируемая временем в 45 тысяч лет назад, находится в районе села Костёнки Воронежской области. Европу в то время населяли исключительно неандертальцы. История индоевропейцев начиналась на Русской равнине. Постепенно, отдельными частями они покидали прародину и обосновывались на новых территориях. Для того, чтобы подчеркнуть свою самостоятельность, они вводили свой язык и свои законы, начиная противопоставлять себя народу прародины (русам). Всё примерно так, как это делают в сегодняшней Украине. Как результат, в европейских народах зрела вражда к вскормившей их земле, та животная русофобия, которой наполнен весь западный мир. Но в подсознании они помнили и помнят, где находится их прародина, центр мира. Отсюда и попытки вторгнуться на Русскую равнину и завоевать их обитателей. Походы Наполеона и Гитлера, необъяснимые с логической точки зрения, имеют ясную мистическую подоплёку – завоевание прародины человечества. Только сделав это, правитель может ощутить себя властелином планеты. Вражда частей, оторвавшихся от изначально цельного индоевропейского “столба”, будет вечной, а русофобия – их программой действий. Всё это, действительно, имеет исторические корни. Это первое наблюдение.

Второе же касается линии обороны русов (скифов, русских) против внешних врагов. Она, естественно, меняется со временем, но, удивительное дело: границы Великой Скифии практически совпадают с границами Советского Союза. Мне думается, что это та выверенная временем предельная линия, в пределах которой возможен братский союз народов в рамках русской империи. Во всяком случае, её восстановление спустя тысячелетия говорит в пользу устойчивости нашего существования.

В.С. В соавторстве с Г.В. Макаровой вы издали опять же невероятно интересную, оригинальную в своем подходе осмысления заявленной темы книгу «Тайнопись в романе «Мастер и Маргарита». Это уже литературоведческий труд. Ещё когда я готовил публикацию этой книги в журнале «Вертикаль. XXI век», то был в первую очередь поражён той рассудочностью, безэмоциональностью, с которыми подходят авторы к разработке заявленной темы. Кроме невероятно большого фактического материала, подлежащего анализу, вы ещё с каким-то поразительно холодным расчётом (воистину – математическим!) раскладываете всё по полочкам в хитросплетениях булгаковского романа. Романа не простого, мистического, хранящего в себе много тайн, над разгадкой которых бьются историки и литературоведы, критики и философы. Теперь оказывается ещё и математики. Так и хочется воскликнуть вслед за известным телевизионным персонажем: «Михаил Афанасьевич-то вам, чем не угодил!»

А.А. Лично я Михаилом Афанасьевичем только восхищаюсь. Другое дело – Галина Викторовна, мой соавтор и супруга, но это эмоции. Что же до анализа текста, то я – логик и аналитик, а она – юрист, адвокат, отсюда и рассудочность, и “холодный расчет”. Мы – первые, кто увидели в закатном романе Булгакова детектив и распутали закономерность действий воландовской банды. Дальше стало легче, поскольку была выстроена основа, на которую можно было опереться в расшифровках. Если Пушкин в “Евгении Онегине”

изобразил “энциклопедию русской жизни” (В. Белинский), то Михаил Афанасьевич оставил нам на память “энциклопедию советского времени”, правда, в сатирическом представлении. Признаюсь, мы чуть головы не сломали, определяя прототипов его персонажей, но результат превзошёл все ожидания. Итоговая мозаика сложилась в такую гармоничную картинку, какую невозможно было предвидеть. Перед нами предстали в лицах конкретные политики, попавшие под машину правосудия, литературный бомонд и наиболее яркие культурные деятели того времени. Булгаков дал портрет эпохи, который с головой выдает в нём державника, эстета и незаурядного, умнейшего фантазёра.

Главным героем романа, по нашему мнению, является Понтий Пилат. Создавая образ прокуратора Иудеи, Булгаков думал об Иосифе Виссарионовиче, вёл с ним заочный диалог. Литературоведы единодушны в том, что между главами “старого” и “нового” времени существуют параллели. И если Иешуа они сопоставляют с Мастером (читай, автором романа), то параллелью Понтия Пилата, несомненно, служит Сталин. Обращённую к прокуратору финальную фразу Иешуа - “он не заслужил света, он заслужил покой”, традиционно толкуют в философско-религиозном контексте. Но у неё есть и ясная историческая подоплёка. Это булгаковская оценка правителя страны...

В.С. В завершении не могу не задать вам вопроса о вашем поэтическом творчестве. Кроме всего прочего вот уже три книги стихов вышли из-под вашего пера. Что для вас поэзия – отдушина от сугубо логического интеллектуального труда? Тут задействованы иные духовные, душевные силы, способствующие некоторой интеллектуальной разрядке? Или написание стихов идёт в одном ряду с научной, литературоведческой, исторической деятельностью? Когда к вам приходят стихи?

А.А. Это самая интересная и во многом еще непонятная для меня самого тема в нашей беседе. Каждое стихотворение я воспринимаю, как маленькое чудо. Не потому, что оно такое хорошее, а потому, что оно состоялось. Причины его написания могут быть самые разные, но единство смысла и слога, гармония сложившихся звуков воспринимается, как приближение к чему-то высшему и божественному. Опять-таки, повторюсь, я вполне трезво оцениваю свои опыты, и по-настоящему удовлетворен лишь третьим сборником “Я пью за русскую закваску”. Но для себя считаю поэзию – высшей формой творчества. При этом на время сочинения стихотворения я должен бросить все остальные занятия, особенно, научные. Самое лучшее состояние наступает, если параллельно читаешь классику. Главное – поймать ключевую строку или незаурядный оборот, от которого как от камня, брошенного в воду, будут расходиться круги возможных вариантов. Подобрать нужное, точное слово – это вроде бы обычная “техника”, но всегда необъяснимое удовольствие и необыкновенная радость. Стихи нужны, прежде всего, мне. Для чего, не знаю... Может быть, это желание уравновесить работу полушарий, совместить алгебру с музыкой, а может, это просто желание ощутить связь с Космосом?..

В.С. Хочу закончить нашу беседу вот таким вашим стихотворением:

Теплоход «Георгий Жуков»
Режет Волги полосу
И, заправив руки в брюки,
Я как маршал на носу

Вдаль гляжу и знаю – будет

И победа, и парад...
Может, Нобеля присудят,
Буду я лауреат!

Нет в Отечестве пророка,
Нет любви в краю чужом
И плывём по воле рока
Мы в предвиденье своём...

Хочется пожелать Вам впереди парада победы... И многих научных, исторических, поэтических открытий. Да и «Нобель» не помешал бы.

А.А. Спасибо.

Нижний Новгород
Апрель 2018 г.

ВЕНСКИЕ ЭТЮДЫ

Вертикаль. XXI век. № 55

Каждый год в Вене проходит Европейский геофизический Конгресс, и из нашего института в нем не поучаствовал, разве что ленивый. Но я многие годы откладывал поездку туда. Почему? Как-то не складывалось, да и не хотелось ограничиваться кратковременной командировкой. Интуитивно я не торопил события, предчувствуя, что все равно должен оказаться там. Пишу это осознанно, спустя три месяца после возвращения, когда эмоции улеглись, а впечатления окрепли. Поездка гармонично вписалась в ход жизни, будто всю жизнь ждал и готовился к ней, будто в этом ожидании проявилась неотвратимая логика.

Поездку организовал мой добрый гений, профессор Адриан Константин из Венского университета. Две недели, плюс финансовая поддержка от Института Шредингера. О таком солидном приглашении можно только мечтать. Конечно, были еще конференция и доклад, но оба эти научные обязательства только добавили приятного волнения.

Предлагаемые заметки – впечатления от Вены. Идею записать их подсказал Валерий Викторович Сдобняков, за что ему огромная благодарность.

Вена - от венедов

На территории Вены в античные времена существовало поселение. Римляне называли его Виндобона. Историки производят это название от кельтских слов *vindo* - “белый” и *bona* – “огражденное место, городок”. Соединение двух этих слов порождает богатые смысловые ассоциации, про которые почему-то никто не говорит.

Во-первых, непривычное для русского уха название легко превращается в Белгород или Белград. Города с таким именем есть только у русских и сербов. Неужели славяне были причастны к основанию Вены?

Немецкая и австрийская историография постоянно говорит о полной романизации населения Виндобоны. Для непосвященного человека это выглядит вполне логично: римский город – римский народ. Но поселения славян существовали на берегах Дуная уже за несколько тысячелетий до нашей эры. Были они и в венских пределах, куда и кельты, и римляне проникли существенно позже. Но историю города отсчитывают с того времени,

как его захватили римские легионеры и устроили здесь свой лагерь. Остатки строений, обнаруженные во время раскопок безоговорочно приписывают римлянам. Только вот о римских белгородах слышать не приходилось. С другой стороны, возводить белокаменные крепости и белокаменные Кремли - известная русская традиция. Может, и белые стены Виндобоны возводились поначалу для обороны от римлян?

Фото 1. Место раскопок Виндобоны возле дома № 6 по Михаэллаплац (Michaelerplatz), представляющее остатки крепостной стены, домов и коммуникаций поселения. Место раскопок выполнено в мраморном обрамлении.

В самом начале первого тысячелетия Виндобона становится столицей римской провинции Норик. По свидетельству “Повести временных лет” ее жители – норики, были славянами. Часть их, уже после развала Римской империи, пришла на Русь и участвовала в создании древнерусского государства. Но тогда имя Виндобоны можно переводить как “город белых” или “город русов (русов)”. Топонимы типа “земля русов”, “область русов” обнаруживаются по всей Европе в разных языковых вариациях. В этом смысле Виндобона - воспроизведение стандартного словосочетания кельтами, обустроившимися в изначально славянских землях.

Наконец, возможна еще и третья интерпретация древнейшего названия австрийской столицы. Дело в том, что самым знаменитым из племен, проживавших в Норике, был народ венедов. Виндами (венедами) кельты называли русов (русов). Соответственно, Виндобону они должны были идентифицировать для себя как город венедов.

Все три объяснения близки по значению, и все бьют в одну точку, подтверждая причастность предков русских и славян к древней истории Вены. Я с воодушевлением думал об этом, гуляя по старому городу австрийской столицы, территории исторической Виндобоны. Венеды не только основали ее, но и подарили городу имя, живущее и сейчас, правда, в усеченном варианте. Ничего этого не расскажет ни один учебник и ни один

путеводитель, а жаль. Название жителей Вены – венцы, созвучно имени “венецийцы”, и это опять-таки не случайно. Венецию тоже выстроили венеды, но кому это интересно? Я смотрю на прохожих венцев и совсем не нахожу среди них русоволосых. Все они в подавляющем большинстве черноволосые. Увидеть на улице славянское лицо – редкость.

Античным авторам венеды известны также под именем финикийцев. Это искаженное слово “веницийцы”. Финикийский алфавит дал начало латинице, так что придумывать, кто кого учил в Виндобоне не надо. Венедский язык, он же вариант древнерусского, был в Норике международным.

Гуляя по центру, я иногда слышал русскую речь. Это наши туристы, преимущественно компании из нескольких подружек, вдохновенно щебечущих без умолку. Родной язык сродни живительному источнику, и даже мимолетная встреча с соотечественниками за границей придает настроения. В гостинице один из портье отлично говорил по-русски, а в ресторанах, как правило, есть официант, понимающий нас. На сегодняшний день среди студентов **русский язык** входит в тройку самых популярных для изучения иностранных языков, после английского и французского. Выходит, что говорящая по-немецки молодежь интересуется романскими и русским языками, теми самыми, которые в более древних вариантах звучали в Виндобоне. Может, связь времен еще жива?

Австрия – единственная страна Евросоюза, которая не вступила в НАТО. Вспоминаю об этом, оказавшись у монумента советским воинам. Ансамбль памятника состоит из арки и монумента. Арка представляет ряд вертикальных колонн, расставленных по дуге и объединенных общим перекрытием. Внутри дуги на высоком постаменте установлена статуя красноармейца со знаменем в руке и автоматом на груди. На гранях постамента золотыми буквами записан приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении Вены. В контексте сегодняшнего времени интересна подпись в конце документа – И. СТАЛИН. У нас надпись на монументе уже давно бы уничтожили, и от этого становится грустно. Почему в России в почете забвение? Зачем перелицовывать историю?..

Или, возвращаясь к венедам, почему в “Повести временных лет” их заменили на неведомых нориков? Что хотели скрыть от потомков монахи-летописцы? Ответ прост, они обрубили исторические связи русов с Европой. Задачей летописцев было представить нас народом без истории. Вот и придумали фокус с нориками. Мол, не было никаких русских в Европе, а с нориками разбирайтесь сами. Что ж, хитрованы-несторы, мы разобрались. Норики – это союз славяно-кельтских племен, во главе которых стояли русы-венеды. И Вена пошла от венедов!

Город - праздник

Вена дарит ощущение праздника. Чувство это приходит внезапно, когда пройдешь всего ничего по ее улицам. Отчего это? В чем тайна праздничности? В красоте? Да, но Москва, например, тоже очень красивый город. Но от Москвы в одночасье устаешь, ее бешеный ритм жизни утомляет, и начинаешь думать о доме. Или Петербург, с которым часто и по делу сравнивают Вену. Начинаю сопоставлять и понимаю, что в Вене больше света. Петербург Достоевского мрачен, а Вена Штрауса – воздушна. Это штампы, но как без них? В исторической Вене много светлых зданий. Так и хочется воскликнуть – белый, нарядный город!

Лицо города – его архитектура, и тут Вена очаровательна. Смешение стилей не раздражает, и есть ощущение, что коллективный “Разум” архитекторов разных времен думал о гармонии. Яркий пример - история “Дома без бровей”.

В 1909 году банкир Леопольд Гольдштейн задумал построить коммерческое здание рядом с императорским дворцом, в самом центре города. Здание было открыто в 1911 году и сразу вызвало большой скандал из-за слишком простого фасада. Над окнами здания не было традиционной для того времени лепнины, так называемых карнизов, делающих здание более эффектным и богатым. Из-за этого, венское общество сразу же прозвало это архитектурное творение “домом без бровей”. Широкая общественность требовала сноса здания, а император Франц Иосиф I отказался входить в императорский дворец со стороны, открывающей вид на столь некрасивый дом. Говорят, он даже стал занавешивать окна, выходящие на “Дом без бровей”. Архитектор дома, Адольф Лоос, был противником всякого рода архитектурных украшений, настаивая на том, что решающее значение имеет лишь функциональность здания. “Дом без бровей” стал его визитной карточкой. Несмотря на свои радикальные взгляды, Лоос пошел навстречу просьбам общественности и облагородил фасад, повесив цветочные ящики. В 1947 году дом признали памятником архитектуры и взяли под охрану.

Здания города не похожи друг на друга, и каждое имеет свою изюминку. Изящные барельефы, украшающие их окна, и разнообразные лепнины на стенах напоминают об искусных наличниках в наших деревнях, только узоры и изображения на них не типовые, продиктованные многотысячелетней традицией, а самые диковинные.

Русскому человеку удивительно наблюдать улицы, где дома приткнуты вплотную один к одному без промежутков. Это know how средневековых строителей или еще более древних их учителей. Но когда неожиданно в сплошной стене вдруг обнаруживается арка, выводящая во внутренний двор, обустроенный с великой любовью, переживаешь радость открытия. В Вене всегда остается впечатление, что все самое интересное находится вне общего поля зрения, где-то внутри. Для иностранца это как вызов, но тем ценнее становится прикосновение к потаенным местам города.

В Вене множество музеев, но решаю не разбрасываться. Заранее выбрал Музей истории искусств. Особенно долго осматривал его исторические залы. Подлинные саркофаги египетских фараонов и древние тексты стел с берегом Нила. Это надо видеть! Галерея картин неровная по художественному уровню, но ее тоже хочется смотреть и смотреть. Уже покидая музей, подумал, что хочу придти сюда еще. И тут вдруг осознал, что приглашение побывать здесь не раз, проигнорировал, когда покупал билет. В кассе можно приобрести разовый билет, а можно и действующий в течение двух недель, месяца и даже года. Естественно, со скидкой. Это, конечно, менеджерский ход, но он абсолютно правилен.

Меня всегда удивляло, как с чашечкой кофе можно сидеть часами в кафе и болтать. Это общеевропейская привычка. Но все равно, эта никуда неспешность венцев впечатляет. Вечером кафе заполнены. Спокойная и размеренная жизнь многих поколений добрых бюргеров, ремесленников и купцов как будто еще продолжается. В уютных кафе предлагают “кофе по-венски”. Напиток приносят на серебряном подносе с обязательным дополнением – стаканом холодной воды и шоколадкой. Знатоки небольшими глотками прихлебывают напиток, запивая его родниковой водой. Для нас выход в кафе или ресторан – целое событие, мы ходим туда по праздникам. А тут всего чашечка кофе и сиди, наслаждайся. Что ни говори, а культура будничного праздника процветает у нас в основном на кухнях. Открытый по духу народ, мы закованы отдыхать внутри родных стен. Парадокс...

Фото 2. Здание Венской оперы.

Еще в Нижнем через интернет заказал билет в Венскую оперу. Получив его в театре, понял, что был излишне доверчив и недостаточно проницателен. Есть много сайтов с предложениями билетов, но цены там на одни и те же места разные. Ты сам выбираешь место, но необходимо сравнить предлагаемые цены на разных сайтах. Мошенники не дремлют. Если вам пишут, что подтверждение заказа будет через два дня, то это моя ситуация. Вы попадете в оперу, но прилично переплатите за билет.

Венская опера принадлежит к узкому кругу ведущих оперных театров мира: здесь пели и поют знаменитые вокалисты, за дирижерским пультом в разное время стояли Верди, Вагнер, Малер. Ежегодно 1 января здесь дают искрометную “Летучую мышь” И. Штрауса, а 25 декабря – время традиционного Рождественского бала.

Лестница Венской оперы сродни тем монументальным лестницам, которыми были обустроены наши Дома культуры в 50-70-е годы прошлого века. Глядя на их убитое состояние, испытываешь шок. Но он быстро проходит, когда попадаешь в сам зал. Здесь все стильно и изысканно. Правда, раздражение вызывает странный занавес, на котором изображен хор в мантиях и магистерских шляпах. Он совсем не вписывается в праздничную атмосферу зала.

Давали балет “Раймонда”. Зал был полный. Публика самая разнородная. Рядом сидели женщина-австрийка с внучкой, приехавшие из пригорода Вены, и семья новосибирцев, путешествующих по Европе. Отношение к театру у публики предельно уважительное, мужчины в костюмах, женщины нарядные, никаких демократических заскоков вроде джинсов. Хотя, понятное дело, если вы придете в свитере, никто вас не остановит. Мысленно поблагодарил жену, настоявшую, чтобы взял галстук.

Спектакль понравился. Партии Раймонды и ее возлюбленного, рыцаря Жан де Бриена, танцевали русские артисты. Слава нашей школе балета. Но в начале второго акта случилась накладка. Постановщики балета используют декорации, которые поднимаются

на крюках. С одного из них тяжелая ткань сорвалась и накрыла артиста. Ситуация сложилась трагикомическая. На переднем плане танцевали Раймонда и Жан де Бриен, а позади их один из рыцарей пытался вытащить из-под “завала” товарища. Со второго захода ему это удалось. Спектакль на время остановили, а потом продолжили уже без декорации. Наверное, это редчайший момент в истории Венской оперы, но я его видел. К чести зрителей, все переживали за артиста, как за травмированного футболиста на поле, и овации исполнителям были оглушительные.

Особенно поразила служба такси, обслужившая покидавших театр зрителей. Вереница машин выстроилась в ряд у выхода из театра, и желающие по очереди садились в них. Сейчас и у нас обслуживание такси нормализовалось, но его надо специально вызывать. А тут садись и ездай – праздник души и сердца!

День народного единства

В России введены новые государственные праздники, но народ относится к ним скептически. Название “День независимости” скопировано у американцев и крайне неудачно. Тем более, что в финансовой сфере никакой независимости у нас нет. Схожая ситуация и с Днем народного единства. При существующем социальном расслоении населения говорить о единстве постыдно. Но день народного единства был в нашей истории, и я пережил его в Вене 18 марта 2018 года.

За границей попадаешь в информационный плен. В Интернете наши новостные сайты блокируются. Перед президентскими выборами англичане раскрутили на полную катушку “дело Скрипалей”. На местном телевидении – диктат русофобии, и видя это каждый день, понимаешь, что Отечество в опасности.

Фото 3. Очередь у посольства Российской Федерации в день президентских выборов.

Выборы проходили в Российском посольстве. Шел туда с уверенностью, что это дело пяти минут. Каково же было удивление, когда перед входом увидел большую очередь. Люди спокойно вставали в очередь, никто не уходил. Внутри здания очередь поднималась на второй этаж, где и располагалась комната для голосования. За столами сидело 10 секретарей, работали они быстро, но народу, действительно, было много, и стоять надо было порядка часа. Публика была самая разная - и молодежь, и пенсионеры. Были семьи с маленькими детьми и даже беременные, которых пропускали без очереди. В очереди не разговаривали, не было ни улыбок, ни шуток-прибауток. Царила обстановка суровой сосредоточенности, и я вдруг подумал, что так ведут себя люди в момент мобилизации.

Урна для бюллетеней была из прозрачного стекла. Большинство листов лежало в развернутом виде. Люди не хотели скрывать свой выбор. Для всех все было очевидно. Я чувствовал, что россиян в очереди объединяет общая сила, это был день нашего единства.

Проголосовав, я подписал и оставил в подарок послу две свои книги. Как знать, может, найдутся у них новые читатели за границей? Но на этом приключения дня не закончились. По пути назад ко мне обратился с вопросом молодой человек. Он интересовался, из какого материала сделана огромная лепнина на одном из зданий. Незнакомец оказался китайцем, мы перекинулись фразами и пожелали успехов друг другу. Забавно, что он знал про наши выборы и, похоже, будь русским, проголосовал бы так же, как и большинство народа в России. А это более трех четвертей. “Россия сосредотачивается” (князь А.М. Горчаков), и это главное достижение В.В. Путина.

Решаю отметить исторический день праздничным обедом. Захожу в ресторан и встречаю коллегу, участника нашей конференции. Кроме меня, он единственный русский, правда, еще в 90-х эмигрировал и живет в Англии. Понятно, разговор касается выборов. Ему неловко, поскольку он теперь гражданин Великобритании. История с Крымом для таких, как он, - проверка на “вшивость”. Смена гражданства для ученых, уезжавших на Запад, была завуалированным предательством. До поры, до времени можно было болтать об общечеловеческих ценностях, но наступил момент выбора и факт предательства обнажился зримо. Коллега рассказывает, как проголосовала его мама и родные, совсем не так, как хотелось бы коллективному Западу, и мы оба понимаем, что пропасть между ним и родственниками будет только расти. Я почему-то вспоминаю Тараса Бульбу: “Ну, что, сынок, помогли тебе твои ляхи?”

Пока обедали, я все думал, стоит ли дарить коллеге свой сборник стихов? Там есть такое четверостишие:

Страны российской эмигранты,
Простите прямодушный стих,
Вы есть и были маркитанты
В своем обозе среди чужих.

Оно нарушало наш политический нейтралитет и могло вызвать отчуждение. Но в такой день хотелось быть предельно открытым. Наши эмигранты, действительно, чужие здесь, и чужими останутся. Я подписал и подарил сборник...

После вступления в должность Владимир Владимирович Путин уехал из Кремля на президентском автомобиле с номером В 776 УС 77. Мой друг-гаишник сразу же позвонил и спросил: “Что это значит? Ведь президент мог выбрать любой номер”. И добавил: “Думаю, первая буква должна означать “Владимир”. В сущности, это уже был ключ к разгадке. Последние “77” – номер московского региона, а первые “77” по канонам нумерологии - символ мудрости, так что аббревиатуру на автомобиле следует читать так:

Именно за это голосовало большинство избирателей. Но совсем не таким они представляли нынешнее правительство. Числа 22-х министров и 10-ти вице-премьеров устрашают своей каббалистической мистикой, а рост цен на бензин и проект пенсионной реформы пугают грядущим обнищанием. Вот уж с кем, с кем, а с этим правительством у народа точно нет никакого единства. Остается лишь молиться, что президент не сменит номер своего авто...

Музыка судьбы

В разные моменты душа откликается на разную музыку. Помню, будучи пионером, был без ума от песенок из кинофильма “Бумбараш” и мелодии из кинофильма “Высокий блондин в черном ботинке”. Позже поочередно влюблялся во “Времена года” Чайковского, фугу и токкату ре-минор Баха, “Лунную сонату” Бетховена, 1-й концерт для скрипки Паганини и т.д. Свою жизнь я могу вспоминать по этим произведениям.

Каждое из них связано с определенным периодом, когда я особенно любил слушать их. И с каждым из них связаны какие-то важные события. На пластинке “Бумбараша” стоит автограф Валерия Золотухина, “Высокий блондин” – время окончания школы, “Времена года” звучали в университетские годы, а фуга Баха чуть позже озарила душу, когда Гарри Гродберг исполнял ее в Концертном зале Чайковского. Недавно прочитал, что “Лунная соната” – это траурная тема похорон любви, но еще раньше независимо сам пришел к этому. В самом деле, попробуйте напевать, слушая сонату, два слова – “я люблю”. Фраза, повторяемая раз за разом, нежно и складно вплывает в музыку, только нет в этом жизнеутверждающей радости. Тот же эффект будет, если произносить фразу по-английски – I love you. Если “Лунная соната” врачует безнадежно влюбленных, то 1-й концерт Паганини зовет к виртуозным творческим взлетам. Конечно, все это условно, но последовательность таких произведений я назвал музыкой судьбы.

Вы спросите, какая из мелодий сопровождает меня последнее время? Не поверите, но именно ее я слушал в Золотом зале Венского Музикферайна (Музыкального общества).

Посещение Оперы было обязательной программой. Но была еще и произвольная, рассчитанная уже на импровизацию на месте. По каналу “Культура” я несколько раз слушал новогодние концерты Венского филармонического концерта, которые с 1959 года ежегодно проводятся в Золотом зале. Я хотел непременно попасть туда.

Изучив афишу, я выбрал концерт Мюнхенского филармонического оркестра под управлением Валерия Гергиева. В программе значились Бетховен и Стравинский, но она интересовала меня меньше всего, да и исполняемые произведения в ней не указывались. Главное было заполучить билет, но уже за неделю в кассах Музикферайна оставались лишь стоячие места. Попробовал обратиться к распространителям билетов, которые в нарядных кафтанах планирует около Оперы. Однако переговоры с ними тоже к успеху не привели, и я успокоился. На нет, и суда нет.

Но в день концерта в голове вдруг четко обозначился план действий. Он возник из ничего, в две секунды, и так уверенно заявил о себе, что я уже больше не колебался. Спокойно собрался и ровно за час пришел к кассам Музикферайна. Единственный билет в партер ждал меня, и оставалось лишь выкупить его. Времени оставалось много, и я еще погулял по закоулкам музыкального дворца. Подобно лестницам Оперы, его коридоры контрастируют с внутренней красотой зала. Это, похоже, местная особенность, которой не стоит придавать значения. Публика – особенная, в основном 65-70 плюс. Все хорошо одеты. Дамы в вечерних платьях, у многих мужчин – бабочки. Атмосфера праздника...

Когда зазвучала музыка, я не поверил своим ушам. Оркестр исполнял Седьмую симфонию Бетховена, которую обожаю до дрожи душевной. Есть в ней и пиршество гармонии, и торжество мелодичности, и трепет вдохновения. В свое время я придумал для нее сюжет. Мне кажется, что Бетховен передал в музыке процесс творческого поиска и решения поначалу неведомой проблемы.

Первая часть – знакомство с проблемой и ее обзор. Это как подъем в гору, когда открывается горизонт и видишь новые дали. Начиная испытывать к ним интерес, ты отклоняешься в сторону от прямого восхождения, и маленькими тропками движешься на другую сторону “горы”, откуда вид уже другой. Проблема всерьез начинает тебя интересовать, и тогда ты пытаешься решить ее прямолинейно, известными тебе способами. Но, несмотря на все упорство и напряжение сил, ничего не выходит. Как итог, наступает опустошение.

Вторая часть – самая главная. Она открывается самой красивой темой симфонии и отражает поиск новых ходов, размышление над проблемой с неожиданной стороны. Поначалу правильное направление проглядывает едва-едва, и музыка звучит приглушенно. Но мысль снова и снова возвращается на нащупанную дорожку. Музыковеды связывают постоянное возвращение к основной теме с танцем. Но важно, что, проходя по кругу, мелодия набирает силу, мощь. Правильное решение найдено, но лишь в общих чертах. Его интуитивно ощущаешь, но необходимо еще сформулировать его и осмыслить.

Третья часть символизирует мозговой штурм. Решение выстраивается в виде гармонично устроенной “картинки”, но постоянно возникают сомнения, а все ли правильно, нет ли где слабых мест? И когда такие обнаруживаются, бросаешь все силы на их устранение. В этот момент ощущаешь себя героем, остается только выйти со своим достижением в мир и поведать о своем достижении окружающим.

Четвертая часть – диалог творца с критиками. Его восторг они стараются остудить замечаниями и придирками. Но все они не носят принципиального значения. Творец отражает наскоки критиков, его идея, в силу их замечаний, несколько редактируется, обретая законченный характер, но становится только основательней, а мощные заключительные аккорды звучат ей торжественным гимном.

Может, я совсем не угадал то, что задумал Бетховен. Но музыка Седьмой симфонии – это переход в неземные, заоблачные сферы, в Космос Духа. Композитор писал ее зрелым человеком, в те годы, когда слух угасал в нем, находясь, буквально, на грани двух миров – Звука и Беззвучия. И ему открылась музыка “небесных сфер”, музыка Космоса. Он через музыку отобразил процесс творческого озарения, рождение мысли в особом духовном пространстве – Мысле-Космосе (Г. Гачев), космогонии Духа. Я бы предложил так и называть Седьмую симфонию – “Космогоническая”...

Надо ли добавлять, что после нее модернистские опыты Стравинского не тронули меня ни одной ноткой. Было полное ощущение надуманности и “механичности” его музыки. Но венцы выслушали и ее с великим вниманием. На “бис” мюнхенцы ничего не исполнили, и это расстроило, думаю, не только меня. С другой стороны, и музыкантов можно было понять. Они сыграли две настолько разных музыки, что связать их какой-нибудь короткой вещью не представлялось возможным. Или нет, они оставили слушателям возможность сопоставить две эти музыки, и не разбавлять впечатлений.

Что же до меня, то я запомнил только бетховенскую симфонию. И, возвращаясь в отель, думал, какая же сила толкнула меня придти на концерт?..

Венцы и эротизм

На соседней с отелем улице размещается музей Фрейда. Мимо него я проходил едва ли не каждый день. Первоначально музей представлял собой квартиру Фрейда, где он прожил вместе со своей семьёй 47 лет (до вынужденного отъезда в Лондон). В квартире находился рабочий кабинет доктора, а также приёмная, где он консультировал своих пациентов. Все его психоаналитические достижения связаны с Веной. И полагаю, что наблюдения за душевными пристрастиями венцев сыграли не последнюю роль в его открытиях.

Вена пронизана тонким духом эротической культуры. Подумал об этом, увидев меню коктейлей, вывешенных перед входом в бар, прямо на улице. На первом месте там красуется “Sex on the beach”, что переводится как “Секс на пляже”. Это популярный коктейль, любимый напиток героев “Санты Барбары”. Знаменательно, что он первенствует в списке из 13 напитков и входит в число наиболее дешёвых. Скажете, мелочь, случайность?

А по мне, так в Вене все продумано до мелочей. В двух шагах от отеля находится дворец Лихтенштейнов. В нём находится полторы тысяч полотен живописи, включая Рубенса, Рембрандта и Рафаэля, несметные сокровища, начиная с золотой кареты и заканчивая старинными драгоценностями. Говорят, что интерьер зала Геракла на 2-м этаже затмевает своей роскошью даже залы Зимнего дворца в Петербурге. К сожалению, попасть сюда можно только раз в две недели и по предварительной записи. Срок моего пребывания попадает точно в промежуток между двумя возможными датами посещения. Не судьба. Но есть парк вокруг дворца и белостенная ограда со скульптурами и вазонами. Созерцая их, понимаешь, что здесь царил дух языческих богов и эротических ритуалов.

Фото 4. Вазон с изображением Амура. На постаменте изображен лик его матери – богини Венеры. Ее имя (по-латински “Venus”) иногда связывают с названием австрийской столицы.

Рядом с дворцом находится знаменитая лестница с трудно произносимым названием Штрудльхофштиге. Я поднимаюсь по ней каждое утро, направляясь в Институт Шредингера. Помещик Питер Штрудль, чьим именем была названа лестница, отличался тяжелым нравом. Но у нее есть другое название – “лестница влюбленных”. Снизу ее украшает крохотный фонтанчик, пролеты утопают в зелени, а в укромных уголках расставлены скамейки, где обожают ворковать влюбленные. Почему ее так назвали? У лестницы два входа и один выход. Казалось бы, сколько лишнего труда и строительного материала вложено. А в осмыслении этого факта возникает сюжет соединения двух влюбленных, и символическим знаком их союза выступает фонтанчик, бьющий из-под той самой площадки, где соединяются между собой первые пролеты. Это целая поэма в камне, а ее автора - архитектора Иоганна Теодора Йегера, хочется назвать поэтом. Любопытно, что извилистый путь лестницы вверх тоже полон внутреннего подтекста и отражает испытания, которые ждут влюбленных. Bravo, архитектор Йегер!

Фото 5. Лестница Штрудльхофштиге.

Знаковым среди романтических мест Вены является Шенбрунн – летняя резиденция австрийских императоров. Это как Царское Село для Петербурга или Версаль для Парижа. Он находится в 5 километрах от центра. Мы с группой участников конференции добрались сюда с пересадкой на двух трамваях. В сам дворец идти было поздно, и мы ограничились прогулкой по его парку. Меня очаровала состоящая из двух параллельных рядов аллея античных скульптур. Привожу фотографию скульптуры, открывающую один из рядов, и потому самую удобную для обзора из окон дворца. Не находите ли вы передаваемый ею сюжет оригинальным и художественно прекрасным? Символично, что женщина-богиня выше возлюбленного, он буквально носит ее на руках. Это ли не гимн любви?

Собор Святого Штефана - национальный символ Австрии и символ города Вены. Он расположен на одноименной площади, которая считается центром города. В путеводителе “Вена для романтиков” (М.: Эксмо, 2015) нахожу информацию: “На храме венцы установили парочку весьма хулиганских элементов, которые непременно заинтересуют тех, кто собрался провести эту ночь в бурных объятиях. Приглядитесь к двум Языческим башням над главными воротами, а еще лучше – вооружитесь

фотокамерой с приличным зумом. Действительно, на левой башне, под часами, расположен мощный фаллос, а на правой – женское лоно. Средневековые венцы знали толк в любви и были достойны своей плодovитой династии!”

Фото 6. *Скульптура в парке Шенбрунн с изображением богов любви.*

Языческий артефакт на стенах главного католического Собора требует комментария. Обратимся вначале к фигуре святого, которому посвящен Собор. Святой Стефан – первый христианский мученик, который был привлечен к суду Синедриона и побит камнями за христианскую проповедь. Имя “Стефан” традиционно производят от греческого слова “венок”. У нас, однако, другая версия. Имя это “говорящее” и означает буквально “Есть Ван(я)” или “Истинный Иван” (сравните с испанским вариантом имени – Эстебан). Скажете, перегибаю? Ничуть! Русы-венеды почитали бога любви и плодородия Ивана, культ его дожил до начала XVI века, когда Собор Святого Штефана приобрел окончательный вид. В этом нет ничего странного, на Руси корни язычества были живы вплоть до эпохи Ивана Грозного (середина XVI века). Поскольку имя языческого бога совпадало с именем христианского мученика, языческая община Вены настояла на украшении двух башен Собора соответствующими символами. Другими словами, языческие символы на башнях - никакое не хулиганство, а попытка примирить разные религиозные направления в условиях двоеверия.

Наши примеры касались преимущественно архитектуры. Но и в творчестве культовых для венцев художников – Густава Климта и Эгона Шиле, эротическая тема является доминирующей. Многие эротические произведения обоих художников носят скандальный характер, а сувенирные магазинчики завалены разного рода предметами и подарками с изображением картины Климта “Поцелуй”. Словом, венцы хранят культурные традиции эротизма.

Богатырь Дунай Иванович

Дунай протекает в стороне от центра. Накануне отъезда отправляюсь к реке, чтобы попрощаться с городом. Времени у меня с запасом, и я иду пешком, сверяясь с картой города. Чуть больше часа пути, и я уже стою на мосту, глядя на уходящую вдаль реку. Она не очень широкая, поскольку, защищаясь от наводнений, венцы разделили ее на несколько рукавов. В марте река еще пустынная, и отдельные пароходы пришвартованы к причалам. Все обыденно и буднично, время как бы замерло.

Дунай - великая река, и на ее берегах творилась великая история. До нас она дошла в “обрывках” документальных свидетельств, и о многом мы так никогда и не узнаем. Но сохранились еще некоторые “мелочи”, которые толкают к размышлениям. К примеру, имя “Дунай” родственно (читай, тождественно) нашему Дону: название рекам давал один и тот же народ. А еще в русских былинах есть богатырь Дунай Иванович. Исследователи признают, что герои эпоса олицетворяют обожествленных предков, а их имена соотносятся с его названием. Почему тогда не предположить, что Дунай сын Иванов – вождь дунайской ветви венедов, пришедшей на Русь?..

Наша уникальная открытость, наша всемирная отзывчивость имеют свои корни. Мы – хранители памяти о былом единстве европейцев, мы – тот “цемент”, который скреплял, и будет скреплять их, несмотря на все центробежные течения. Венцы для нас не чужие. И это живет в нас, потомках Иванов и Дунаев.

ЯБЛОКО НЬЮТОНА

Вертикаль. XXI век. № 53.

Однажды я получил приглашение на научную конференцию в Кембридж. Для меня оно стало неожиданностью. Во-первых, потому что никакой заявки на участие не отправлял. Я уже много лет не ездил никуда, кроме своей деревни, и никакого желания путешествовать не испытывал. Во-вторых, приглашал меня авторитетный профессор, и я был единственным русским участником. Обычно наши ученые, наоборот, бомбардируют иностранных коллег просьбами о приглашении и оплате расходов. С моей стороны ничего такого не было. Но оба эти обстоятельства совершенно меркли по сравнению с третьим, которое совершенно не укладывалось в голове.

Кембридж – город Ньютона, родина его научного гения. Здесь он познавал тайны науки, корпел над формулами и придумывал эксперименты. Здесь он открыл знаменитый закон тяготения, самый красивый закон Природы. Почему самый? Это закон притяжения, а притяжение всегда любовь, дружба, верность и желание помочь, это самая грандиозная сила в Космосе и самая “человечная” из сил Природы. Стоит только снизойти до земного и начать разглядывать отдельные части мира, как появляются силы отталкивания. Без них, конечно, ничего устойчивого не сложилось бы, но это уже конфликты, противостояния и интриги.

Со школы люблю закон тяготения. Есть в нем какая-то внутренняя правда жизни. Вот допустим, один человек в пять раз тяжелее другого, ну, то есть один взрослый, а другой ребенок. Один несет уже огромный груз пережитого, а другой только-только готовится взвалить его на свои плечи. Оба они очень разные, но закон Ньютона равно уважает и того, и другого, утверждая, что притягиваются они с одинаковой силой. Разве это не есть формула идеальной любви?

Говорят, что к догадке Ньютона подтолкнуло наблюдение падающего яблока, когда он мирно попивал чай в своем саду. Ученого заинтриговало, что оно летит к центру Земли. Это означает, что притягивающая сила планеты сосредоточена в ее центре. Но тогда планету можно уподобить крошечной точке с массой Земли. Или образно, яблоко и Земля – две точечные массы, между которыми действует тяготение. Поняв это, Ньютон нашел математическое выражение закона. Его открытию предшествовала умозрительная ассоциация: яблоко “подказало” ученому путь расчета.

Ньютон открыл формулу притяжения, но для него остался неизвестным механизм действия гравитации. Почему действует тяготение? Что таится внутри пустоты, так что между телами возникает притяжение? Может, наше пространство заполнено невидимой средой, которую называют эфиром? Физики до сих пор не проникли в тайну гравитации. Они научились рассчитывать движения планет, но, увы, так и не осознали, по какой причине те притягивают друг друга.

Я придумал свою теорию гравитации. И теперь самое время сказать о главной неожиданности приглашения. Оно пришло сразу после того, как я оформил свою теорию в

виде статьи, и выступить мне предлагалось в Институте Исаака Ньютона. И хотя тема доклада не была связана с гравитацией, меня не покидало ощущение, что путешествие в Кембридж было задумано и поддерживается высшими силами.

* * *

При прохождении паспортного контроля в лондонском аэропорту женщина-офицер доброжелательно улыбается. Узнав, что я ишу автобусную станцию, она рисует мне схему прохода. Автобус – самый простой способ добраться до Кембриджа, так как не требует пересадок. Покупаю билет и спустя час ожидания удобно устраиваюсь в кресле автобуса. Теперь в течение трех часов мне предстоит разглядывать Англию из окна. Но оказалось, что рассматривать нечего. Маршрут огибал Лондон, и пустые поля быстро наскучили. Другое дело, что были остановки в небольших городках. Дома в них исключительно двухэтажные. Это стильно. Не знаю, насколько комфортно живется в таких каменных строениях, но внешне они выглядят замечательно.

Фото 1. Бар Исаака Ньютона

Только вышел из автобуса, как начал накрапывать дождик. Он был настолько мелкий, что не хотелось доставать зонтик. Поблизости стояли такси, но я настроился на пешую прогулку. Карта города и маршрут были выучены еще дома, сумка удобно висела на плече, и я не сомневался, что в течение получаса спокойно дойду до Института. А еще хотелось увидеть город.

Дождь, однако, становился сильнее, так что пришлось развернуть зонт. На улицах было полно людей, большинство из них шли без зонтиков, и эта всеобщая бесшабашность веселила и умиротворяла. Я почти сразу же вышел к Тринити Колледжу. В его стенах учился и преподавал сэра Исаак Ньютон. Стены Колледжа поражают своей монументальностью. За ними можно было держать оборону, подумал я, ускоряя ход, поскольку зонт уже не спасал, а туфли промокли насквозь.

Выбирая нужный поворот, я вдруг осознал, что город спланирован как лабиринт. Проулки уводили в сторону от основного пути. Таблички с названием улицы находились только в ее начале, и для ориентировки часто приходилось ходить из конца в конец. Однажды сбившись с пути, я стал ходить кругами. К тому времени я уже полностью промок, сырая сумка оттягивала плечо, и я уже жалел, что не воспользовался такси.

Я давно покинул центр, и теперь навстречу попадались лишь единичные прохожие. Пришло время спрашивать дорогу: я стал задавать вопросы всем подряд, но никто не мог сказать мне, где находится Институт Ньютона. Наконец, один молодой человек, выслушав меня, понятливо закивал и указал рукой на виднеющееся вдали здание. Надо ли говорить, как я лихо одолел небольшой подъем, ведущий к нему. Но увидел нечто совсем неожиданное. Над входной дверью здания красовалась вывеска “Бар Исаака Ньютона”. Не буду хвалить свой английский. Скорее всего, англичанин разобрал только имя ученого и указал на ближайшее заведение, связанное с его именем.

Фото 2. Внутри бара Исаака Ньютона. На стене литография марки с портретом Ньютона.

Позже я узнал, что для многих ученых, впервые попавших в Кембридж, поиски Института Ньютона превращались в путешествие по лабиринту. Но какая сила направила

меня от Тринити Колледжа к бару Ньютона? Или это случайность? Не ведаю, только вот что определено. Бар Ньютона знаменит тем, что внутри его развешаны фотокопии страниц из знаменитых “Математических начал”, где и был опубликован закон всемирного тяготения. Для ученых этот бар – культовое место, и я почему-то должен был сразу засвидетельствовать в этом месте свое прибытие.

* * *

Институт Ньютона – прекрасная задумка. В нем нет постоянных научных сотрудников. Ученые из разных стран приезжают сюда на короткое время, чтобы обсудить определенную проблему. Для работы им предоставляются кабинеты, оборудованные всем необходимым. Что называется, живи и твори, тем более, что прогулки по Кембриджу не могут не вдохновлять.

Включившись в жизнь Института, я, однако, не забывал, что приехал в гости к Ньютону. Я погулял по Тринити Колледжу и увидел окно, где жил гений, посетил знаменитый бар его имени, где сфотографировался на фоне страницы “Начал”, пообедал в модном кафе “Тринити”, находящемся на одноименной улице прямо напротив входа в знаменитый Колледж. За обедом не забыл помянуть сэра Исаака Ньютона бокалом эля. Наконец, приобрел эксклюзивные майки с его портретом.

Фото 3. Вход в Институт Исаака Ньютона для математических наук.

В один из дней я отправился погулять в центр. К тому времени я уже хорошо ориентировался в городской топонимике и для разнообразия выбирал неизведанные до

того тропы. Институт Ньютона является частью Центра математических исследований при Кембриджском университете. Раньше я обходил Центр по периметру, а в тот раз решил пройти его насквозь. Дорожка, которую я выбрал, проходила мимо забора, за которым росла яблоня. Ее ветви свисали над забором, и на них красовались спелые, желто-красные плоды. Одно из таких яблок лежало на земле, и я поднял его. Яблоко упало совсем недавно и подгнивало только в одном небольшом кружочке. Я аккуратно вытер яблоко и с наслаждением надкусил его. Оно было сочным, сладким и невероятно вкусным. Августовское солнце пробивалось сквозь кроны, и было ощущение, что ты оказался в раю, и вкушаешь плод дерева познания. Время застыло, как и пространство вокруг. Каждая клеточка тела ощущала безмятежность и абсолютное счастье.

Забор был аккуратно сделан из струганных досок и выкрашен в темно-зеленый цвет. Высота его не позволяла заглядывать внутрь сада, и, уж тем более, пытаться рвать яблоки. Для прохожего каждое из них олицетворяло запретный плод. Правда, под своей тяжестью спелое яблоко могло свалиться на землю, точно так же, как это случилось с ньютоновским яблоком. Я вдруг подумал, что очутился в схожей с Ньютоном ситуации. И произошло это не где-нибудь в родной глубинке, а в Кембридже, в двух шагах от Института, носящего имя ученого. Опять случайность?

Ньютон не был “сухарем”. Он не только не чурался мистики, но и осознанно причислял себя к числу избранных мыслителей, способных понимать шифры текстов и интерпретировать аллегории библейских книг. Он также прекрасно знал, что со Средних веков живописная традиция прочно связывала яблоко с символическим плодом дерева познания. Почему же тогда в тот памятный вечер в своем саду он не поднял заветное яблоко и не надкусил его?..

Я стал внимательно изучать полянку. На ней во множестве лежали только гнилые плоды. Все они находились на земле уже долго, и ни на одном из них не было живого места. Выходило, что у найденного яблока – особая судьба, не связанная с историей остальных плодов. Оно ждало меня...

Я назвал его яблоком Ньютона.

* * *

Статью о гравитации я посылал в самые престижные журналы. Все они печатать ее отказались.

Но я твердо убежден в ее правильности.

- Откуда такая уверенность? – спросите вы.

- Я съел яблоко Ньютона.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора

Физика

О квантовой природе закона всемирного тяготения
О возможном механизме возникновения турбулентности

История и философия науки

Поэзия русских числительных
Темные сущности в современной физике и греческие мифы творения
Осевое время: разум мира против духа ариев
Русский образ науки
Особенности русского природоведения

Историческая публицистика

Новая хронология в Книге Бытия
Откуда есть пошел русский дух?
Памятка русскому человеку: Средиземноморская Русь
О граде Китеже
“Лишний” человек Владимир Ленин
Шифрованные псевдонимы Иосифа Виссарионовича

Литературоведение

Одиссея чертоподобного Павла
О прототипах обитателей “Дома Грибоедова”

Литературные опыты

Беседа с писателем Валерием Сдобняковым
Венские этюды
Яблоко Ньютона

Краткие сведения об авторе:

Абрашкин Анатолий Александрович – родился в 1959 году в Горьком, окончил радиофизический факультет Горьковского Государственного Университета в 1981 году. После окончания ГГУ работал в Институте прикладной физики РАН (1981-1991, 2001 - 2015) и Институте прикладной механики РАН (1991 – 2001). В настоящее время профессор кафедры математики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук в Институте теоретической и прикладной механики СО РАН (1988) и доктора физико-математических наук в Институте гидродинамике СО РАН (1999) в области динамики вихревых течений идеальной жидкости. Опубликовал более 40 научных статей. Автор монографии “Вихревая динамика в лагранжевом описании” (совместно с Е.И. Якубовичем; М.: Физматлит, 2006), а также ряда книг по древней истории русов и древнерусской мифологии, книги “Тайнопись “Мастера и Маргариты” (совместно с Г.В. Макаровой), трех сборников стихов. Член Союза писателей России.